83.84
Х31

ЦАРСТВО МАЛЮТОКЪ

ИЗДАНІЕ Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ

№ 30.

Дар

ЦАРСТВО МАЛЮТОКЪ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МУРЗИЛКИ
и
ЛѢСНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧКОВЪ

въ двадцати семи разсказахъ

А. ХВОЛЬСОНЪ

СЪ 182 РИСУНКАМИ П. КОКСА

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ

Дина Борисовна

7533-д-1

МУК «ЦБС»
г. Вологда

Изданіе
Товарищества М. О. Вольфъ
• С.-Пбургъ • Москва •
[Б. г. (1914?)]

Центр писателя
В.И. Белова

83.84-45
Х31

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
ОБЫКНОВЕННАЯ: БЕЛ· ФОТГ· БУМАГА

СОДЕРЖАНІЕ

стр.

I. Малютки-эльфы отправляются къ вѣчнымъ льдамъ 1

II. Малютки-эльфы на санкахъ-самокаткахъ 11

III. Малютки-эльфы въ царствѣ снѣга. 17

IV. Малютки-эльфы катаются на китѣ. 23

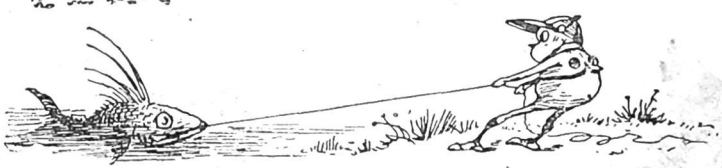

V. Малютки-крылатыхъ

эльфы встрѣчаютъ эльфовъ. 32

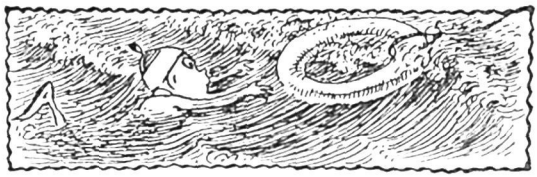
VI. Малютки-эльфы на рыбной ловлѣ. . 39

VII. Малютки-эльфы пускаютъ бумажныхъ змѣй. 46

VIII. Малютки - эльфы путешествуютъ по морю 54

IX. Малютки-эльфы въ Индіи 60

X. Малютки-эльфы собираютъ пчелъ 71

XI. Малютки-эльфы улетаютъ на спинѣ ласточекъ 78

XII. Малютки-эльфы устраиваютъ циркъ. 82

XIII. Малютки-эльфы затѣваютъ игру въ мячъ 89

XIV. Малютки-эльфы въ Италіи . . . 94

XV. Малютки-эльфы въ Швейцаріи. . . . 99

XVI. Малютки-эльфы въ Германіи . . 109

XVII. Малютки-эльфы во Франціи. 117

XVIII. Малютки-эльфы устраиваютъ состязаніе на велосипедахъ 124

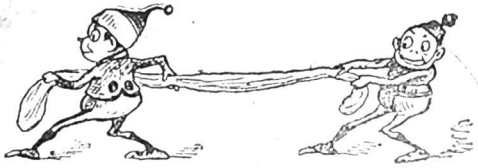
XIX. Малютки-эльфы играютъ въ лаунъ-тенисъ 133

XX. Малютки-эльфы въ Лондонѣ . . 144

XXI. Малютки-эльфы въ Голландіи 152

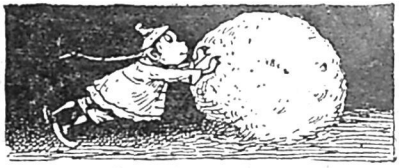

XXII. Малютки-эльфы прядутъ нитки 166

XXIII. Малютки-эльфы въ Берлинѣ. 174

XXIV. Малютки-эльфы въ Вѣнѣ 185

XXV. Малютки-эльфы въ Варшавѣ 197

XXVI. Малютки-эльфы дѣлаютъ снѣговика. 204

XXVII. Малютки-эльфы возвращаются въ родной лѣсъ 214

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

Кто такіе эльфы-малютки, кто такой Мурзилка и какъ эльфы рѣшили отправиться къ вѣчнымъ льдамъ.

Въ дремучемъ лѣсу далекаго сѣвера, подъ перистыми листьями папоротника, жило большое общество веселыхъ эльфовъ, или лѣсныхъ человѣчковъ.

Эльфы жили превесело. Все у нихъ было подъ руками и ни о чемъ имъ не приходилось заботиться: ягодъ и орѣховъ въ лѣсу водилось множество, рѣчки и ру-

чейки снабжали эльфовъ хрустальной водой, а цвѣты приготовляли имъ душистый напитокъ изъ своихъ соковъ, до котораго крошки большіе охотники. Въ каждую полночь эльфы забираются въ чашечки цвѣтковъ и съ наслажденіемъ пьютъ капельки душистой влаги, за что каждый эльфъ долженъ разсказать цвѣтку интересную сказочку.

Несмотря на изобиліе всего, малютки не сидѣли, сложа руки, — они цѣлый день возились: то чистили свои жилища, то качались на вѣткахъ, то купались въ лѣсныхъ ручейкахъ; съ птицами наравнѣ встрѣчали восходъ солнца, слушали, о чемъ грохочетъ громъ, что шепчутъ листья и былинки, о чемъ толкуютъ звѣри...

Птицы разсказывали имъ про жаркія страны, солнечные лучи, — про моря, а луна — про глубокія сокровища земли.

Зимою крошки жили въ оставленныхъ гнѣздахъ и дуплахъ, но въ каждый солнечный день выходили изъ своихъ норокъ, и тогда лѣсъ оглашался пискомъ и визгомъ,

по всѣмъ направленіямъ летали снѣжки не больше булавочной головки и стояли снѣжные болваны съ мизинчикъ маленькой дѣвочки, которые, однако, малюткамъ казались выше всякаго великана, потому что они были впятеро выше ихъ самихъ.

Съ первымъ дыханіемъ весны эльфы оставляли свои зимнія помѣщенія и переселялись въ чащечки подснѣжниковъ; отсюда выглядывали они и видѣли, какъ чернѣлъ снѣгъ и таялъ, какъ цвѣла орѣшина въ то время, когда ея листочки еще спали въ теплыхъ почкахъ, какъ бѣлочка перетаскивала домой послѣдній зимній запасъ изъ отдаленной кладовой; видѣли, какъ прилетали птицы въ свои старыя гнѣзда (въ которыхъ зимою жили эльфы), и какъ лѣсъ мало-по-малу покрывался зеленью.

Въ одинъ лунный вечеръ сидѣли крошки у старой ивы и слушали, какъ русалочки пѣли про подводное царство.

— Братцы, гдѣ же Мурзилка? его что-то давно не видать! — сказалъ одинъ изъ эль-

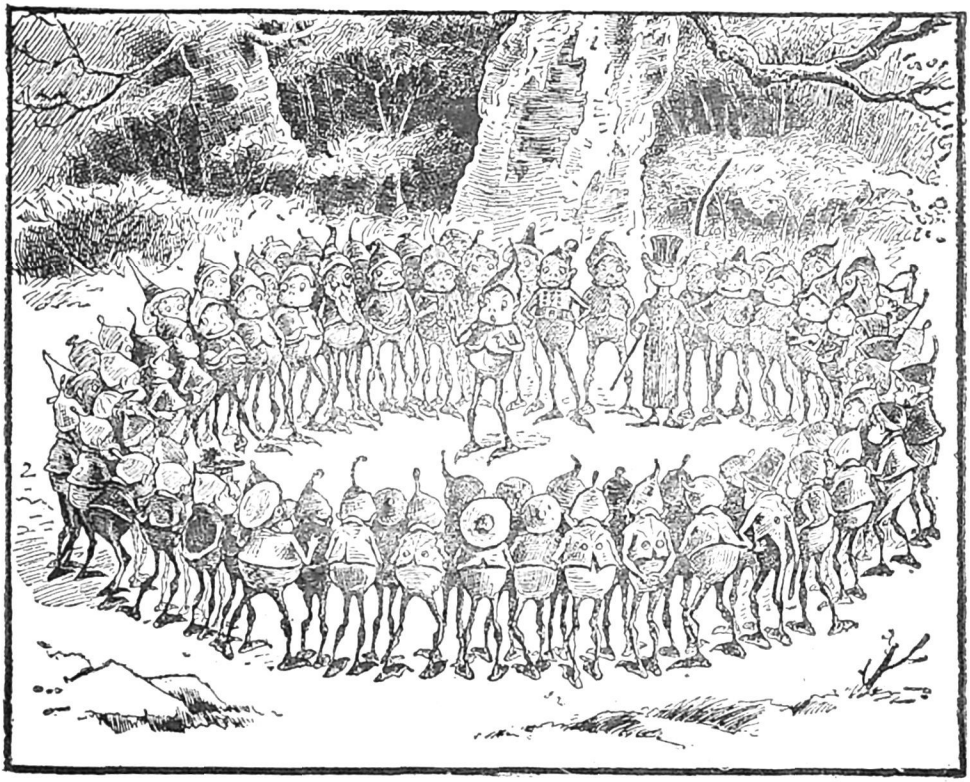
фовъ, Дѣдко-Бородачъ, съ длинной сѣдой бородой; онъ былъ старше всѣхъ, всѣ его уважали, и потому онъ носилъ полосатый колпакъ.

— Я здѣсь,—раздался хвастливый голосокъ, и съ верхушки дерева въ кругъ вскочилъ самъ Мурзилка, по прозванью «Пустая голова». Братья хоть и любили Мурзилку, но считали его лѣнтяемъ, чѣмъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ; кромѣ того, онъ любилъ щеголять, — носилъ длинное пальто или фракъ, высокую черную шляпу, сапоги съ узкими носками, тросточку и стеклышко въ глазу, чѣмъ онъ очень гордился, между тѣмъ какъ другіе пазывали его пустой головой.

— Знаете, откуда я? Изъ самаго Сѣвернаго Ледовитаго океана! — кричалъ онъ громко.

Обыкновенно, ему не очень-то вѣрили; на этотъ разъ, однако, сообщаемое было такъ необыкновенно, что всѣ обступили его съ разинутыми ртами.

— Ты тамъ былъ? Правда? Какимъ же образомъ ты туда попалъ?—слышалось со всѣхъ сторонъ.

Всѣ обступили его съ разинутыми ртами...

— Очень просто. Зашелъ я къ кумѣ-лисѣ провѣдать ее, вижу — она въ хлопотахъ, собирается въ дорогу къ своей двою-

родной сестрѣ, къ чернобурой лисѣ, что у самаго океана живетъ. — «Возьми меня съ собою», — говорю я кумѣ. — «Куда тебѣ! замерзнешь! Вѣдь тамъ холодно»,—говоритъ она. — «Полно,—отвѣчаю я ей: — какой теперь холодъ, когда у насъ лѣто на дворѣ». — «У насъ лѣто, а тамъ зима!» — отвѣчаетъ она. — «Нѣтъ,—думаю,—неправду говоришь, не хочется тебѣ меня прокатить», — и, ни слова не говоря, вскочилъ къ ней на спину, да такъ запрятался въ ея пушистую шубку, что самъ морозъ не могъ бы меня тамъ отыскать. Волей-неволей пришлось ей взять меня съ собою. Бѣжали мы долго; за нашимъ лѣсомъ потянулись другіе, наконецъ открылась безграничная равнина — топкое болото, покрытое лишаями и мохомъ; несмотря на сильный зной, оно не совсѣмъ оттаяло. — «Это тундра,» — сказала мнѣ спутница. — «Тундра, а что это такое тундра?» — спрашивалъ я. — «Тундра — это громадныя, вѣчно замерзшія болота, которыя покрываютъ все прибрежье Сѣвернаго Ледовитаго

океана. Теперь не далеко и до сестрицы». Дѣйствительно, вскорѣ мы остановились у какой-то норы, откуда несло тухлой рыбой и всякой гнилью. — «Не правда ли, здѣсь славно пахнетъ? Сейчасъ видно, что богачка живетъ», — сказала кума. Хозяйка, услышавъ наши голоса, выскочила къ намъ. Увидя сестрицу, она кинулась ей на шею; отъ радости она не знала, куда насъ усадить и чѣмъ угостить, а припасовъ у ней полные амбары. Видно, житье у ней богатое, — одна шуба чего стоитъ: черная, съ сѣдымъ отливомъ,—чудо что такое!

«Поѣли мы, отдохнули и пошли гулять по берегу. Ну, братцы, не повѣрите, что я увидѣлъ! Горы, блестя на солнцѣ, какъ алмазы, неслись по волнамъ; за ними плыли материки, острова, дворцы и скалы, на которыхъ сидѣли бѣлые медвѣди и другія морскія чудовища. Все это изъ чистѣйшаго, какъ хрусталь, льда, все это блеститъ и отливаетъ на солнцѣ!

Эльфы ушамъ своимъ не вѣрили... Какъ

это они не знали про такія необыкновенныя чудеса!

— Непремѣнно поѣдемъ туда, къ вѣчнымъ льдамъ и снѣгамъ океана,—раздались голоса: — что намъ все на одномъ мѣстѣ сидѣть!

— Выберите меня въ предводители, — кричалъ Мурзилка,—я знаю дорогу...

— Нѣтъ! — перебили его братья; — ты слишкомъ легкомыслепъ, а вотъ мы выберемъ себѣ въ дядьки Заячью Губу: онъ степенный, серьезный и худого совѣта не подастъ.

— Ура, дядя Заячья Губа! ура! — закричали малютки, бросая кверху свои круглыя шапки-невидимки.

Дядя Заячья Губа, котораго выбрали въ предводители, былъ толстенькій старичекъ, носившій лѣтомъ и зимою фуражку съ большимъ козырькомъ; верхняя губа его была покрыта сѣдыми усами и выдавалась впередъ: отъ нея онъ и получилъ названіе Заячья Губа

— Чтобы предпринять такое далекое путешествіе, надо кой-чѣмъ запастись, — отвѣтилъ дядя Заячья Губа: — и потому, я думаю, мы не можемъ отправиться въ путь раньше, чѣмъ выпадетъ первый снѣгъ; къ тому времени у насъ будетъ все готово.

Въ ту-же ночь дядька отправился къ волшебницѣ Лѣсуньѣ за папоротниковымъ цвѣтомъ.

— Куда это вы собрались? — удивилась она.

— Идемъ людей посмотрѣть, себя показать, — отвѣтилъ эльфъ: — сама вѣдь знаешь, какія опасности могутъ встрѣтиться въ дорогѣ; вотъ и хотѣлось мнѣ имѣть для всѣхъ насъ папоротниковый цвѣтъ, чтобы въ случаѣ нужды сдѣлаться невидимками.

— Это хорошо, что ты такой осторожный, — сказала Лѣсунья: — вотъ тебѣ цѣлый пучокъ, на всѣхъ хватитъ.

Эльфъ поблагодарилъ и, взваливъ на спину подарокъ, отправился къ омуту, гдѣ жила русалочка Морянка.

Морянка только-что оставила свой янтарный дворецъ и вышла на берегъ; она сидѣла на вѣткѣ плакучей ивы и въ лучахъ мѣсяца пересыпала свои неземныя сокровища, которыя искрились и дробились въ ея прозрачныхъ ручкахъ. Русалочка отъ удовольствія громко хохотала и раскачивала гибкую иву.

— Здравствуй, Морянка! я пришелъ къ тебѣ за сапожками-мокрушками, что въ огнѣ не горятъ, въ водѣ не тонутъ,—сказалъ крошка-карликъ.

— Ха-ха-ха! — заливалась русалочка:— знаю, знаю: вы хотите путешествовать, мнѣ это рыбки разсказали. Изволь, лови!—и она бросила съ дерева мѣшокъ съ крошечными сапожками.

Заячья Губа взвалилъ мѣшокъ на плечи и пошелъ прямо къ себѣ, подъ папоротникъ.

РАЗСКАЗЪ ВТОРОЙ.

Какъ эльфы отправились на санкахъ-самокаткахъ и какъ они въ снѣгъ попали.

ВЪ хлопотахъ, незамѣтно прошло лѣто; съ первымъ снѣгомъ по лѣсу застучали топоры и молоты. Малютки срывали куски коры съ березъ, расправляли ихъ, вставляли палочки — и выходили расчудесныя санки-самокатки. Мастера остались довольны своей работой и горѣли нетерпѣніемъ скорѣе пуститься въ дорогу.

— У-у-у!—пищали совята на деревѣ:— лѣсные человѣчки куда-то собираются, у-у!

больше не будутъ играть съ нами въ зимніе вечера. У-у! надо объ этомъ разсказать маменькѣ, у-у!

Когда совята проснулись на слѣдующее утро, то ужь не увидѣли больше эльфовъ,— они въ ту-же почь укатили по гладкой снѣжной дорогѣ. Весело летятъ санки-самокатки, погоняемыя рѣзвой ватагой; малютки отъ души смѣются; отъ быстрой ѣзды духъ захватываетъ, горятъ глазки; одинъ старается перекричать другого, но громче всѣхъ кричитъ Мурзилка:

— Я ли не я—поглядите на меня; самъ я пригожъ, и костюмъ мой хорошъ.

Вдругъ раздался раздирающій душу крикъ. Сидѣвшіе въ переднихъ саняхъ съ трепетомъ оглянулись, и—о ужасъ!—заднія сани налетѣли на дерево и раскололись пополамъ, всѣ въ нихъ сидѣвшіе скрылись въ рыхлый снѣгъ.

Живо принялись товарищи вытаскивать несчастныхъ. Всѣ ужь были на-лицо, одного Мурзилки пельзя было найти. Сотни кро-

Выходили расчудесныя санки-самокатки...

шечныхъ рукъ съ безпокойствомъ продолжали раскидывать сугробъ. Прошло не мало времени, пока показалась пара торчащихъ

ножекъ; эльфы дружно ухватились за нихъ и вмѣстѣ съ ними вытащили на свѣтъ ихъ обладателя.

Печальный видъ имѣлъ Мурзилка, когда его вытащили изъ снѣгу. Личико покраснѣло и сморщилось, какъ печеное яблочко, ручки тряслись, фалдочки пальто прилипли къ тонкому тѣлу, стеклышко изъ глаза выпало, шляпа сломалась. Мурзилка выглядѣлъ такимъ жалкимъ и смѣшнымъ, что братья, несмотря на жалость, громко засмѣялись.

— Чего вы смѣетесь? — гордо спросилъ Мурзилка.—Не смѣяться, а удивляться слѣдуетъ моей храбрости...

— Храбрости? Какой храбрости?—почти въ одинъ голосъ спросили эльфы.

— Какъ, какой храбрости? Развѣ вы не видѣли?—сердито спросилъ Мурзилка.—Какъ только наши сани налетѣли на дерево, я первый, предвидя опасность, выскочилъ изъ саней прямо въ снѣгъ.

— Ты не ври пожалуйста, — замѣтилъ неожиданно тонкимъ голоскомъ одинъ изъ

эльфовъ. — Я рядомъ съ тобою сидѣлъ, и какъ меня, такъ и тебя, просто выбросило изъ саней; ты, Мурзилка, вовсе не по своей волѣ прыгнулъ.

Сколотивъ наскоро сани, эльфы помчались дальше.

Вотъ окончились лѣса, и потянулись нескончаемыя, безграничныя тундры; часто попадались

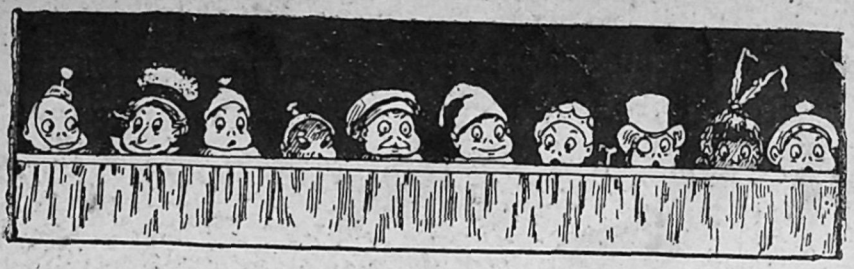

Заднія сани налетѣли на дерево...

имъ навстѣчу волки, бѣлые медвѣди, черно-бурыя лисицы, самоѣды въ узенькихъ саночкахъ, везомые собаками, табуны оленей, обыскивающіе подъ снѣгомъ мохъ; но чѣмъ дальше они углублялись, тѣмъ тундра становилась пустыннѣе, даль туманнѣе. До чуткаго уха эльфовъ доносился уже грохотъ и стукъ сталкивающихся между собою ледяныхъ глыбъ.

Мурзилка утѣшился и попрежнему кричалъ громче всѣхъ, не переставая хвалить свою особу.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

Какъ эльфы очутились въ царствѣ снѣга и какъ они проводили тамъ время.

Вотъ окончились и тундры; малютки въѣхали въ царство снѣга, мороза, ночи, льда. Ихъ встрѣтили маленькія дѣвочки—снѣжинки, одѣтыя звѣздочками и четырехугольничками. Дѣвочки-снѣжинки привѣтливо приняли путешественниковъ и указали имъ путь дальше.

Кругомъ бѣлѣлъ снѣгъ, крошки даже не знали, на берегу-ли или на океанѣ они; ночь темная, непроглядная окружила ихъ со всѣхъ сторонъ, крупныя звѣзды высыпали на небѣ.

Центр писателя В.И. Белова

Малютки-эльфы не знали, что дѣлать, даже Мурзилка притихъ. Но что за чудо! Небо покрылось разноцвѣтными кругами; всѣ они шли отъ одной короны, круги съ каждой минутой свѣтлѣли, и вдругъ все небо запылало снопами радужнаго свѣта, бросая на землю милліоны брызгъ. Малютки отъ восторга закричали, снѣгъ, ледъ — все заискрилось, сдѣлалось свѣтло, какъ днемъ, и они увидѣли горящіе, какъ брильянты, горы, материки, дворцы, гроты.

— Что это такое?—спрашивали они другъ у друга.

— Братцы! — воскликнулъ Мурзилка:—глядите, къ намъ приближаются какія-то существа.

Крошки посмотрѣли по направленію, куда указалъ Мурзилка, и молча стали ждать.

Какова была ихъ радость, когда они въ приближающихся разглядѣли такихъ-же, какъ они сами, эльфовъ.

Малютки бросились другъ другу на-

встрѣчу. Мурзилка первый замѣтилъ странный нарядъ пришельцевъ. Ихъ было пятеро: эскимосъ, матросъ въ синей блузѣ и синей шляпѣ съ якоремъ, турокъ, китаецъ съ длинною косою и докторъ въ высокой шляпѣ, во фракѣ.

— Какъ вы сюда попали?—спросили въ одинъ голосъ эльфы прибывшихъ.

— Ахъ, ужь не спрашивайте!—завопилъ китаецъ, котораго Мурзилка дергалъ за тоненькую косичку.—Жили мы въ вѣчно зеленомъ саду, въ благодатной странѣ, не вѣдая горя, какъ вдругъ этому бездѣльнику (и онъ указалъ на эскимоса) вздумалось путешествовать, онъ и насъ подговорилъ... Долго разсказывать, какъ мы странствовали, пока не попали сюда. Сами видите, какъ здѣсь хорошо: холодные вѣтры, не переставая, дуютъ всю зиму, снѣгъ чуть не погребаетъ насъ подъ собою, ни одного существа за исключеніемъ бѣлыхъ медвѣдей. Хороша страна!

— А люди? — перебилъ его матросикъ.

— Что люди!—завопилъ эскимосъ:—они сами, несчастные, хуже насъ: не разсчитали они время, когда уплыть на своемъ кораблѣ; выходятъ въ одно утро на палубу, а океанъ кругомъ какъ зеркало гладкое. Погоревали бѣдняки, да и перебрались на берегъ. Устроили себѣ изо льда клѣтушки, крѣпко утоптали ихъ снѣгомъ, кое-что перетащили изъ корабля и вотъ маются такъ третій уже мѣсяцъ. Пища у нихъ на исходѣ, отъ холода и голода они еле держатся на ногахъ. Живутъ они подъ постояннымъ страхомъ передъ бѣлымъ медвѣдемъ, который часто навѣдывается къ нимъ. Кто знаетъ, дотянутъли они до весны!

Эльфы кулачками вытирали слезы, слушая эскимоса.

— Мы имъ поможемъ, непремѣнно поможемъ! — запищали они. — Ведите насъ къ этимъ несчастнымъ...—И вся толпа пошла за разсказчикомъ.

Вскорѣ они дошли до четырехъ убогихъ землянокъ; эльфы воткнули себѣ въ петличку

по цвѣтку папоротника и сдѣлались невидимками. Несмотря на то, что ихъ было много, они заняли такъ мало мѣста, что даже безъ цвѣтка-невидимки ихъ бы не примѣтили.

Внутренность снѣжной норы поразила эльфовъ: она была почти пуста. Посрединѣ топился китовый жиръ, распространяя вокругъ себя непріятный запахъ; человѣкъ пять сидѣли вокругъ этого страннаго огня и грѣли свои окоченѣвшіе члены; они были закутаны въ оленьи шкуры, но холодъ проникалъ и черезъ мѣхъ.

Бѣдные китоловы, застигнутые врасплохъ ранней сѣверной зимой, принуждены были остаться въ суровой странѣ на многіе мѣсяцы. Голодъ со своими страшными послѣдствіями ожидалъ ихъ, но, къ счастью, сюда-же пришли добрые эльфы.

Они размѣстились по землянкамъ и принялись облегчать, чѣмъ могли, жизнь узниковъ.

Они бѣгали въ своихъ скороходахъ по берегу, выслѣживали лисицъ, соболей и

другихъ звѣрей, пригоняли ихъ къ землянкамъ, такъ что людямъ не приходилось искать себѣ пищи.

Китоловы надивиться не могли, откуда вдругъ появилось такое обиліе живности.

Въ землянкахъ сдѣлалось тепло и уютно. По временамъ изъ угловъ раздавалось «цирпъ-цирпъ-цирпъ». Это разговаривали между собою эльфы, но китоловы не знали объ этомъ, и думали, что въ щелку стѣны забрался сверчокъ.

Ночью, когда въ землянкахъ спали, эльфы выходили на берегъ любоваться волшебной картиной сѣвернаго сіянія, которое, какъ чудный фейерверкъ, охватывало полнеба.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Какъ лѣсные малютки вздумали прокатиться на китѣ, какъ Мурзилка разсердилъ кита, и какъ всѣ эльфы чуть не потонули.

ПРОШЛО шесть мѣсяцевъ. Длинная ночь смѣнялась на короткое время туманнымъ, сѣрымъ разсвѣтомъ, котораго даже нельзя было назвать днемъ, но Чумилка-Вѣдунъ, узнававшій всегда раньше всѣхъ всякую повость, увѣрялъ братьевъ, что онъ видѣлъ, какъ вчера прилетѣлъ свѣтлый лучъ, присѣлъ на берегъ и полетѣлъ дальше. И дѣйствительно, не прошло много времени,

какъ небо стало мало-по-малу свѣтлѣть, туманная даль прояснялась, и показался первый блѣдный солнечный лучъ; съ нимъ начала пробуждаться и оживляться мертвая сѣверная природа: послышались опять трески и громы ломающихся льдинъ; появилось солнышко, поднялись туманы, пробуждалась сѣверная весна.

По океану плавали цѣлыя ледяныя горы и небольшія льдины съ лежащими на нихъ моржами. Китоловы радостно принялись за поправку корабля, чтобы пораньше отправиться на промыселъ, а оттуда домой, гдѣ ихъ навѣрное считали погибшими.

Эльфы тоже проводили весь день на берегу.

— Братцы,—закричалъ однажды не своимъ голосомъ Чумилка-Вѣдунъ, — бѣгите сюда, къ намъ плыветъ черная гора съ фонтаномъ!

Крошки бросились за Чумилкой и остановились, какъ вкопанные: на поверхности воды виднѣлся гигантъ Сѣвернаго океана,

На поверхности воды виднѣлся китъ...

китъ. Изъ поздрей его билъ высокій столбъ воды, походившій на фонтанъ.

— Гуза! — закричалъ Мурзилка, — вотъ такъ важный корабль! Прокатимтесь на немъ, братцы, вѣдь на такомъ кораблѣ не всякій плавалъ.

— О, да, это прекрасная мысль, — подхватили дургіе, и въ одинъ мигъ всѣ обу-

лись въ сапожки-мокрушки, что въ водѣ не тонутъ, въ огнѣ не горятъ, и смѣло побѣжали по тонкому льду.

Китъ не могъ видѣть малютокъ-невидимокъ и продолжалъ спокойно лежать.

Широкая спина кита представляла для рѣзвой толпы необъятную палубу, по которой они съ визгомъ и пискомъ забѣгали. Мурзилка не довольствовался тѣмъ, что плясалъ на китовой головѣ, онъ еще вздумалъ ткнуть своей палочкой звѣрю въ ноздри, откуда билъ фонтанъ.

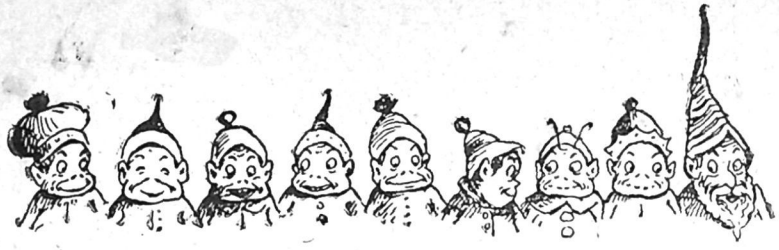
Великанъ вздрогнулъ; онъ, очевидно, почувствовалъ непрошенныхъ гостей. Струя высоко подхватила Мурзилкину шляпу и бросила ее въ океанъ.

— Моя шляпа! моя новенькая шляпа!— закричалъ Мурзилка, но эльфамъ было не до него. Китъ яростно билъ хвостомъ по водѣ, обдавая крошекъ съ ногъ до головы; высокія волны, готовыя поглотить безпомощныхъ братьевъ, заходили вокругъ нихъ. Столбы воды, одинъ выше другого, выходи-

ность; только-бы намъ держаться къ югу, и мы пристанемъ къ берегу, а тамъ моя родина!

Прошло, однако, еще много дней лишеній и невзгодъ, пока измученные крошки пристали къ твердой землѣ.

РАЗСКАЗЪ ПЯТЫЙ.

Какъ лѣсные малютки пристали къ твердой землѣ и какъ они увидѣли такихъ-же, какъ они, крошечныхъ эльфовъ къ крылышками на спинѣ.

Гористый берегъ, куда пристали эльфы, былъ покрытъ такой богатой растительностью, о которой крошки и понятія не имѣли. Высокія стройныя пальмы росли въ перемѣшку съ миндальными и апельсиновыми деревьями; крупные яркіе цвѣты пестрѣли всевозможными красками; блестящія птицы оглашали воздухъ дивнымъ пѣніемъ, бабочки, величиной въ три раза больше самаго рослаго эльфа, порхали съ чашечки на ча-

шечку цвѣтка, сверкая на солнцѣ своими чудными крыльями.

Малютки съ наслажденіемъ бросились на мягкую травку и стали лакомиться цвѣточной пылью.

Вдругъ раздался пискливый голосокъ Чумилки:

— Друзья мои, взгляните наверхъ, тамъ кто-то сидитъ.

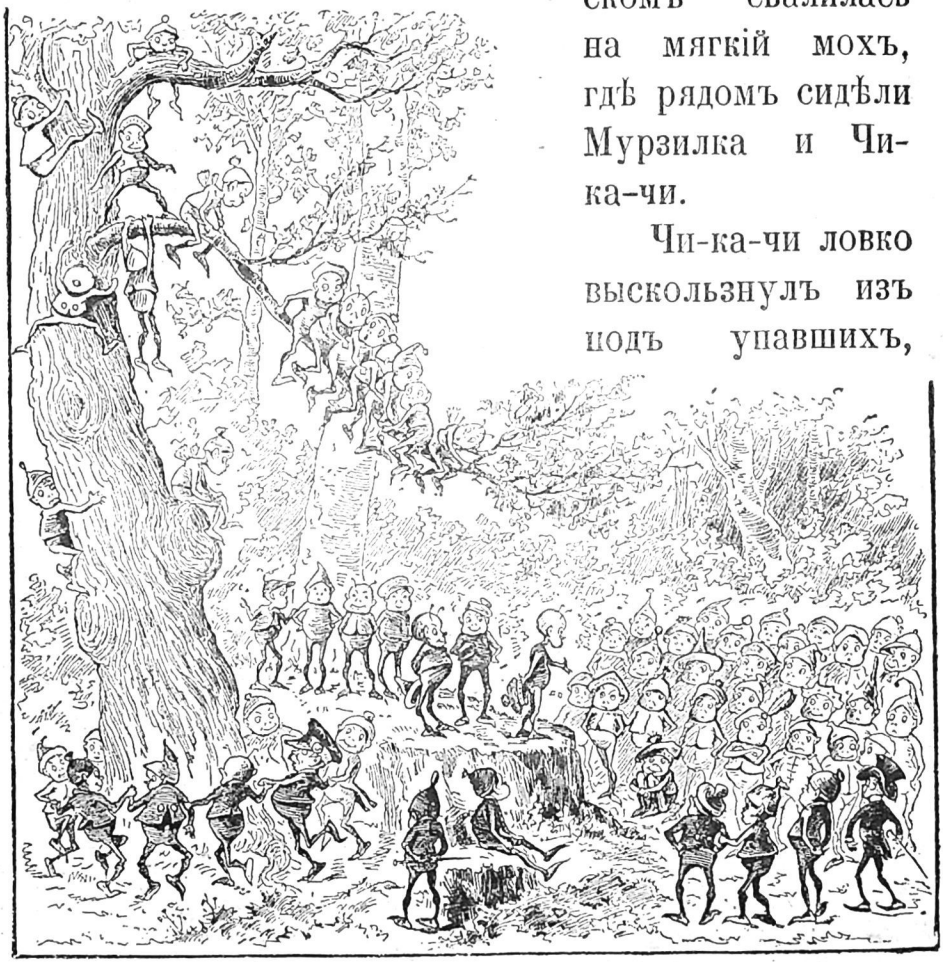
Встревоженныя малютки вскочили на ноги и увидѣли на низко свѣсившейся темнозеленой вѣткѣ множество такихъ же, какъ и они, крошечныхъ эльфовъ, но съ яркими крылышками на спинѣ. Эльфы эти со страхомъ и любопытствомъ смотрѣли на вновьприбывшихъ.

— Не бойтесь, друзья мои! — сказалъ Заячья-Губа, обращаясь къ крылатымъ эльфамъ, — мы вамъ вреда не сдѣлаемъ, мы сами нуждаемся въ вашей помощи!

— О, въ такомъ случаѣ мы вамъ очень рады,—раздались голоса съ вѣтки,—милости просимъ къ намъ наверхъ.

Въ одинъ мигъ на вѣтку влѣзло столько эльфовъ, что она не выдержала и съ трескомъ свалилась на мягкій мохъ, гдѣ рядомъ сидѣли Мурзилка и Чика-чи.

Чи-ка-чи ловко выскользнулъ изъ подъ упавшихъ,

Въ одинъ мигъ на вѣтку влѣзло множество эльфовъ...

таща за собою полуживого отъ страха труса Мурзилку, который, хотя и не ушибся, все же визжалъ и плакалъ во весь голосъ.

Оправившись отъ испуга, эльфы усѣлись вокругъ стараго пня и стали другъ другу разсказывать о своемъ житьѣ-бытьѣ.

— Ахъ, какіе вы богатыри!—восторгались крылатые эльфы, слушая разсказъ гостей. — Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что вы теперь въ Китаѣ, въ странѣ, гдѣ растетъ чай?...

— На моей родинѣ!—прибавилъ Чи-ка-чи.—Какъ-же, какъ-же! Я первый узналъ нашъ Китай. Мы вотъ собираемся теперь въ городъ. Я хочу показать всѣмъ товарищамъ, какой красивый народъ живетъ у насъ въ Китаѣ.

— Ну, если въ тебя, то порядочные уроды, — подумалъ Дѣдъ-Бородачъ, но не высказалъ громко своей мысли, чтобы не обидѣть Чи-ка-чи.

Рѣшено было съ разсвѣтомъ отправиться въ близлежащій городъ.

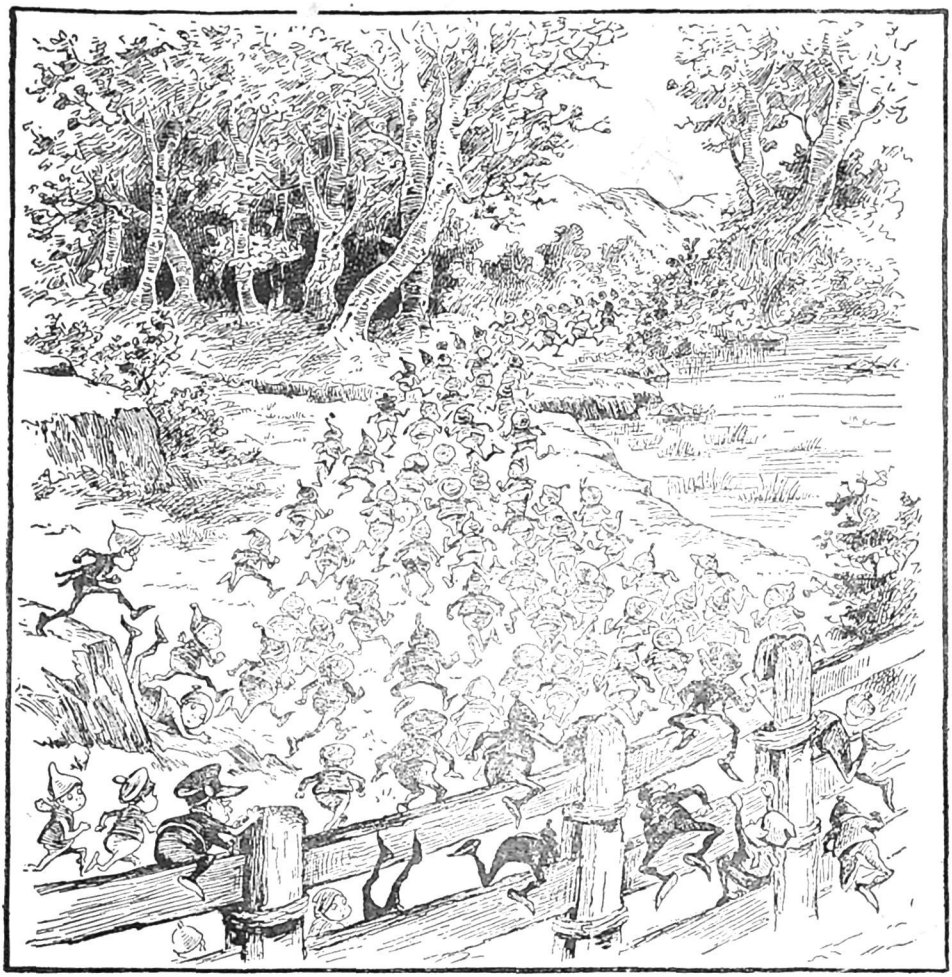
Только успѣли выглянуть первые лучи солнца, какъ крошки повыскакали изъ своихъ зеленыхъ постелекъ и что есть духу пустились по направленію къ городу. Сапожки-скороходы несли ихъ съ быстротою молніи, и они ранехонько вошли въ городъ.

Несмотря на ранній часъ, по узенькимъ улицамъ сновалъ народъ: продавцы разныхъ товаровъ, мальчишки съ ласточкиными гнѣздами и червячками, до которыхъ китайцы большіе охотники, и чиновники, спѣшившіе на службу.

Одно-и двухъэтажные домики, украшенные рѣзьбой и затѣйливыми навѣсами, стояли по двумъ сторонамъ улицы; всѣ крыши соединялись между собою галлерейками и представляли верхнюю улицу, на которой происходило такое же движеніе, какъ на нижней.

Эльфы забрались наверхъ; отсюда имъ былъ виденъ весь городъ съ его башенками и пагодами, или храмами, въ которыхъ сидѣли уродливые идолы — китайскіе

Малютки что есть духу пустились по направленію къ городу..

боги; съ каждымъ часомъ улицы становились люднѣе.

Стали появляться носилки съ сидящими въ нихъ знатными дамами и мандаринами, т.-е. китайскими сановниками. Дамы были пестро одѣты, съ высокими прическами, на которыхъ высились клѣтки съ птицами и букеты цвѣтовъ. У мужчинъ сзади болталась косичка, и чѣмъ важнѣе былъ мужчина, тѣмъ коса была длиннѣе: у мандариновъ она доходила до пятъ. Они, какъ и женщины, были богато и пестро одѣты; только вмѣсто высокой прически на головѣ сидѣла шапочка со множествомъ золотыхъ шариковъ и колокольчиковъ. При встрѣчѣ мандарины долго кланялись другъ другу, нагибаясь и присѣдая.

Эльфы разбрелись по городу, присматриваясь къ особенностямъ китайскаго народа.

Когда они вечеромъ сошлись на условленномъ мѣстѣ, то каждый по очереди разсказывалъ, какъ онъ провелъ день, что видѣлъ, что узналъ. Разсказы были очень интересны, и бесѣда затянулась за полночь.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТОЙ.

Какъ эльфы отправились на рыбную ловлю, и какъ комары чуть не искусали Мурзилку.

ЗАЯЧЬЯ-ГУБА и Дѣдко-Бородачъ разсказывали о томъ, какъ бродили по окрестностямъ. Они съ восторгомъ передавали, какъ трудолюбивъ и терпѣливъ китаецъ, съ какой любовью онъ относится къ своимъ работамъ, въ особенности къ своему чайному садику, который имѣется почти у каждаго деревенскаго домика.

Турка сообщилъ, что въ Китаѣ такъ много людей, что не всѣмъ хватаетъ земли,

и вотъ многіе принуждены жить на рѣкахъ, устраивая себѣ плоты. На нихъ трудолюбивый китаецъ натаскиваетъ черноземъ и устраиваетъ такимъ образомъ пловучій домъ съ садомъ и огородомъ.

Чумилка-Вѣдунъ громко разсказывалъ, какъ онъ забрался къ одному мандарину въ домъ и высмотрѣлъ, какъ китаецъ ртутью писалъ портретъ жены мандарина.

Одинъ Мурзилка пустая-голова ничего путнаго не могъ сообщить, такъ какъ онъ весь день только бѣгалъ по улицамъ и дергалъ китайцевъ за косы.

— Ахъ, какъ это было смѣшно! — заливался Мурзилка,—я дерну одного за косичку, тотъ обернется, меня, конечно, не видитъ, и думаетъ, что это сдѣлалъ прохожій какой-нибудь, начинаетъ съ нимъ ругаться, а тотъ думаетъ: «вѣрно этотъ человѣкъ съ ума сошелъ, лучше уйти», и стремглавъ бросается бѣжать; обиженный за нимъ. Въ это время я принимаюсь за другого, происходитъ та-

же сцена. Ахъ это ужасно смѣшно! — закончилъ онъ.

Эльфы, зная, что Мурзилка любитъ частенько приврать, вѣрили его разсказу, понятно, лишь на половину. Какъ ни сердился на это Мурзилка, но ничего не могъ сдѣлать: насильно вѣрить вѣдь не заставишь.

Эльфамъ понравилась жизнь въ Китаѣ, и они рѣшили подольше остаться въ этой странѣ.

Однажды вышли они на берегъ моря; было еще очень рано. По гладкой поверхности воды скользили легкія китайскія лодочки; въ каждой изъ нихъ сидѣлъ китаецъ съ нѣсколькими птицами. Птицы поочередно ныряли въ воду и оттуда вытаскивали каждый разъ по рыбкѣ. Крошкамъ очень понравилась эта рыбная ловля; но какъ ее устроить безъ дрессированныхъ птицъ?

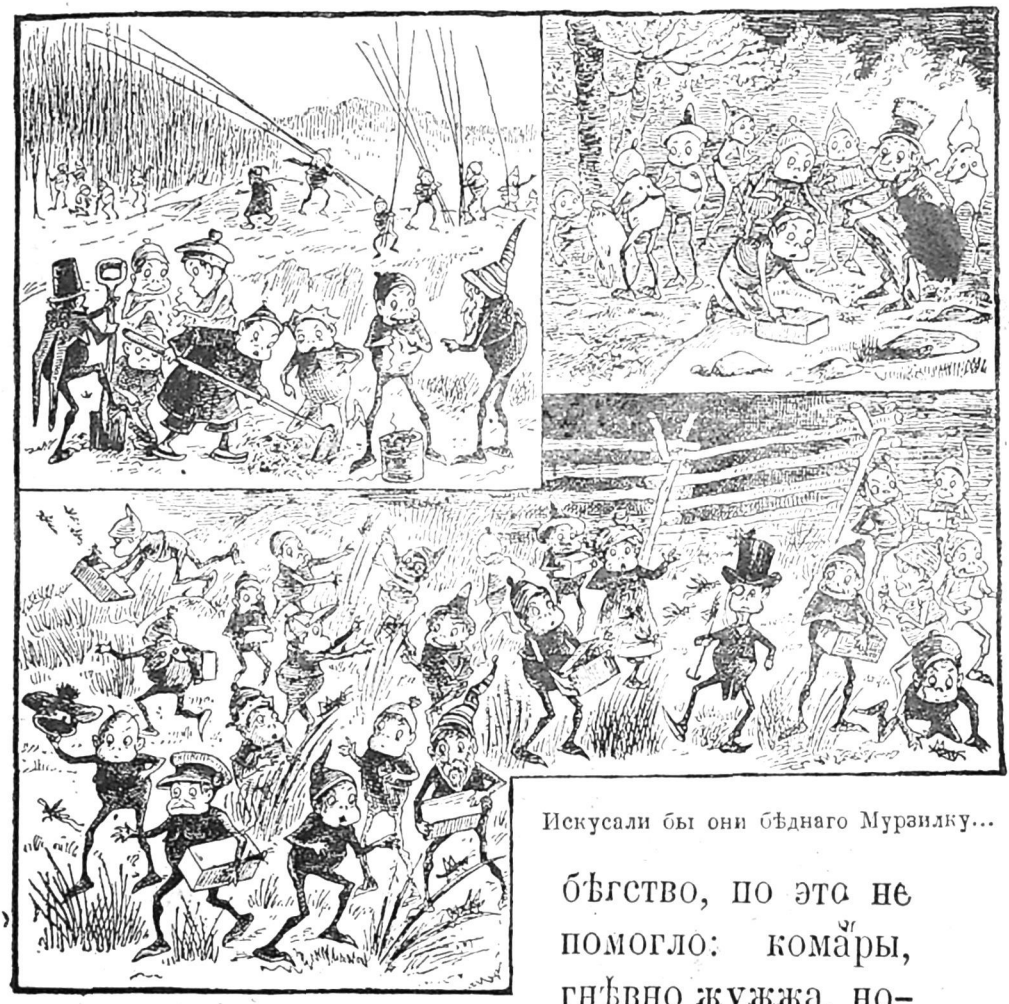
А рыбки какъ на зло все скачутъ и играютъ на поверхности.

— Товарищи,—я знаю средство, чѣмъ горю помочь!—воскликнулъ докторъ Мазь-

Перемазь, въ высокомъ цилиндрѣ, съ узенькими фалдочками фрака и длиннымъ носомъ.—не разъ видалъ я, какъ ловятъ этихъ плясуновъ, только надо-бы смастерить удочекъ...

— Скорѣе за дѣло! — перебили его голоса эльфовъ. Въ одну минуту одна партія побѣжала въ болото за тростникомъ; другая въ городъ за крючечками и питками, а третья стала копать червей. Турка притащилъ изъ лѣса ведерки, коробочки и лопатки, и весь отрядъ принялся дружно за дѣло. Гибкій тростникъ падалъ подъ острымъ ударомъ ножа, коробочки наполнялись насѣкомыми. Вскорѣ принесли нитки и крючки. Эльфы хотѣли уже сѣсть за работу, какъ раздался визгъ и вой Мурзилки. Дѣло въ томъ, что онъ—какъ всегда—не помогалъ, а мѣшалъ братьямъ; онъ открывалъ коробочки и началъ считать, кто больше наловилъ червей; вдругъ изъ одного ящика вылетѣли нѣсколько комаровъ и пребольно укусили Мурзилку; бѣдняга ударился въ

Искусали бы они бѣднаго Мурзилку...

бѣгство, но это не помогло: комары, гнѣвно жужжа, носились за нимъ. Искусали бы они бѣднаго Мурзилку, если-бы братья дружно не отстояли его у разъяренныхъ насѣкомыхъ.

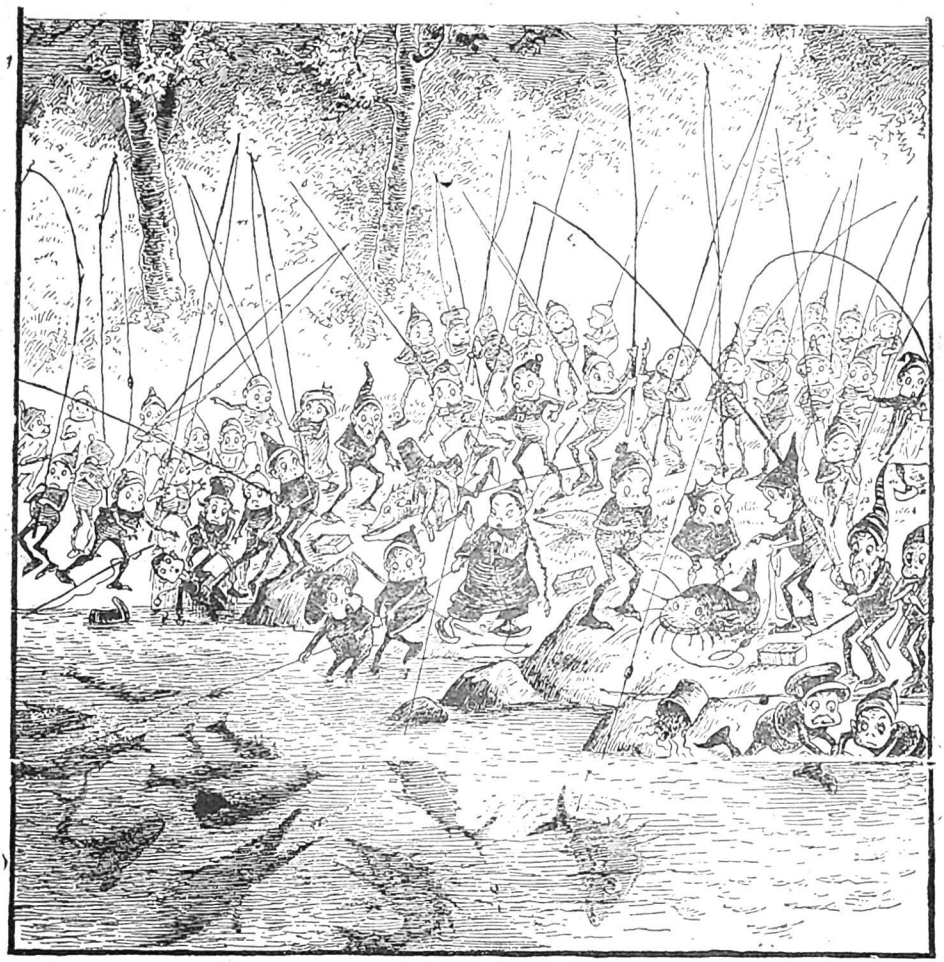
Пока возились съ Мурзилкой, солнце перешло за полдень, и рыбки попрятались. Нечего дѣлать,—пришлось отложить ловлю до слѣдующаго утра.

Раненько утромъ на слѣдующій день закинули эльфы свои удочки и—о радость!—рыба набросилась на жирныя приманки.

Чумилка-Вѣдунъ первый вытащилъ диковинную рыбину. Заячья-Губа и Мишка-Пискунъ поймали угря, который, однако, ловко выскользнулъ у нихъ изъ рукъ; они старались удержать его за хвостъ, но тотъ скользнулъ въ воду, едва не захвативъ ихъ съ собою.

Мурзилка между тѣмъ важно расхаживалъ среди работавшихъ братьевъ и насвистывалъ веселую пѣсенку; онъ, по обыкновенію, мѣшалъ всѣмъ, и, между прочимъ, усѣлся у самой воды и принялся палочкой брызгать во всѣ стороны; вдругъ онъ потерялъ равновѣсіе и упалъ въ воду. Еслибы не докторъ Мазь-Перемазь и другіе то-

На слѣдующій день закинули эльфы свои удочки...

варищи, успѣвшіе схватить Мурзилку, то онъ бы навѣрное утонулъ.

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМОЙ.

Какъ лѣсные человѣчки пускали бумажныхъ змѣй и какое при этомъ съ Мурзилкой случилось приключеніе.

ПРИВОЛЬНО и хорошо жилось лѣсным человѣчкамъ въ Китаѣ. Никто ихъ не тревожилъ, никто не мѣшалъ ихъ забавамъ. А забавы человѣчки выдумывали самыя разнообразныя. Между прочимъ, въ ознаменованіе благополучнаго исхода рыбной ловли, во время которой Мурзилка чуть не поплатился жизнью, эльфы рѣшили устроить пусканіе бумажныхъ змѣй. Китаецъ-эльфъ Чи-ка-чи былъ великій художникъ раскрашивать и мастерить ихъ.

Чтобы добыть нужный матеріалъ, малютки отправили гонцовъ въ городъ. Такъ какъ имъ требовалось очень мало, то достать все нужное не стоило большого труда крошкамъ-невидимкамъ. Самое важное порученіе дано было Чумилкѣ: ему поручили достать муки, необходимой для того, чтобы приготовить клейстеръ. Ловкій Чумилка вскорѣ вернулся съ цѣлымъ мѣшкомъ муки, но второпяхъ онъ не замѣтилъ, какъ мѣшокъ развязался, и половина муки разсыпалась по дорогѣ. Мишка-Пискунъ пошелъ за бумагой; чтобы добыть ее, ему пришлось забраться къ богатому мандарину въ домъ, гдѣ, какъ онъ зналъ, водятся длинные и тонкіе листы. Домъ мандарина былъ окруженъ тройнымъ рядомъ зубчатыхъ заборовъ съ башенками и воротами; за ними тянулся большой дворъ, среди котораго и стояло богатое жилище важнаго мандарина. Мишкѣ-Пискуну ничего не значило

перелѣзть черезъ заборы и проникнуть въ комнаты, блескъ и роскошь которыхъ поразили эльфа. Въ однѣхъ комнатахъ, между розъ и зелени, били благоухапные фонтаны; въ другихъ — стѣны, полъ и потолокъ представляли рѣдкую живопись; въ третьихъ — стѣны были покрыты золотой и серебряной посудой.

Малютка незамѣтно прошелъ въ библіотеку хозяина, гдѣ онъ надѣялся найти нужное. Ему пришлось пройти черезъ столовую, гдѣ какъ разъ собралась семья къ обѣду.

— Посмотрю, чѣмъ лакомятся эти косоглазые,—подумалъ эльфъ и, вскочивъ на столъ, усѣлся въ вазѣ съ цвѣтами. Къ удивленію Мишки-Пискупа, обѣдъ начался съ сладкаго и окончился лепешками и вареным рисомъ. «Вотъ народецъ, все у нихъ шиворотъ-навыворотъ, — подумалъ Мишка, выскакивая изъ своей засады.—Однако, надо мнѣ торопиться!» И, захвативъ два пука бу-

маги, онъ что есть духу направился домой; и было давно пора—ждали только прихода его да эскимоса, ушедшаго за тоненькими, легкими палочками. Эскимосъ тоже замѣшкался. Онъ думалъ, что достанетъ свои палочки въ ближайшемъ отъ ихъ лѣса чайномъ садикѣ; но, придя туда, ему жаль стало ломать вѣточки чайныхъ деревьевъ, до того аккуратно и чисто содержались они. Поэтому эскимосъ предпочелъ идти въ сосѣдній садикъ; тамъ была та-же поразительная чистота и порядокъ. Волей-неволей пришлось лѣзть въ садъ мандарина.—«Тамъ хоть попортишь что, такъ не жалко»,—подумалъ эльфъ.

Очутившись среди роскошной растительности мандаринскаго сада, малютка залюбовался. Дорожки были посыпаны разноцвѣтными камешками и ракушками; въ гущѣ цвѣтовъ прятались затѣйливые гроты и бесѣдки.

Когда эскимосъ, запыхавшись, явился со своей добычей домой, тамъ ужъ стоялъ дымъ столбомъ.

Быструнъ натаскалъ мочалы для хвоста змѣя. Быстроногій таскалъ воду, Знайка съ Незнайкой мѣшали клейстеръ, при чемъ нѣсколько разъ обожгли другъ другу руки кипяткомъ, — однимъ словомъ, работа кипѣла. Одинъ змѣй поспѣвалъ за другимъ. Китаецъ самымъ затѣйливымъ образомъ разрисовывалъ ихъ, къ общему восторгу толпы.

Чуть-только солнце окрасило востокъ, эльфы оставили свои цвѣточныя постельки и высыпали со своими бумажными змѣями на большую, просторную поляну. По данному сигналу, десятки змѣй легко поднялись на воздухъ.

— Ура! ура!—закричали въ одинъ голосъ эльфы, поднимая свои маленькія головки кверху и внимательно слѣдя за полетомъ змѣй.

Вдругъ послышался чей-то отчаянный крикъ и писк.

Эльфы сразу не разобрали, въ чемъ дѣло, и подумали, что это пищатъ запутавшіяся въ тонкія бичевки птицы.

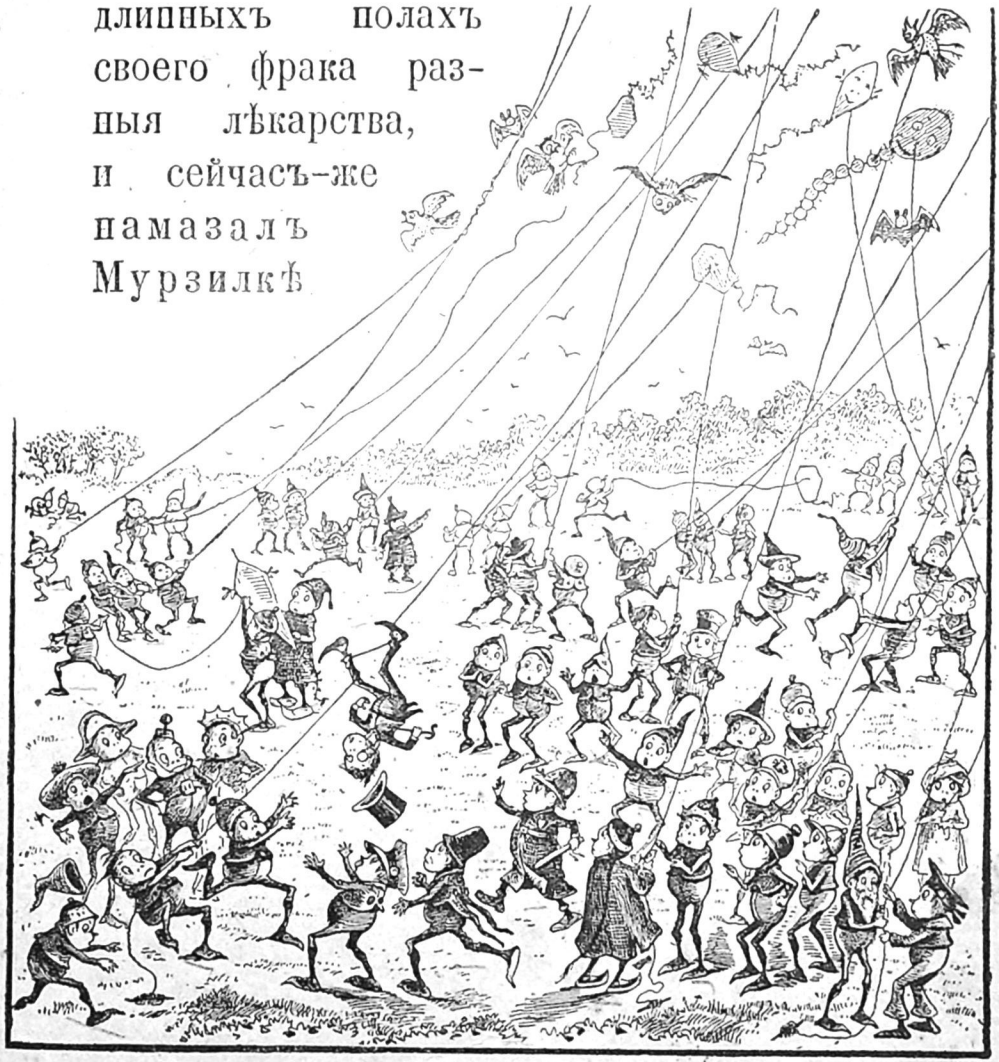
— Караулъ!... Спасите! помогите! — раздался вдругъ, уже явственно, пронзительный голосъ Мурзилки.

Эльфы въ страхѣ побросали змѣй и бросились къ злосчастному товарищу. Его угораздило запутаться въ веревкахъ и перевернуться вверхъ ногами. Пока прибѣжали на помощь, Мурзилка, къ ужасу всѣхъ, поднялся на значительную высоту; съ большимъ, большимъ трудомъ удалось его освободить.

Тонкія веревки глубоко впились въ ножки Мурзилки, и онъ даже послѣ того, какъ его освободили, продолжалъ

отчаянно стонать. Къ счастью, докторъ Мазь-Перемазь посилъ всегда наготовѣ въ длинныхъ полахъ своего фрака разныя лѣкарства, и сейчасъ-же намазалъ Мурзилкѣ

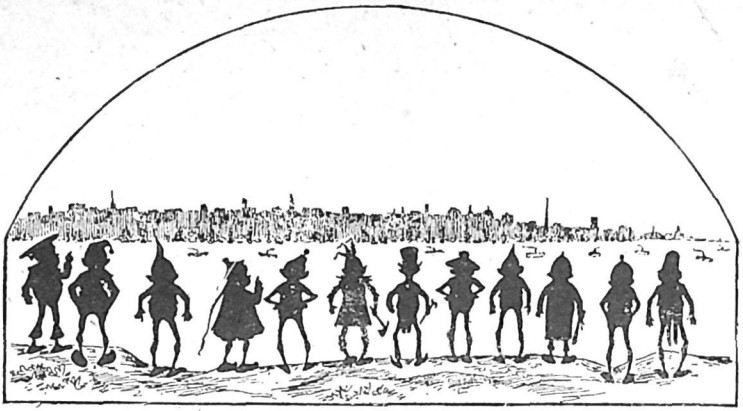

Мурзилка запутался въ веревкахъ...

больныя мѣста какою-то жидкостью, такъ что боль вскорѣ прошла.

Долго еще потомъ, до самаго захода солнца, играли эльфы своими змѣями.

РАЗСКАЗЪ ВОСЬМОЙ.

Какъ эльфы-малютки отправились путешествовать по морю въ невѣдомыя страны.

ПРОШЛИ дни и недѣли. Эльфамъ надоѣло въ Китаѣ и захотѣлось дальше, въ невѣдомыя страны. Но какъ отправиться туда, чтобы опять не подвергнуться всѣмъ невзгодамъ предыдущей поѣздки?

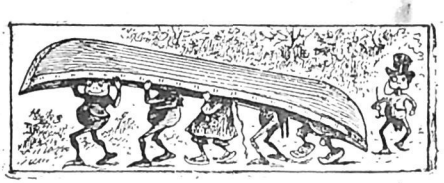
Какъ разъ въ это время мимо берега, на которомъ лѣсные человѣчки сидѣли, проплыли небольшія парусныя лодки.

Раскрыли двери и вытащили штукъ десять хорошенькихъ лодочекъ...

«Вотъ-бы для нашего путешествія пригодились!»—подумалъ Чумилка-Вѣдунъ, и

незамѣтно для другихъ куда-то исчезъ. Никто не зналъ, куда онъ скрылся.

На третьи сутки, ровно въ полночь, явился онъ передъ братьями и таинственно объявилъ, что знаетъ, гдѣ находится громадный складъ лодокъ, именно такихъ, какія они недавно видѣли.

Эльфы обрадовались этому открытію и въ ту-же ночь, подъ предводительствомъ Чумилки, отправились въ близлежащій приморскій городъ.

Вскорѣ дошли они до громаднаго строенія, въ которомъ, по указаніямъ Вѣдуна, хранились лодки. Малютки, не долго думая, проникли черезъ щели въ стѣнахъ и замочныя скважины во внутрь, раскрыли волшебной разрывъ-травкой двери, вытащили нѣсколько хорошенькихъ лодочекъ и съ криками и пѣснями спустили ихъ на воду. Запрятавъ лодки въ густыхъ камышахъ,

крошки, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулись въ лѣсъ, чтобы въ слѣдующую полночь пуститься въ далекій путь.

День прошелъ въ вознѣ и хлопотахъ; нужно было то одно, то другое взять съ собою, приготовить кушанье на дорогу, рѣшить—кому съ кѣмъ ѣхать, куда держать путь...

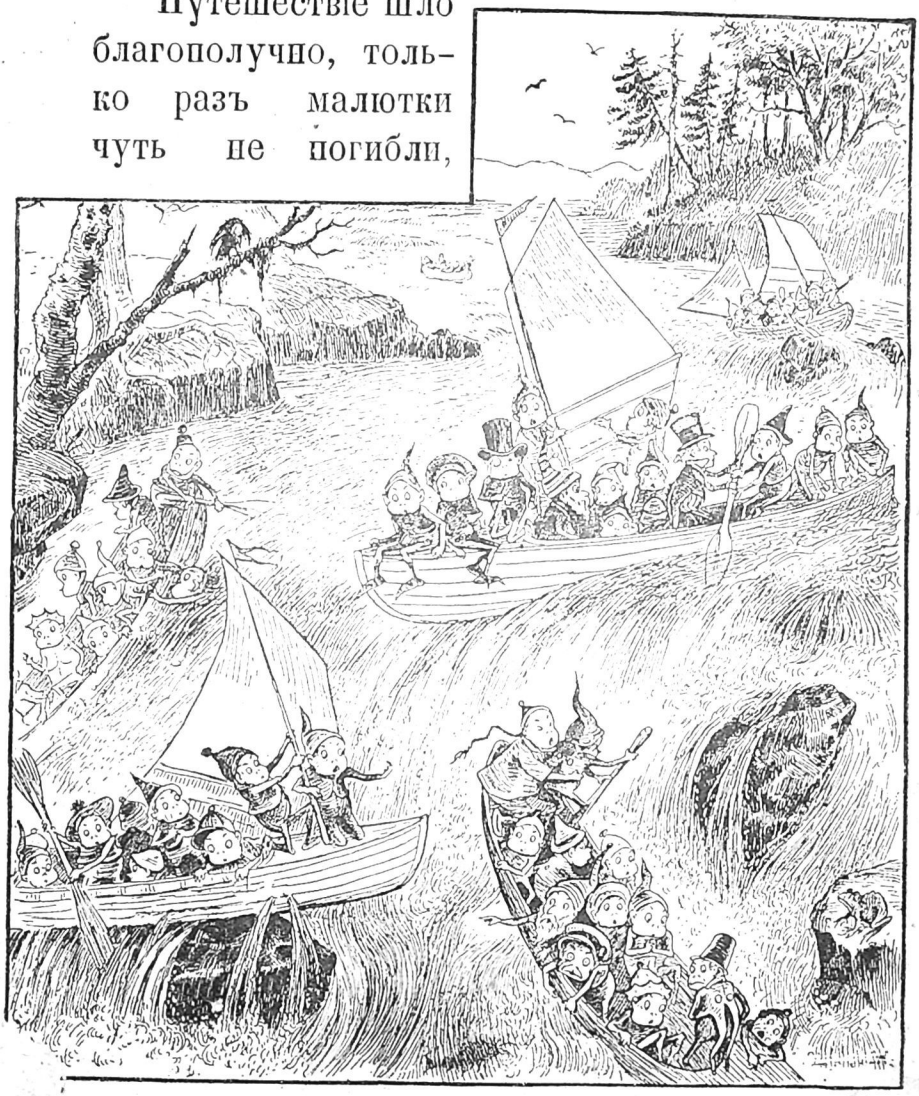
Незамѣтно наступилъ вечеръ. Луна во всей красѣ плыла по темному, южному небу, обливая лѣса и поля синимъ, трепетнымъ свѣтомъ; яркія, крупныя звѣзды, переливаясь, горѣли въ вышинѣ; ароматный вѣтерокъ, то спускаясь, то подымаясь, тихо дышалъ на сонную землю.

Эльфы простились съ гостепріимными своими собратами и, размѣстившись по лодкамъ, храбро пустились по спокойному морю.

Много дней несутся легкія скорлупки-невидимки по разнымъ морямъ: Желтое, Синее и Китайское моря давно остались за ними.

Путешествіе шло благополучно, только разъ малютки чуть не погибли,

Разъ малютки чуть не погибли...

попавъ нечаянно на подводныя скалы; лодки дали течь, но, благодаря ловкости и проворству Заячьей-Губы, эльфы избѣгли опасности. Исправивъ кое-какъ лодки у ближайшаго берега, лѣсные человѣчки на слѣдующій-же день пустились дальше въ путь.

Море то разстилалось лазурной долиной, нѣжно убаюкивающей, то подымалось великанами-волнами, грозно швыряющими тяжести съ своихъ сѣдыхъ хребтовъ... Но крошки плыли впередъ: имъ хотѣлось побывать въ сказочной странѣ, о которой часто и много разсказывали и Чумилка, и докторъ Мазь-Перемазь, а именно — въ Индіи. Объ этой странѣ мечтали они на далекомъ сѣверѣ, среди холодовъ и морозовъ, и теперь, огибая берега острововъ и материка, эльфы понеслись въ эту волшебную страну.

РАЗСКАЗЪ ДЕВЯТЫЙ.

Какъ лѣсные малютки очутились въ Индіи и что увидалъ Мурзилка во дворцѣ индійскаго раджи.

РАЗЪ утромъ Мурзилка, проспувшись, былъ крайне удивленъ, когда къ нему подошелъ одинъ изъ лѣсныхъ человѣчковъ, по прозванію Шиворотъ-Навыворотъ, и спросилъ, не желаетъ-ли онъ посмотрѣть громаднаго индійскаго слона, на которомъ сейчасъ-же отправляется гулять сынъ раджи.

Мурзилка широко открылъ глаза и оглянулся кругомъ.

— Слонъ?... раджа?... гулять?...—спра-

шивалъ онъ товарища.—Да гдѣ-же мы теперь, развѣ не на морѣ?

— Да ты, братецъ, заснулъ въ дорогѣ такъ крѣпко, что и не замѣтилъ, какъ мы причалили къ берегамъ Индіи и какъ на рукахъ принесли тебя сюда, въ этотъ дворецъ индійскаго раджи, — объяснилъ ему Шиворотъ-Навыворотъ.

— Раджи? Скажите, пожалуйста! Что это такое раджа? Я никогда не слыхалъ этого слова.

— Раджа—это индійскій князь. Мы вотъ и поселились во дворцѣ одного изъ такихъ князей. Входъ туда постороннимъ лицамъ строго воспрещенъ, но мы, невидимки, какъ ты знаешь, всюду попадаемъ.

Мурзилка быстро поднялся на ноги и вмѣстѣ съ товарищемъ отправился чрезъ рядъ комнатъ въ садъ, гдѣ другіе эльфы ждали уже слона.

Роскошь во дворцѣ раджи поразила Мурзилку.

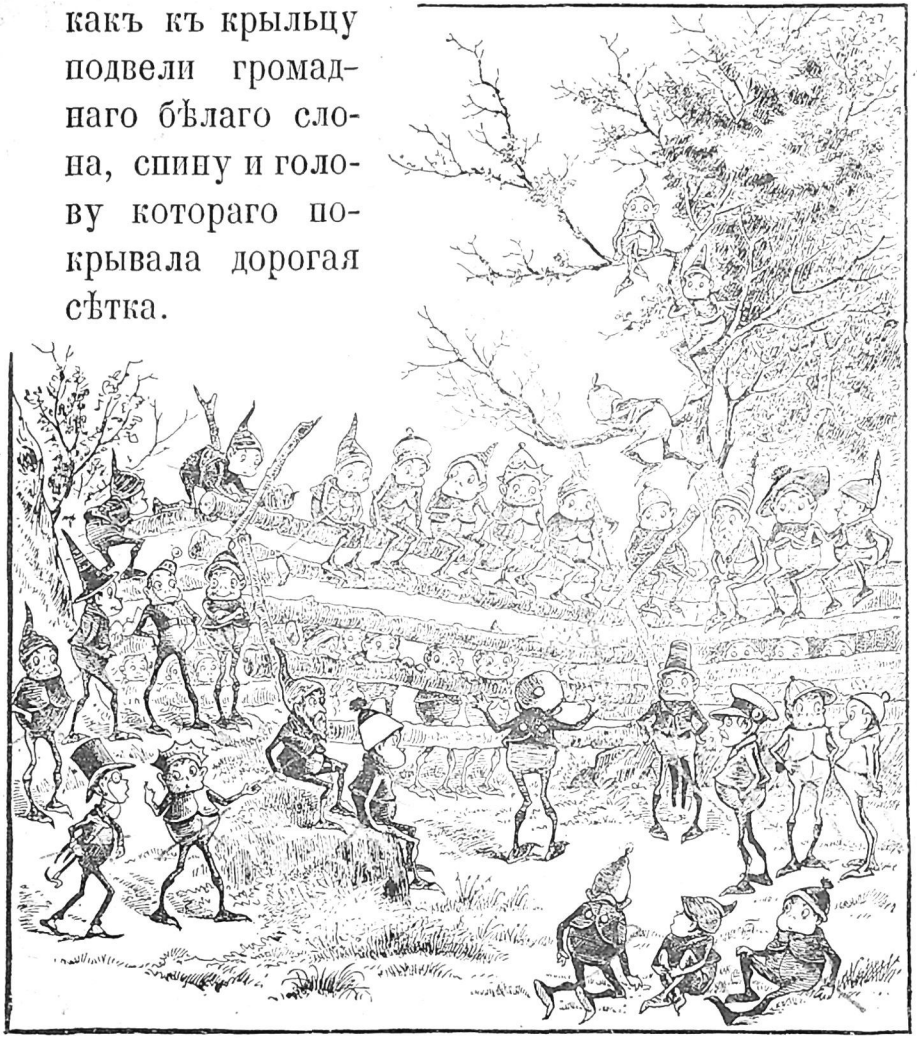
Дорогіе восточные ковры устилали полы

и стѣны; потолокъ куполообразно возвышался на золотыхъ столбахъ, усыпанныхъ изумрудами и сапфирами; серебряная ткань, въ видѣ облаковъ, покрывала его. Дивные восточные фонари изъ драгоцѣннаго металла спускались съ потолка. Въ яхонтовыхъ вазахъ стояли цвѣты. Отовсюду несся благовонный ароматъ, которымъ были пропитаны всѣ вещи. По полу въ живописномъ безпорядкѣ лежали драгоцѣнныя подушки, служащія вмѣсто стульевъ.

Мурзилкѣ очень хотѣлось разглядѣть каждую комнату подробно, но Шиворотъ-Навыворотъ торопилъ его, опасаясь, что слонъ уйдетъ.

Когда Мурзилка и его товарищъ вышли въ садъ, тамъ ихъ уже ждали другіе человѣчки, расположившись кто на изгороди, кто на землѣ. Тутъ были и докторъ Мазь-Перемазь, и Чумилка-Вѣдунъ, и Знайка съ Незнайкой. Всѣ они внимательно слушали Быстроногаго, который разсказывалъ, что жители Индіи употребляютъ слоновъ вмѣсто лошадей.

Не успѣлъ онъ еще кончить разсказа, какъ къ крыльцу подвели громаднаго бѣлаго слона, спину и голову котораго покрывала дорогая сѣтка.

Всѣ слушали разсказъ Быстроногаго. .

Эльфы сначала побоялись близко подойти къ слону, но, видя, что тотъ стоитъ спокойно, двигая своимъ длиннымъ хоботомъ, они подошли къ нему ближе, стали лѣзть на спину, кувыркаться, прыгать. Даже докторъ Мазь-Перемазь и тотъ началъ прыгать вмѣстѣ съ другими, и вскорѣ маленькіе человѣчки устроили настоящій циркъ на спинѣ слона. Одинъ Мурзилка стоялъ въ сторонѣ и трусилъ подойти ближе.

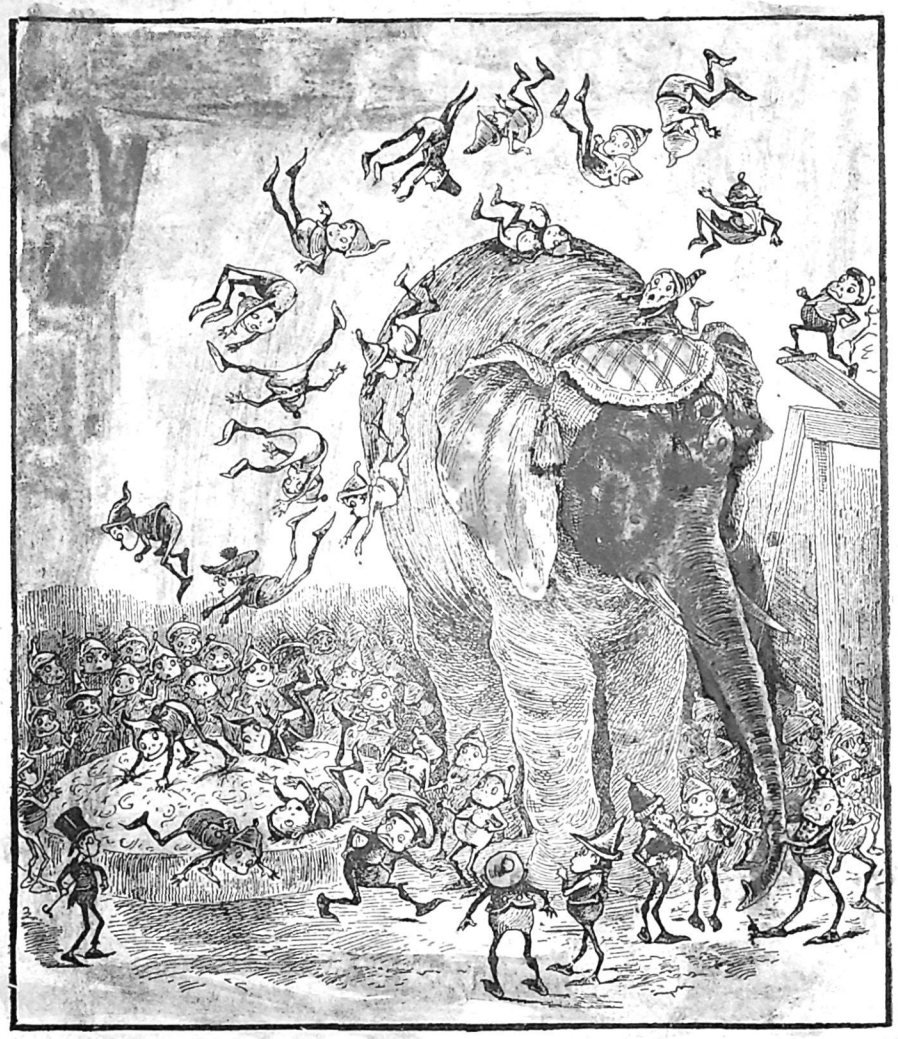
— Не бойся, слонъ благодушный, ничего тебѣ не сдѣлаетъ,— кричалъ ему Чумилка.

— Нѣтъ, нѣтъ; я опасаюсь, что онъ своимъ длиннымъ хоботомъ, пожалуй, схватитъ мою новую шляпу, — отговаривался Мурзилка

— Нечего хобота бояться, — замѣтилъ человѣчекъ въ узенькой шапочкѣ и коротенькомъ пиджакѣ, котораго звали Диндундукъ.

Но Мурзилка не далъ себя уговорить.

Вскорѣ появился одинъ изъ слугъ раджи, одѣтый въ дорогое платье, приставилъ къ

Человѣчки стали кувыркаться и прыгать...

слону лѣстницу и, помѣстившись между его ушами, слегка стукнулъ его булавой, и слонъ, осторожно выступая, двинулся въ путь.

Когда слонъ двинулся въ путь, малютки-эльфы пустились вслѣдъ за нимъ и, вмѣстѣ со слономъ, прибѣжали въ индійскій городъ, лежавшій недалеко отъ дворца раджи.

Весь день лѣсные человѣчки шмыгали по городу, пролѣзая во всѣ замочныя скважины,—отъ роскошнаго дворца до шалаша послѣдняго индуса, съ любопытствомъ присматриваясь ко всему.

— Красивый народъ эти индусы,—говорилъ по дорогѣ Мурзилка: — одно только мнѣ не нравится, что они такіе смуглые, точно отлитые изъ бронзы.

Къ вечеру малютки опять собрались во дворецъ раджи. Подходя ко дворцу, эльфы были поражены неожиданнымъ волшебнымъ видомъ. Весь садъ, домъ и озеро горѣли тысячами огней; разноцвѣтныя лампочки ослѣпительнымъ свѣтомъ обдавали все окру-

Малютки стали переносить ящики съ бенгальскими огнями, звѣздами, ракетами...

жающее. Зелень казалась фантастической тканью, цвѣты—волшебными феями.

Шмыгая между людьми, малютки узнали что празднество и фейерверкъ устроены въ честь раджи.

Крошкамъ очень понравился фейерверкъ, и они рѣшили устроить нѣчто подобное по случаю дня рожденія Чумилки-Вѣдуна.

Сказано — сдѣлано. Невидимки пробрались во флигель, гдѣ хранились всѣ принадлежности фейерверка, и стали переносить, никѣмъ, конечно, не замѣченные, цѣлые ящики съ бенгальскими огнями, звѣздами, ракетами, разноцвѣтными фонариками и другими фигурами.

— Несите, скорѣе несите, не лѣнитесь! — кричалъ Мурзилка, но самъ, по обыкновенію, не хотѣлъ ничего нести, отговариваясь тѣмъ, что ему шляпа мѣшаетъ.

Кряхтя и охая, дотащили эльфы пошу до небольшой лужайки, недалеко отъ дворца.

— Стойте, стойте! — закричалъ опять Мурзилка: — вотъ тутъ удобнѣе всего устроить наше празднество.

Докторъ Мазь-Перемазь добывалъ изъ бочки все новые и новые свертки...

Разставивъ все какъ слѣдуетъ, эльфы принялись зажигать фейерверкъ.

Четыре ракеты, шипя и свистя, поднялись

къ черному небу и оттуда упали брильянтовымъ дождемъ въ ближайшую рѣчку.

— Ура! ура! — закричали въ одинъ голосъ эльфы.

Фейерверкъ начался. Громадныя птицы, щиты и вензеля горѣли милліонами цвѣтовъ; ослѣпительныя звѣзды, цвѣты и снопы вертѣлись, разбрасываясь и освѣщая всю мѣстность.

Докторъ Мазь-Перемазь добывалъ изъ бочки все новые и новые свертки: тутъ были и змѣйки, и римскія свѣчи, и звѣзды. Не успѣвала потухнуть одна ракета, какъ вслѣдъ за ней загоралась другая.

Во дворцѣ были крайне удивлены волшебнымъ фейерверкомъ, и раджа рѣшилъ, что тутъ совершилось какое-нибудь чудо.

РАЗСКАЗЪ ДЕСЯТЫЙ.

Какъ лѣсные малютки встрѣтили одну бѣдную женщину и какъ они собрали для нея пчелъ.

НА ночь эльфы опять отправились во дворецъ. Удобно размѣстившись на коврахъ и подушкахъ, которые лежали на полу во всѣхъ комнатахъ дворца, они, усталые и измученные, заснули такъ крѣпко, что стали просыпаться только тогда, когда слуги раджи подъ утро начали вытряхивать ковры.

Выйдя на улицу, малютки замѣтили какую-то бѣдно одѣтую женщину съ ребен-

комъ на рукахъ. Она горько о чемъ-то плакала.

— Эта женщина, вѣроятно, изъ паріевъ,— рѣшилъ докторъ Мазь-Перемазь.—А знаете вы, братцы, кто такіе паріи?

Никто этого не зналъ.

— Паріями,—объяснилъ докторъ,—называются въ Индіи люди, принадлежащіе къ самому бѣдному классу, выключенные за какой-нибудь проступокъ изъ общества. Ихъ здѣсь, въ Индіи, всѣ чуждаются и ненавидятъ, даже нищіе и тѣ презираютъ ихъ. Они живутъ отдѣльно отъ всего міра, и никто ихъ не хочетъ знать.

— Бѣдные!—закричали въ одинъ голосъ эльфы.

— Нельзя-ли этой женщинѣ чѣмъ-нибудь помочь?

— Послушаемъ, о чемъ она плачетъ.

Изъ разсказа женщины эльфы узнали, что у ней былъ небольшой пчельникъ, но въ эту ночь кто-то ограбилъ его и разогналъ всѣхъ пчелъ.

Вертушка чуть не отрубилъ себѣ топоромъ ножку...

— Господа, я знаю, какъ помочь этой женщинѣ! — закричалъ, выслушавъ разсказъ, Мурзилка. — Проходя чрезъ лѣсъ, я

явственно слышалъ жужжаніе пчелъ. Онѣ, вѣроятно, спрятались въ дуплѣ дерева. Отправимся туда и соберемъ ихъ для бѣдной женщины.

Мысль Мурзилки очень понравилась человѣчкамъ, и, не долго думая, они сейчасъ-же направились въ лѣсъ. Въ указанномъ Мурзилкою мѣстѣ стоялъ рядъ старыхъ тамариндовъ и, дѣйствительно, слышно было, какъ-будто изъ-подъ земли, жужжаніе пчелъ. Но какъ добыть ихъ?

Сначала малютки палками и камнями пробовали стучать въ дерево, но пчелы не трогались. Тогда они, вооружившись бураками, пилами, топорами и молотками, принялись выгонять изъ дупла упрямцевъ, рѣшивъ помѣстить ихъ всѣхъ затѣмъ въ приготовленный улей. Работа сначала не очень клеилась. Быструпу попалъ осколокъ въ глазъ, Незнайка сломалъ пополамъ свой топоръ и поранилъ себѣ при этомъ палецъ. Вертушка-же чуть не отрубилъ себѣ топоромъ ножку. Къ счастью, ему успѣли сей-

Пчелы бросились на беззащитныхъ малютокъ...

часъ-же перевязать рану, и крови ушло не много.

Мурзилка все это время важно расхаживалъ взадъ и впередъ, прикрикивая на товарищей, чтобы они торопились.

Послѣ долгихъ усилій, въ вырубленныхъ эльфами отверстіяхъ показались пчелы.

— Ура! ура! — закричалъ докторъ Мазь-Неремазь, первый замѣтивъ пчелъ. — Давайте поскорѣе улей.

Эльфы приставили къ одному изъ отверстій заранѣе приготовленный улей, замазали всѣ другія отверстія и припялись изо всѣхъ силъ стучать въ стволъ. Испуганныя насѣкомыя бросились къ выходу и до одного попали въ ловушку. Малютки съ торжествомъ понесли завязанный въ простыню улей къ хижинѣ бѣдной женщины.

Передъ дверьми этой хижины росъ старый, дуплистый бананъ; къ нему-

то крошки и хотѣли подвѣсить улей.

При перелѣзаніи черезъ высокую изгородь деревни, случилось неожиданное приключеніе: узелъ какъ-то развязался, и много пчелъ съ жужжаніемъ вылетѣло оттуда. Онѣ бросились на беззащитныхъ малютокъ; въ особенности досталось отъ нихъ Мурзилкѣ и Дѣдкѣ-Бородачу. Мурзилкѣ онѣ искусали всю голову и лицо.

Съ большимъ трудомъ водворили человѣчки улей на дерево. Пчелы приняли его за свое старое помѣщеніе и заботливо стали устраиваться.

Можно себѣ представить радость женщины, когда она, возвратившись домой, замѣтила у себя улей!... Бѣдная даже заплакала отъ радости. Крошки стояли тутъ-же невидимками и весело смѣялись. Одинъ только Мурзилка грустно смотрѣлъ на свои руки, покрытыя красными пятнами отъ укушеній пчелъ...

РАЗСКАЗЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Какъ лѣсные человѣчки уѣхали изъ дворца раджи на спинѣ ласточекъ.

КАКЪ ни хорошо жилось лѣснымъ человѣчкамъ во дворцѣ индійскаго раджи, они все-таки рѣшили какъ можно скорѣе уѣхать куда-нибудь, въ другую страну, и ждали лишь удобнаго случая, чтобы отправиться въ путь.

Разъ утромъ, китаецъ Чи-ка-чи прибѣ-

жалъ, весь запыхавшись, и созвалъ всѣхъ человѣчковъ, утверждая, что имѣетъ сообщить имъ нѣчто важное.

Малютки немедленно окружили китайца, который громкимъ голосомъ сообщилъ имъ слѣдующее:

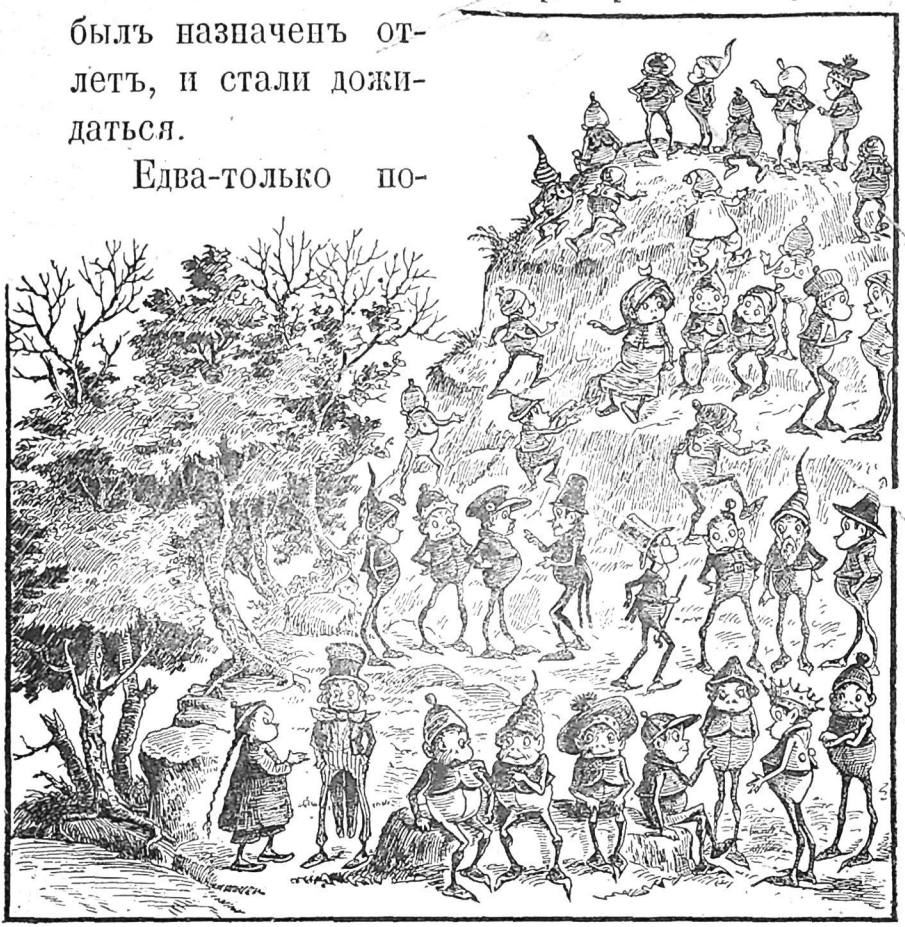
— Вчера, когда я залѣзъ въ ласточкино гнѣздо, что подъ крышей, то услышалъ, какъ старая ласточка сказала своей сосѣдкѣ, что завтра на зарѣ онѣ полетятъ большой компаніей черезъ море, въ дальнія страны, гдѣ теперь начинается весна. Вотъ я и подумалъ, — добавилъ Чи-ка-чи: — не сѣсть-ли намъ на спину къ этимъ воздушнымъ странникамъ и безъ заботъ переѣхать въ другую часть свѣта.

— Умница! право, умница! — закричали эльфы:—что можетъ быть проще и удобнѣе такого путешествія! Да здравствуетъ Чика-чи!

Послали Чумилку-Вѣдуна на развѣдки. Черезъ нѣсколько времени онъ донесъ, что ласточки тронутся на зарѣ.

Малютки вышли на пригорокъ, откуда былъ назначенъ отлетъ, и стали дожидаться.

Едва-только по-

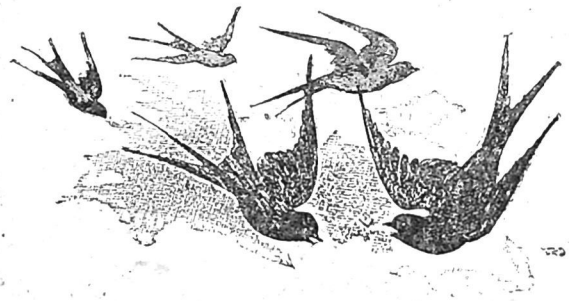
Малютки вышли на пригорокъ и стали дожидаться...

казалась розовая полоска на востокѣ, какъ со всѣхъ сторонъ начали слетаться ласточки.

Птички то хлопотливо подымались выше деревьевъ, то спускались на землю; наконецъ, онѣ черной тучей быстро взвились къ облакамъ и стройными рядами полетѣли за предводителемъ, не замѣчая, что на спинахъ у нихъ сидятъ непрошенные пассажиры въ лицѣ лѣсныхъ человѣчковъ.

Съ высоты птичьяго полета нашимъ путешественникамъ открывался обширный видъ во всѣ стороны, но лѣса и города казались небольшими пятнышками, а рѣки и озера—свѣтлыми ленточками и полосками.

Нашимъ знакомцамъ прекрасно сидѣлось на мягкихъ спинкахъ птицъ, и они даже на ночь не оставляли своихъ мѣстъ, когда стая опускалась на деревья для отдыха.

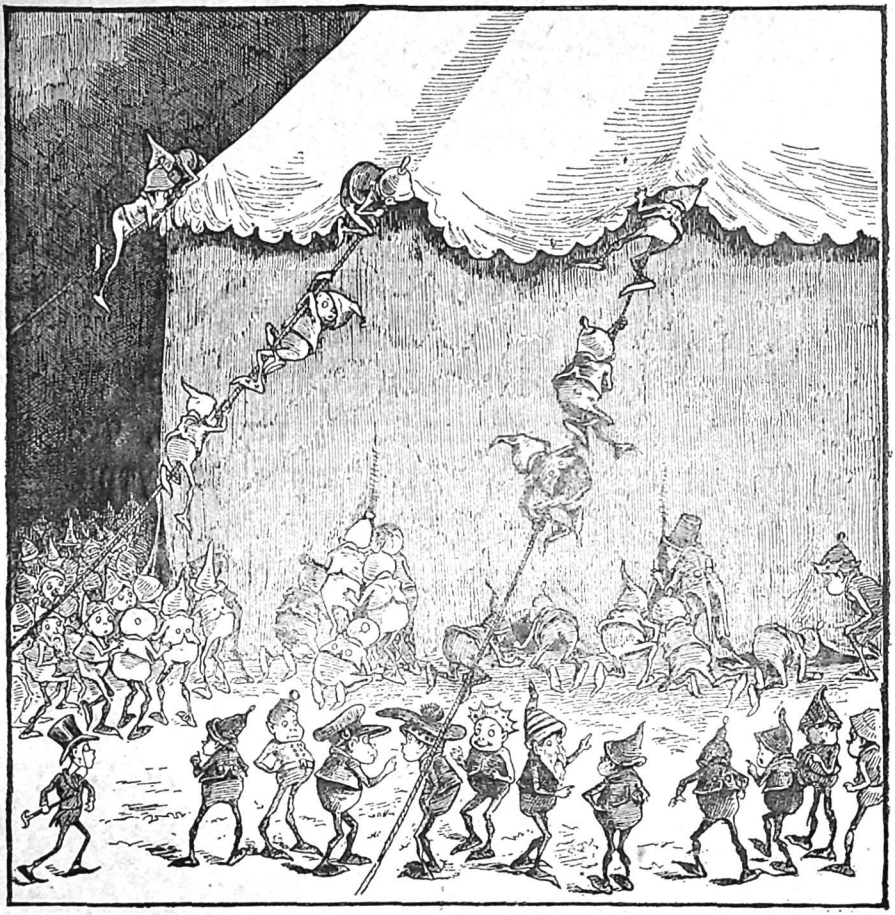

РАЗСКАЗЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Какъ малютки-эльфы увидали циркъ и какое они въ этомъ циркѣ устроили представленіе.

МНОГО лѣсовъ, пустынь и озёръ пролетѣли малютки-путешественники на спинахъ ласточекъ; много разъ на пути ихъ восходило и заходило солнце, загоралась и потухала луна...

Разъ, когда ласточки на ночь выбрали себѣ для отдыха рощу, недалеко отъ какого-то небольшого мѣстечка, наши малютки рѣшили отправиться туда посмотрѣть, что въ немъ достопримѣчательнаго. Предварительно, они, однако, условились, что къ

Малютки стали заглядывать во всѣ щели и отверстія...

утру вернутся снова къ своимъ спутникамъ-ласточкамъ.

Первымъ побывалъ въ мѣстечкѣ Чумилка-Вѣдунъ и вскорѣ прибѣжалъ къ товарищамъ съ пріятною вѣстью.

— Идите за мною, идите! — кричалъ онъ:—я открылъ нѣчто замѣчательное.

Малютки бросились за нимъ, дошли до полотняной палатки, раскинутой на большой площади и стали заглядывать во всѣ щели и отверстія. Болѣе храбрые взобрались по веревкамъ на крышу палатки, надѣясь, что оттуда лучше видно, что творится внутри.

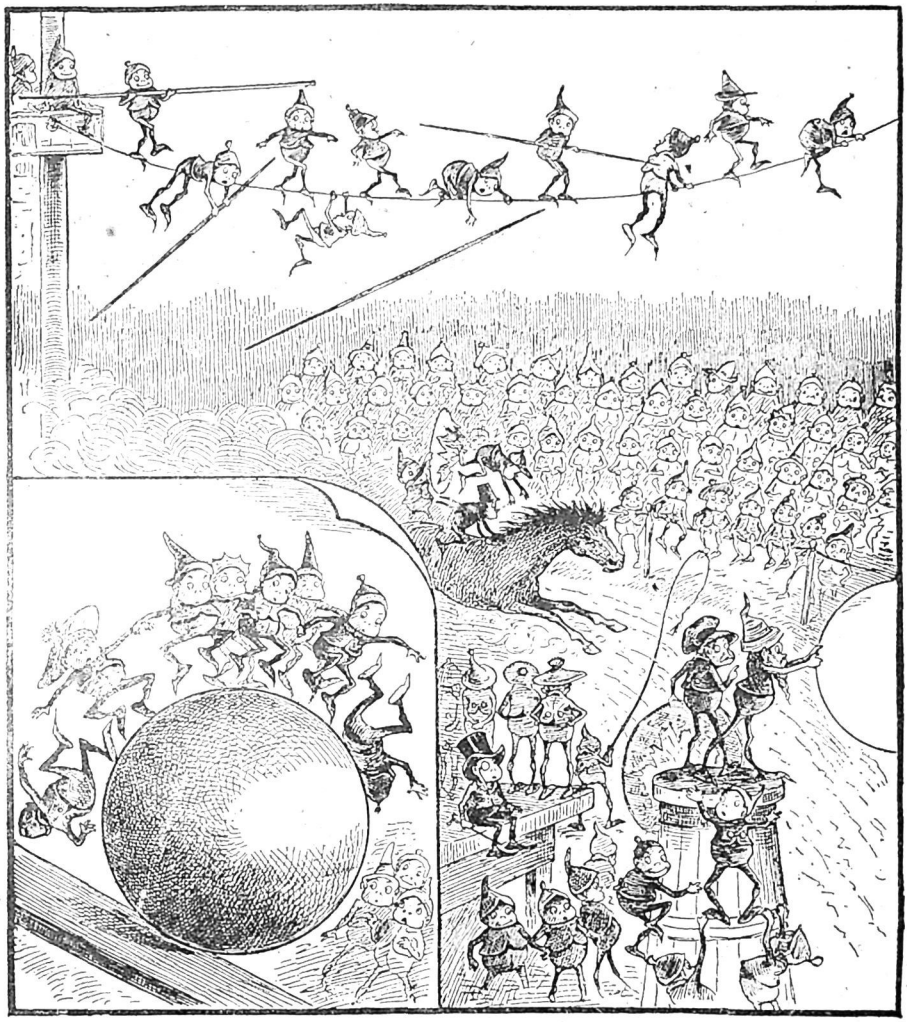
Прибѣжалъ и Мурзилка. Въ своихъ узкихъ сапогахъ съ длинными носками, онъ едва поспѣвалъ за братьями. Весь запыхавшись, Мурзилка спросилъ:

— Что тамъ такое, господа, что такое?

— Циркъ, настоящій циркъ!—закричалъ ему въ отвѣтъ заглядывавшій въ щели докторъ Мазь-Перемазь.

— Циркъ? Неужели циркъ! — громко воскликнулъ Мурзилка.—Пустите меня скорѣе, я очень люблю цирковыя представленія.

Хотя въ щели далеко не все было видно,

Началась такая кутерьма...

малютки не отходили отъ палатки и внимательно слѣдили за всѣми упражненіями въ циркѣ, хлопая отъ времени до времени въ свои маленькія ладошки.

— Господа,—предложилъ вдругъ, подбоченясь, Шиворотъ-Навыворотъ:—не дать-ли намъ въ этомъ циркѣ особое представленіе? Мы такъ давно не веселились.

— Прекрасная мысль! Чудесно! Отлично!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Крошки расположились поблизости въ ожиданіи ночи и той минуты, когда хозяинъ странствующаго цирка отправится спать.

Едва-только за нимъ закрылась дверь, какъ въ палатку черезъ щели и отверстія вползли эльфы.

Началась такая кутерьма и возня, о которой трудно себѣ составить понятіе. Докторъ Мазь-Перемазь первый вскочилъ на лошадь; вслѣдъ за нимъ, черезъ бумажные обручи, которые держали Заячья-Губа и Дѣдко-Бородачъ, прыгнулъ маленькій человѣчекъ, по имени Скокъ, изображавшій

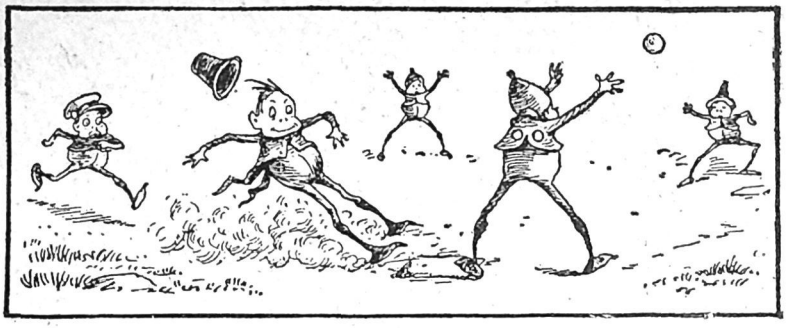
клоуна, и вмѣстѣ съ докторомъ на одной лошади прокатился при громкихъ аплодисментахъ всѣхъ находившихся въ циркѣ. Десять акробатовъ ходили по натянутому канату, при чемъ шесты падали частенько на головы сидѣвшей публики, состоявшей изъ маленькихъ-же человѣчковъ. Это, однако, не мѣшало человѣчкамъ аплодировать артистамъ. Не совсѣмъ удачно вышло представленіе на катящемся шарѣ: акробаты, съ Вертушкой во главѣ, всѣ слетѣли, и шаръ проѣхалъ по нимъ; однако, они отдѣлались только страхомъ, не причинивъ себѣ никакого вреда.

Мурзилка-пустая голова во все время

представленія сидѣлъ на возвышеніи и, изображая директора цирка, кричалъ и распоряжался. Никто его, однако, не слушалъ, какъ онъ ни злился и ни сердился.

Къ утру, довольные зрители, вмѣстѣ съ крошечными артистами и акробатами, оставили циркъ; у всѣхъ болѣли ручки отъ аплодисментовъ, а Мурзилка совсѣмъ охрипъ отъ крика. Всѣ были довольны своими проказами и горѣли нетерпѣніемъ найти новую забаву.

Бѣдный хозяинъ цирка понять не могъ, что произошло ночью въ циркѣ: вещи лежали въ безпорядкѣ, бумажные обручи валялись по полу, скамейки раздвинуты, лошади въ пѣнѣ. Пока онъ приводилъ все въ порядокъ, эльфы добрались до стоянки ласточекъ и, съ первыми лучами солнца, отправились снова въ путь.

РАЗСКАЗЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Какъ эльфы попали на полянку для игры въ мячъ и какъ они сами затѣяли игру въ мячъ.

Представленіе въ циркѣ такъ понравилось малюткамъ, что они съ нетерпѣніемъ ждали случая, чтобы снова спуститься гдѣ-нибудь на землю и позабавиться новою игрою.

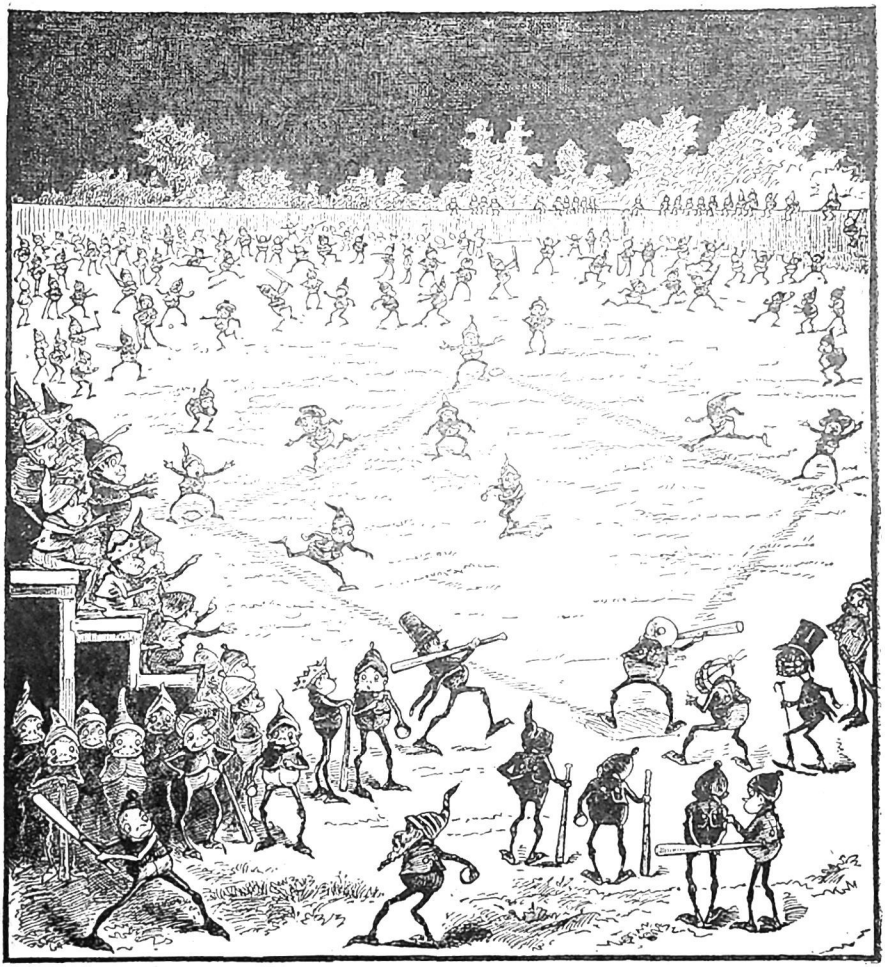
Чумилкѣ-Вѣдуну удалось какъ-то разъ узнать изъ разговора двухъ ласточекъ, что вся компанія собирается вскорѣ отдохнуть въ ближайшей мѣстности цѣлый день.

Дѣйствительно, ласточки вскорѣ сдѣлали

привалъ въ лѣсу, вблизи большого города, и расположились на деревьяхъ для отдыха.

Эльфы сейчасъ-же спустились на землю и увидали на сосѣднемъ лугу огороженное мѣсто, гдѣ большое общество играло въ какую-то игру. На землѣ былъ обозначенъ четырехъугольникъ, по угламъ котораго стояло по одному человѣку съ длинными палками, а въ серединѣ—одинъ съ мячемъ; играющій бросалъ этотъ мячъ къ одному изъ четырехъ угловыхъ. Пока послѣдній отбрасывалъ на лету палкой мячъ къ слѣдующему, двое другихъ должны были обѣжать четырехъугольникъ; еще нѣсколько человѣкъ стояли возлѣ четырехъугольника и бросали туда мячъ, если онъ вылеталъ за черту.

Судя по оживленію играющихъ и присутствовавшихъ, игра была очень занимательна, и малютки рѣшили непремѣнно самимъ поиграть такъ-же. Но гдѣ взять палки и мячи?

Игроки взялись за палки и пошла потѣха ..

Чумилка-Вѣдунъ, отправившійся на поиски, вернулся съ сіяющимъ лицомъ.

— Нашелъ, нашелъ! — кричалъ онъ, махая шапкой; — идите за мной, тутъ не далеко.

Дѣйствительно, въ нѣсколькихъ шагахъ, находился цѣлый складъ гимнастическихъ вещей.

Крошки забрались черезъ открытыя окна во внутрь. Вскорѣ ихъ радостные возгласы возвѣстили о желанной находкѣ.

Вооруженные палками, мячами и проволочными сѣтками для лица, они проворно спрыгивали внизъ и спѣшили къ мѣсту игры. Мурзилка захватилъ себѣ только желѣзную проволочную маску; онъ боялся, какъ-бы ему не поранили лицо, и рѣшилъ, что сѣтка охранитъ его.

Не участвовавшіе въ игрѣ размѣстились на заборѣ и скамейкахъ, а игроки взялись за палки — и пошла потѣха. Заячья-Губа, забывъ старость, бѣгалъ не хуже зайца по намѣченному кругу, опережая каждый разъ

полетъ мяча. Дѣдко-Бородачъ съ Дундундукомъ играли въ сторонкѣ, возбуждая восторгъ окружающихъ, докторъ Мазь-Перемазь пыхтѣлъ, бѣгая съ палкою на плечахъ съ одного мѣста къ другому, Мурзилка-же, надѣвъ на лицо проволочную маску, стоялъ въ сторонѣ и смотрѣлъ на играющихъ, дѣлая отъ времени до времени свои замѣчанія.

Игра продолжалась до самаго вечера, и уже порядочно стемнѣло, когда малютки отнесли обратно палки и мячи въ складъ. Стояла ясная южная ночь съ миріадами звѣздъ и нѣжнымъ, синеватымъ свѣтомъ луны. Эльфы вышли за ограду и, въ своихъ сапожкахъ-скороходахъ, побѣжали туда, гдѣ спокойно почивали ласточки, въ ожиданіи утренняго отлета.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Какъ эльфы очутились въ Италіи и какой они устроили концертъ.

Послѣ многихъ приключеній, полуживыя отъ усталости ласточки, перелетѣвъ чуть-ли не полсвѣта, опустились съ малютками-невидимками на берегахъ Италіи.

Эльфы, которые ничуть не устали съ дороги, живо побѣжали ознакомиться с[т]ужой страной.

Апельсиновыя и лимонныя рощи, гранаты и мирты, виноградъ и розы попадались имъ на каждомъ шагу; высокая огнедышащая гора, окутанная розовато-фіолетовой пеленой, виднѣлась вдали.

— Какъ мнѣ здѣсь нравится! Какъ здѣсь чудесно!—восклицалъ поминутно Мурзилка.

Бѣгая въ своихъ сапожкахъ-скороходахъ, лѣсные человѣчки замѣтили издали красивое небольшое зданіе, изъ окна котораго доносилось звучное пѣніе.

— Вотъ замѣчательный-то народъ итальянцы,—замѣтилъ докторъ Мазь-Перемазь,—куда ни пойдешь, вездѣ только и слышишь пѣсни.

— Господа,—остановилъ эльфовъ Чумилка-Вѣдунъ, — посмотримъ-ка, кто это поетъ.

— Посмотримъ!—въ одинъ голосъ отвѣтили человѣчки. Мурзилка первый вскочилъ на стоявшую у окна перегородку и сталъ заглядывать въ окно, за нимъ посѣшили Стушка и Чумилка-Вѣдунъ, паѣздникъ С[illegible]ь, Пучеглазка и другіе. Шиворотъ-Навыворотъ влѣзъ на растущее у окна миндальное дерево; туда-же забрался, на самую верхушку, Дундундукъ и всѣ остальные.

— Здѣсь учатся пѣть! — объяснилъ

всѣмъ докторъ Мазь-Перемазь, указывая на окно.

— И даже цѣлый хоръ учится, — подтвердили Знайка съ Незнайкой, помѣстившіеся на шарѣ, у самаго окна.

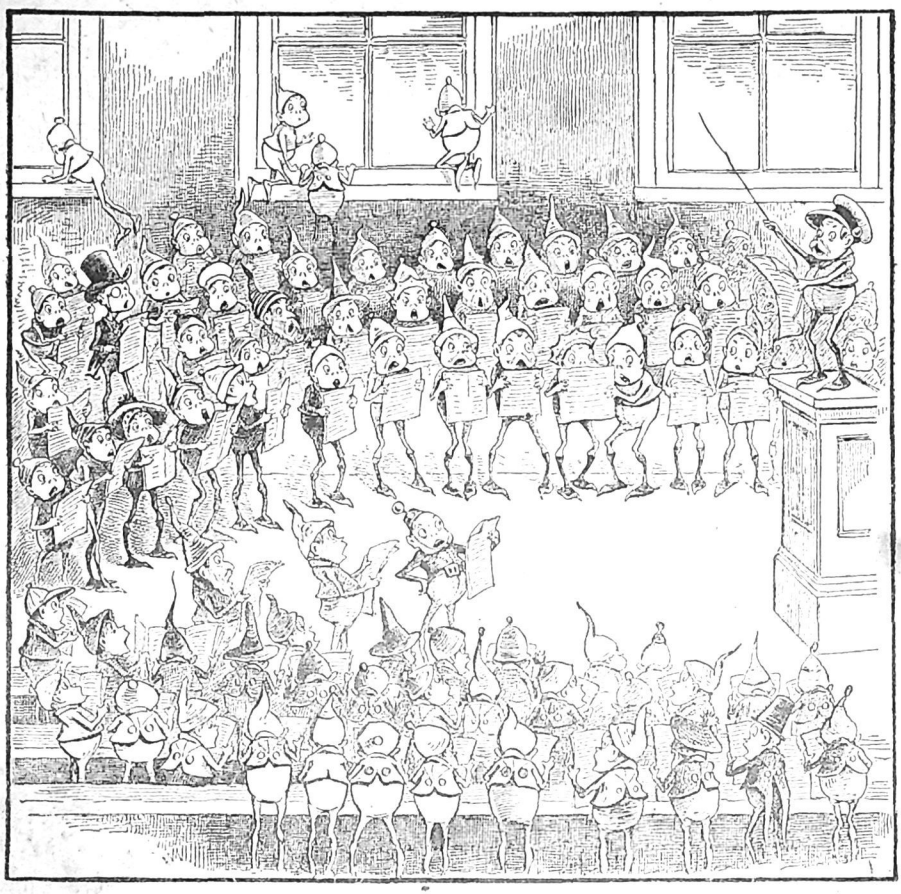
— Тише, господа, тише, —кричалъ Мурзилка,—вы мнѣ мѣшаете слушать.

Знайка съ Незнайкою, между тѣмъ, черезъ оконную щелочку, залѣзли въ зало и, какъ-только ученики окончили занятія, и сторожъ заперъ дверь, они отворили окна, и вся ватага ввалилась въ классъ. Поставивъ четырехъ на часахъ, всѣ размѣстились по скамейкамъ.

— Кто-же будетъ у насъ дирижеромъ?— спросилъ Пучеглазка.

— Господа, возьмите меня въ дирижеры, пожалуйста! — закричалъ въ отвѣтъ Мурзилка.

— Какой ты дирижеръ!—смѣясь замѣтилъ докторъ Мазь-Перемазь. — Нѣтъ, господа, въ дирижеры возьмемъ Заячью-Губу; онъ больше всѣхъ смыслитъ въ музыкѣ.

Въ залѣ раздалось дружное пѣніе...

— Вѣрно, вѣрно!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Заячья-Губа влѣзъ на каѳедру и, схвативъ длинный прутъ, сталъ дирижировать.

Въ залѣ раздалось дружное пѣніе. Эльфы мастера были пѣть; одинъ только Мурзилка фальшивилъ постоянно и вызывалъ замѣчанія дирижера. Болѣе всѣхъ усердствовали Дундундукъ, Дѣдко-Бородачъ и докторъ Мазь-Перемазь, у котораго оказался звучный голосъ—басъ.

Спѣли человѣчки одну пѣсню, другую, наконецъ, вынувъ изъ пюпитровъ оставленныя въ залѣ ноты, стали пробовать заучить неизвѣстную имъ пьесу, какъ вдругъ караульные закричали: «Идетъ! учитель идетъ!»

Грозный прутъ дирижера и ноты полетѣли на полъ. Проказники, въ мгновеніе ока, очутились уже на дворѣ.

— Кто надѣлалъ этотъ безпорядокъ у насъ, въ классѣ?—спросилъ строго учитель сторожа.

— Ха! ха! ха! Это мы!—отвѣтили эльфы, но учитель и не могъ услышать ихъ голосовъ, тоненькихъ и жиденькихъ, какъ жужжаніе мухъ.

РАЗСКАЗЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

Какъ эльфы-малютки проводили время въ Швейцаріи и какъ они затѣяли стрѣльбу въ яблоко на головѣ Мурзилки.

ЛѢСНЫЕ человѣчки охотно остались-бы подольше въ Италіи, но ласточки не любили оставаться надолго въ одномъ мѣстѣ, и, спустя день, собрались онѣ снова въ путь. Вскорѣ наши малютки, вмѣстѣ съ ласточками, очутились въ гористой Швейцаріи.

На пути встрѣчали они высокія горы со снѣговыми вершинами, бездонными пропастями и бѣшеными водопадами; по склонамъ зеленѣли лѣса, разстилались пастбища,

на недосягаемыхъ высотахъ паслись альпійскія козы и серны. Живописныя долины и озера ютились у подножія громадныхъ горъ. Большіе орлы парили въ облакахъ.

Малютки мало обращали вниманія на все это и ждали съ петерпѣніемъ, когда, наконецъ, ласточки снова опустятся на землю.

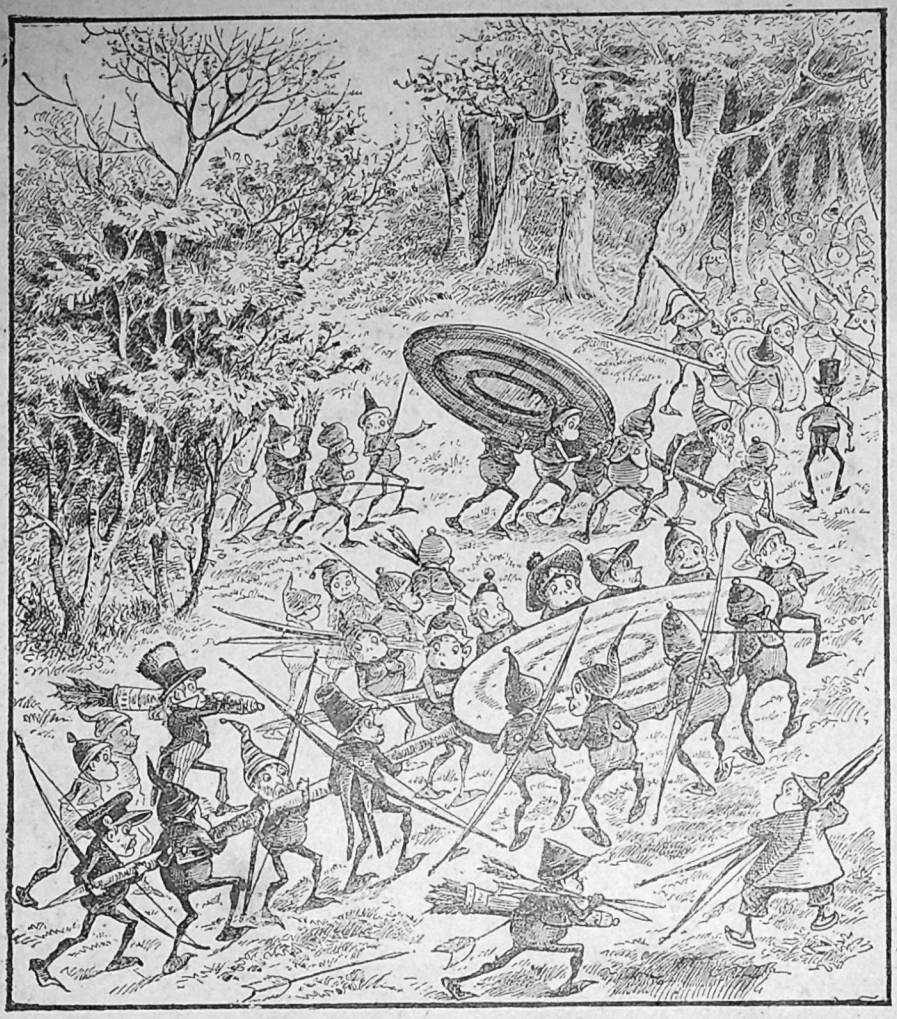
Но вотъ желаніе ихъ сбылось. Усталыя ласточки, выбравъ удобное мѣстечко, рѣшили остановиться для отдыха.

Какъ только онѣ сѣли на верхушку горы, Чумилка-Вѣдунъ первый спустился на полянку и сейчасъ-же закричалъ товарищамъ:

— Ахъ, поглядите, мишень и стрѣлы!

— Не захватить-ли намъ ихъ съ собою и гдѣ-нибудь, въ укромномъ мѣстечкѣ, поупражняться?—предложилъ Мурзилка.

Сказано — сдѣлано! Крошечныя ручки ухватились за подставки и съ большимъ трудомъ двинулись въ путь. Дорога шла въ гору; съ носильщиковъ потъ лилъ градомъ. Одинъ Мурзилка ничего не несъ, а бѣгалъ и суетился больше всѣхъ; онъ всегда

Крошечныя ручки ухватились за подставки...

ухитрялся ускользать отъ работы, пользуясь чужими трудами.

Наконецъ, они дошли до тѣнистой полянки, среди густого лѣса, и на ней поставили мишени. Эльфы взапуски метали стрѣлы, но въ цѣль попадалъ только одинъ Пучеглазка.

— Браво, брависсимо, Пучеглазка!—кричали ему братья,—ты важный стрѣлокъ!

— Вотъ еще!—ворчалъ обиженный Мурзилка,—какой онъ важный стрѣлокъ? Хотѣлъ-бы я видѣть, какъ онъ со мною-то посоперничаетъ.

— Поди самъ метать, — сказали ему братья.

— Вотъ еще новости, стану я себѣ руки портить, — отвѣтилъ заносчиво Мурзилка.

— Ну, полно дуться! послушай-ка лучше, что я разскажу, — сказалъ докторъ Мазь-Перемазь. Толпа побросала стрѣлы и окружила разсказчика.

— Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ

въ Швейцаріи жилъ одинъ человѣкъ по имени Вильгельмъ Телль; онъ славился во всей странѣ, какъ самый мѣткій и искусный стрѣлокъ, а это что-нибудь да значитъ въ такой странѣ, гдѣ почти всякій житель стрѣляетъ получше Пучеглазки...

Начало разсказа про Вильгельма Телля очень заинтересовало лѣсныхъ человѣчковъ, и они всѣ обратились въ слухъ. Одинъ только Мурзилка отошелъ въ сторону и сталъ смотрѣть въ зеркальце, которое онъ всегда носилъ съ собою. Въ то-же время онъ, однакожъ, внимательно слушалъ разсказъ.

— Сосѣди любили храбраго, справедливаго стрѣлка Вильгельма,—продолжалъ докторъ Мазь-Перемазь,—не любилъ его только злой начальникъ деревни и всячески старался притѣснять его. Однажды жестокость старшины дошла до того, что онъ, призвавъ Вильгельма Телля, сказалъ ему:—«Слушай, про тебя говорятъ, что ты лучшій стрѣлокъ; докажи это на дѣлѣ, прострѣли яблоко, которое будетъ лежать на головѣ твоего

сына!» — Задрожалъ бѣдный отецъ. — «Смилуйся, вѣдь долго-ли до несчастья! — взмолился онъ, — «у меня можетъ дрогнуть рука, и тогда я прострѣлю голову моего ребенка; дѣлай со мной, что хочешь, но избавь отъ такого ужаса». — Но старшину не тронули мольбы отца, и онъ не взялъ назадъ сказанныхъ словъ. — «Батюшка, чего ты боишься? — сказалъ бывшій при этомъ маленькій сынишка Телля. — Р«азвѣ у такого стрѣлка, какъ ты, можетъ случиться промахъ, полно! Я не боюсь, давайте сюда яблоко. Стрѣляй, батюшка, и не бойся!» — воскликнулъ храбрый ребенокъ, обводя гордымъ взглядомъ окружающихъ. Смѣлому мальчику положили на голову яблоко. Раздался выстрѣлъ. Глазамъ присутствующихъ представились потрясенный, блѣдный отецъ и улыбающееся личико сына съ прострѣленнымъ яблокомъ на головѣ.

— Каковъ мальчикъ! — вырвалось у всѣхъ эльфовъ, — каковъ молодецъ! Даже подумать страшно!...

— Что-же тутъ страшнаго?—послышался изъ-за дерева хвастливый голосокъ Мурзилки, — хотите, я готовъ сдѣлать то-же самое?

— Не хвастай, Мурзилка, — замѣтилъ ему докторъ Мазь-Перемазь,— гдѣ тебѣ, трусишкѣ!

— А вотъ не струшу, — кричалъ Мурзилка,—не струшу! Несите яблоко...

Нѣсколько карликовъ отправились въ ближайшіе сады за яблоками; малютки отыскали нѣсколько самыхъ большихъ яблокъ, въ нѣсколько разъ больше Мурзилкиной головы, такъ что въ нихъ легко было попасть. Съ трудомъ притащили крошки тяжелую ношу.

— Неужели, въ самомъ дѣлѣ, хотите стрѣлять въ эти яблоки?—плакался на смерть испуганный тру-

сишка; онъ не думалъ, что братья примутъ въ серьезъ его хвастовство.

Когда положили ему на голову яблоко, онъ задрожалъ и не своимъ голосомъ закричалъ:

— Пучеглазка, стрѣляй раньше въ лежащее на землѣ яблоко; если ты его разстрѣлишь пополамъ, тогда я позволю, а то— ни за что.

Пучеглазка прицѣлился, и яблоко въ одинъ мигъ разлетѣлось вдвое.

— Ахъ я несчастный,—рыдалъ Мурзилка, — Пучеглазинька, миленькій, цѣлься повыше, вдругъ ты попадешь мнѣ въ голову, что тогда будетъ?

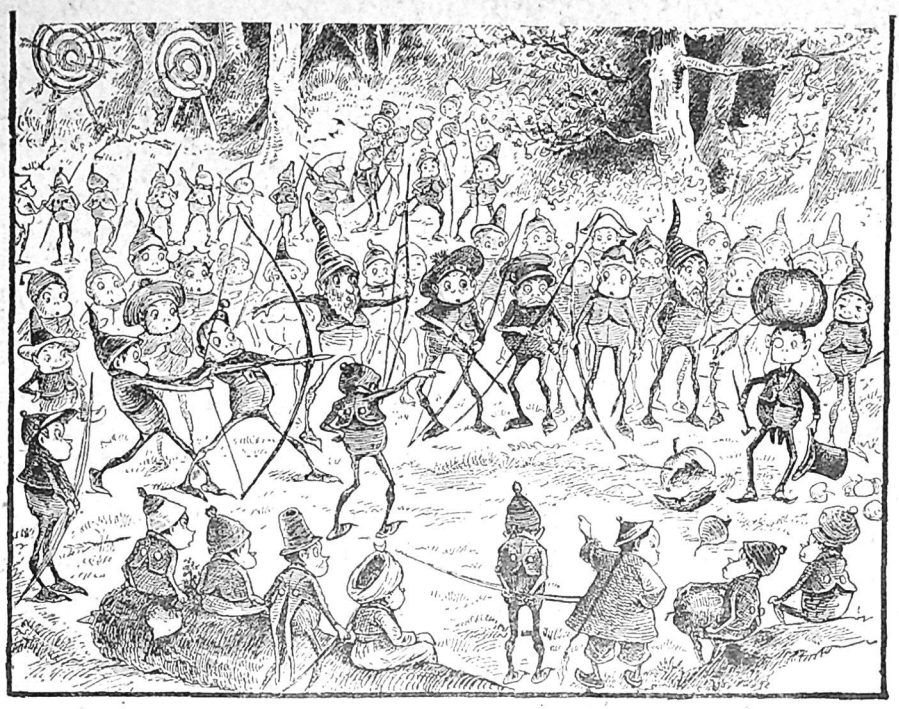
— Не безпокойся, не попаду! стой только смирно!

Хваступишка трясся всѣмъ тѣломъ, но братья, зная, что ему отъ этого никакого вреда не будетъ, хотѣли разъ навсегда отучить его отъ хвастовства.

Эльфы обступили бѣднягу. Зпайка и Пучеглазка натянули лукъ. Просвистѣла стрѣла,

но, вмѣстѣ съ этимъ, раздался такой отчаянный крикъ, какого крошки еще не слыхивали въ жизни.

Пучеглазка натянулъ лукъ, просвистѣла стрѣла...

Всѣ бросились къ Мурзилкѣ. Тотъ живехонекъ лежалъ на землѣ и трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Ой, убили, убили Мурзилочку! — стоналъ онъ. — Ахъ, не подходите! я уже умеръ, прострѣлили мою головушку.

Дружный, продолжительный хохотъ раздался надъ трусомъ; онъ осторожно поднялъ голову и, видя добродушный смѣхъ братьевъ, не на шутку разсердился.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Какъ эльфы очутились въ нѣмецкой школѣ и чему они тамъ учились.

ГОСПОДА, я только-что узналъ, что ласточки сегодня собираются въ путь!—громкимъ голосомъ заявилъ на слѣдующее утро Чумилка-Вѣдунъ.

— Куда-же онѣ собираются? въ какую страну?

— Страны онѣ не знали, — отвѣтилъ Чумилка,—но говорили между собою, что полетятъ въ страну, гдѣ живутъ нѣмцы.

— Эта страна называется Германіею,— пояснилъ докторъ Мазь-Перемазь.

— Чудесно! значитъ, мы увидимъ и Германію, — закричалъ Пучеглазка. — Я очень интересуюсь этою страною. Побѣжимъ-же скорѣе, братцы, къ ласточкамъ, а то онѣ, пожалуй, улетятъ безъ насъ.

Всѣ послушались совѣта и бѣгомъ пустились къ стоянкѣ ласточекъ. Спустя часъ, малютки сидѣли уже на спинахъ перпатыхъ странниковъ и летѣли по направленію къ новой странѣ.

Долго-долго летѣли ласточки, покуда добрались до Германіи. Города, лѣса, рѣки, горы—промелькнули передъ эльфами, пока, наконецъ, ласточки опустились, въ одномъ небольшомъ нѣмецкомъ городѣ, на крышу дома, на которомъ висѣла вывѣска съ надписью «Schule».

— Что это за вывѣска такая?—спросилъ Мурзилка.—Я хоть по-нѣмецки хорошо знаю, но такого слова не слыхалъ.

— Плохо-же ты знаешь по-нѣмецки, если не знаешь, что «Schule» значитъ школа, — сказалъ докторъ Мазь-Перемазь.

— То-есть я зналъ, но забылъ...—замялся Мурзилка.—Если-же въ самомъ дѣлѣ это школа, то посмотримъ, чему тамъ учатъ.

Заглянули человѣчки въ окно. Видятъ—ученики складываютъ свои книги и собираются уходить. Подождали проказники, пока ученики вышли изъ класса, и всей гурьбой перебрались въ классъ.

Первое, что остановило вниманіе малютокъ въ школѣ, былъ громадный шаръ, стоявшій на высокихъ ножкахъ.

— Что это такое? что это за шаръ?—послышалось со всѣхъ сторонъ.

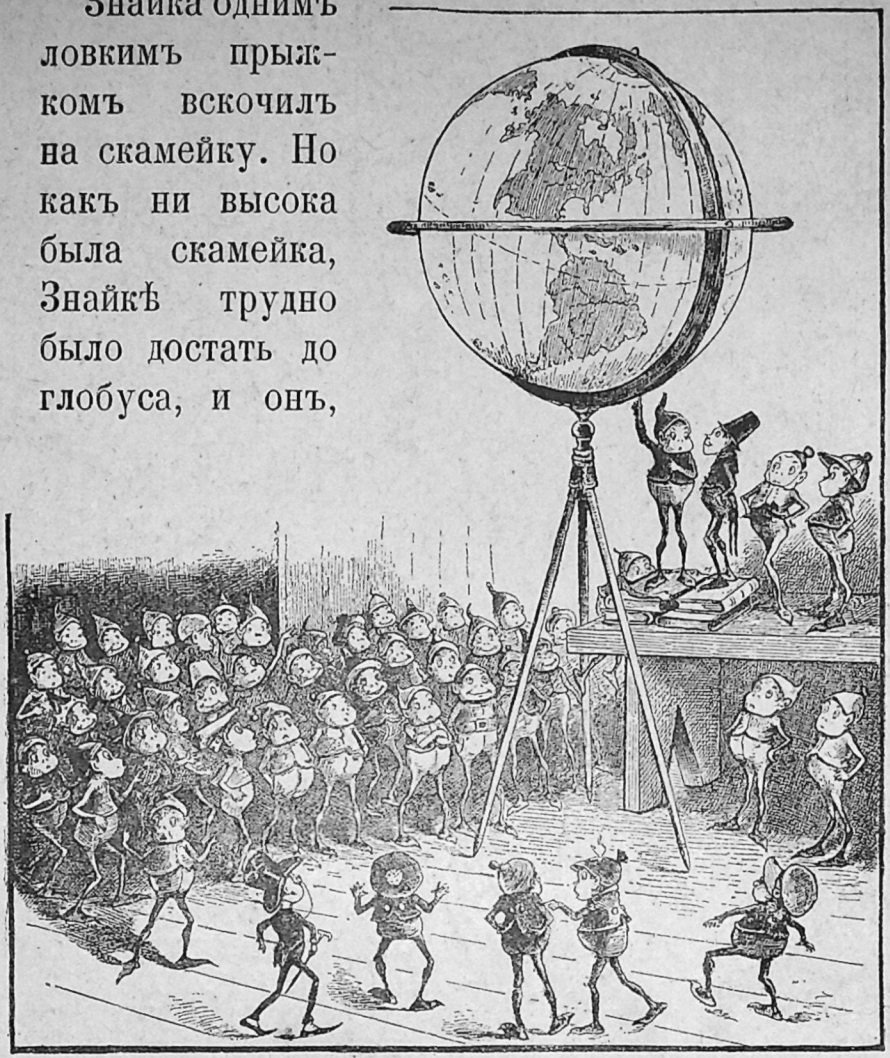
— Этотъ шаръ называется глобусомъ,—объяснилъ Знайка, — на немъ изображены земля, океаны, моря, горы, рѣки, города.

— Вотъ такъ штука,—удивлялись крошки,—да развѣ земля круглая?

— Конечно, круглая,—отвѣтилъ Знайка.—Хотите, я вамъ покажу на этомъ глобусѣ, гдѣ мы перебывали вмѣстѣ съ ласточками.

— Покажи, покажи!—закричали всѣ.

Знайка однимъ ловкимъ прыжкомъ вскочилъ на скамейку. Но какъ ни высока была скамейка, Знайкѣ трудно было достать до глобуса, и онъ,

Знайка, съ важнымъ видомъ, принялся указывать на глобусѣ...

чтобы встать повыше, подложилъ еще книгъ.

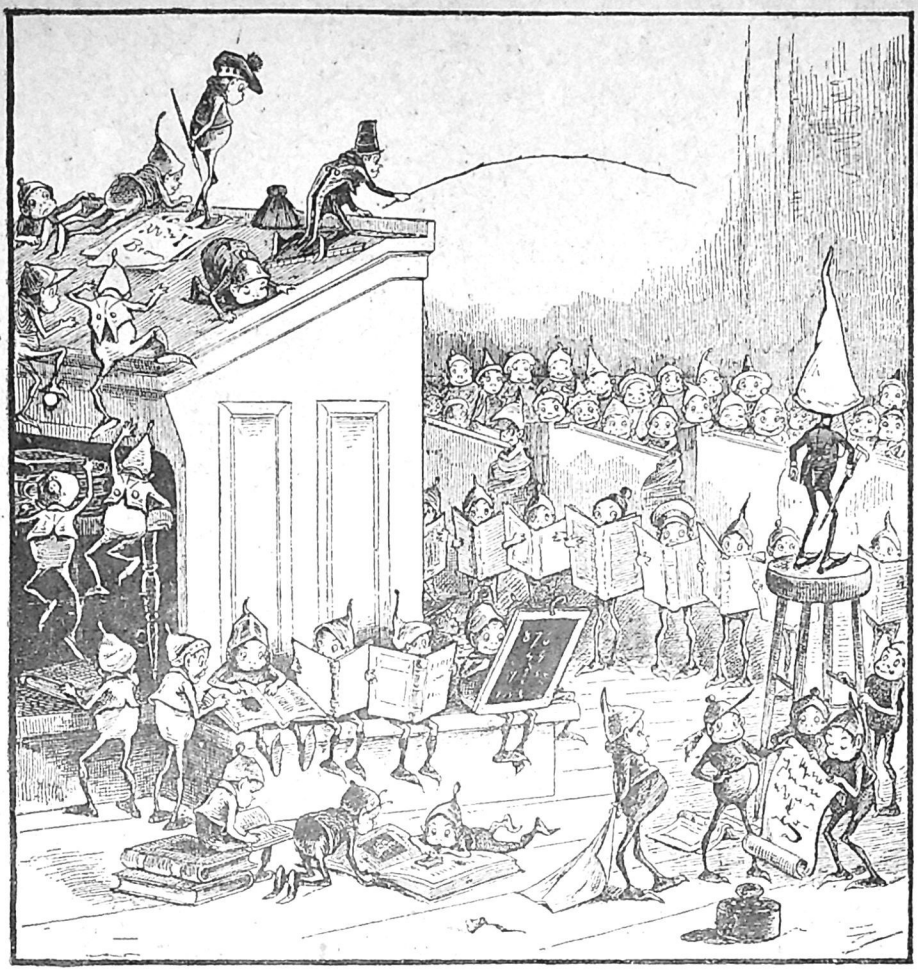
— Слушайте, я начинаю.

Знайка, съ важнымъ видомъ, принялся указывать на глобусѣ, гдѣ находится Китай, Индія, Египетъ, Италія, Швейцарія и Германія. Къ нему, на скамейму, влѣзли еще докторъ Мазь-Перемазь, Пучеглазка и Скокъ — и руками разводили отъ удивленія. Незнайка тоже пробовалъ влѣзть на скамейку, но никакъ не могъ.

Только что Знайка собирался разыскать Россію, какъ въ классъ вбѣжалъ Мурзилка.

— Бросьте глобусъ, бросьте!—кричалъ онъ. — Идите за мною. Тамъ, въ другомъ классѣ, болѣе интересно, тамъ и каѳедра, и скамейки...

Эльфы побѣжали въ другую комнату и сейчасъ-же размѣстились по скамейкамъ, разобрали лежащія въ столѣ книги и принялись громко читать. Кому не хватало мѣста на скамьѣ, тотъ, не смущаясь, садился на полъ.

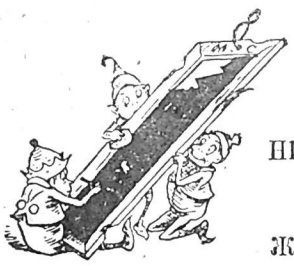
Эльфы размѣстились по скамейкамъ...

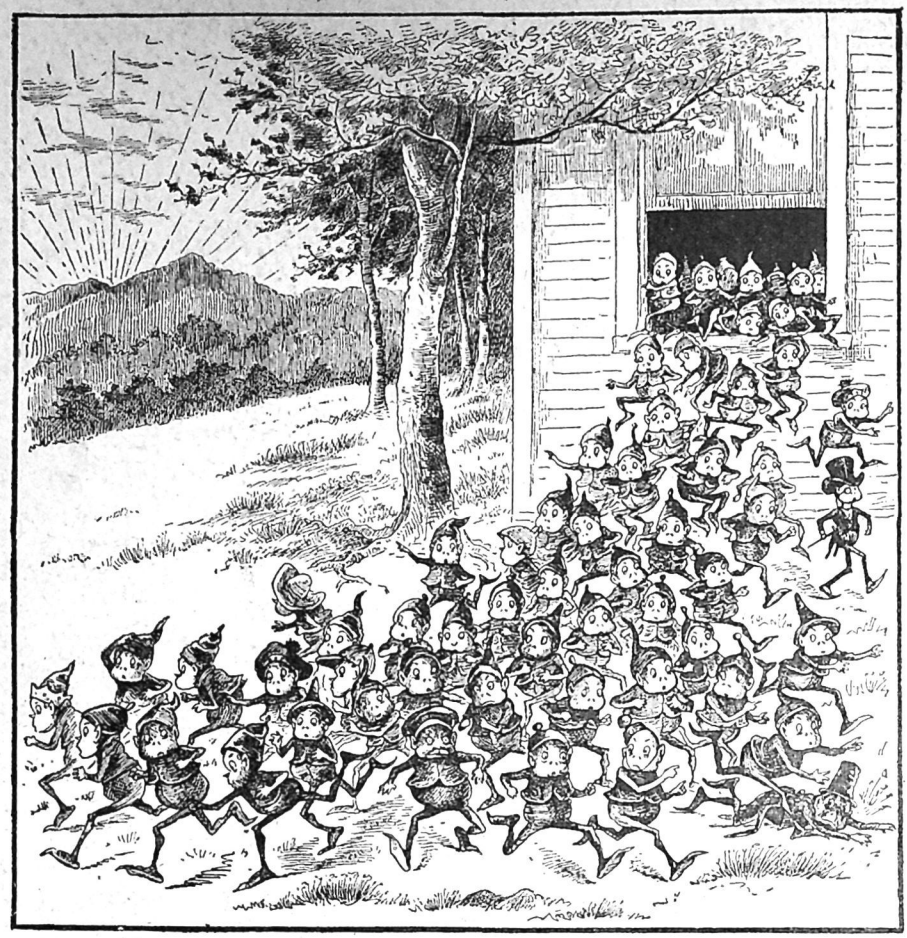
На учительской каѳедрѣ также помѣстилось нѣсколько человѣчковъ, между прочимъ, докторъ Мазь-Перемазь съ длинной розгой, которая поминутно опускалась внизъ, къ великому удовольствію тѣхъ, чья спина не получала удара.

Мурзилка влѣзъ также на каѳедру, и — что бы вы думали—онъ сдѣлалъ? Ни больше, ни меньше, какъ вскочилъ на почтенныя плечи доктора; за такое неуваженіе къ учителю, его поставили на высокій стулъ и надѣли на голову бумажный фунтикъ. Крошки покатывались съ хохоту, глядя на Мурзилку.

Долго длился урокъ и только ужь подъ вечеръ, когда съ колокольни послышался вечерній звонъ, малютки побросали книжки и черезъ открытое окно бросились къ своимъ спутникамъ-ласточкамъ.

Но — увы! ласточки не подождали на этотъ разъ человѣчковъ

Черезъ открытое окно малютки бросились бѣжать ..

и, оставивъ ихъ, отправились въ дальнѣйшій путь.

РАЗСКАЗЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

Какъ эльфы добрались до морского берега, какъ они покупались въ морѣ и какъ они уѣхали по желѣзной дорогѣ въ Парижъ.

ПОСЛѢ отлета ласточекъ, малютки пришли къ убѣжденію, что имъ нечего больше дѣлать на чужбинѣ, и рѣшили вернуться домой, на родину, пѣшкомъ.

Но Мурзилка не хотѣлъ еще вернуться.

— Мы бокъ-о-бокъ съ Франціей, — плакался онъ, — и не заглянемъ въ эту чудную страну, откуда на весь міръ идутъ моды. Я бы такъ хотѣлъ побывать тамъ и

видѣть, какъ теперь одѣваются щеголи,—мой костюмъ совсѣмъ износился. Пожалуйста, раньше чѣмъ вернуться домой, побываемъ-ка во Франціи,—это такая интересная страна.

Долго уговаривалъ Мурзилка. Сначала человѣчки и знать ничего не хотѣли, но, въ концѣ-концовъ, уступили его просьбамъ и согласились побывать во Франціи, съ тѣмъ чтобы оттуда ужь прямо отправиться домой.

Отдохнули эльфы, привели свои сапожки въ порядокъ и отправились въ путь.

Переходя изъ города въ городъ, они пришли, наконецъ, въ приморскій городъ, славящійся своими цѣлебными купаньямы.

Это былъ прелестный уголокъ, весь утопавшій въ цвѣтахъ, куда стекалась ежегодно масса народу.

Крошки попали какъ-разъ къ купальному сезону и, конечно, не желали отстать отъ другихъ. Мурзилка первый открылъ, что всѣ купаются въ костюмахъ, и потому имъ также не мѣшало-бы запастись купальными нарядами,—но гдѣ ихъ добыть?

Весь день бѣгали эльфы по городу, пока не отыскали склада игрушекъ. Сотни ручекъ принялись рыться въ ящикахъ и—о, радость!—тамъ, между прочими вещами, лежали кукольные костюмы, которые, хотя и не были впору малюткамъ, но, подвязавши и подогнувши то-другое, можно было ихъ одѣть.

Бальныя кисейныя юбочки одѣвались вмѣсто кофтъ, шляпки всевозможныхъ фасоновъ—вмѣсто купальныхъ чепчиковъ; подъ конецъ вышелъ такой смѣшной маскарадъ, что эльфы сами безъ хохота не могли смотрѣть другъ на друга.

Быстро пробѣжали они улицы и приблизились къ берегу. Передъ ними лежало спокойное, величественное, гладкое какъ стекло, море; у самаго берега только вздымалась вода и волною заливала песокъ.

Малютки, какъ мячики, повскакали въ прохладную влагу, рѣзвясь и играя въ ней, какъ на сушѣ: вѣдь въ сапожкахъ-мокруш-

кахъ они не могли утонуть, хотя-бы нырнули на самое дно.

Смѣхъ, шумъ и крики раздавались въ вечернемъ воздухѣ, но это слышали только рыбки да волны.

— Ахъ, море унесло мое платье! Мои штанишки! Мои туфельки!—раздавались поминутно веселые голоса.

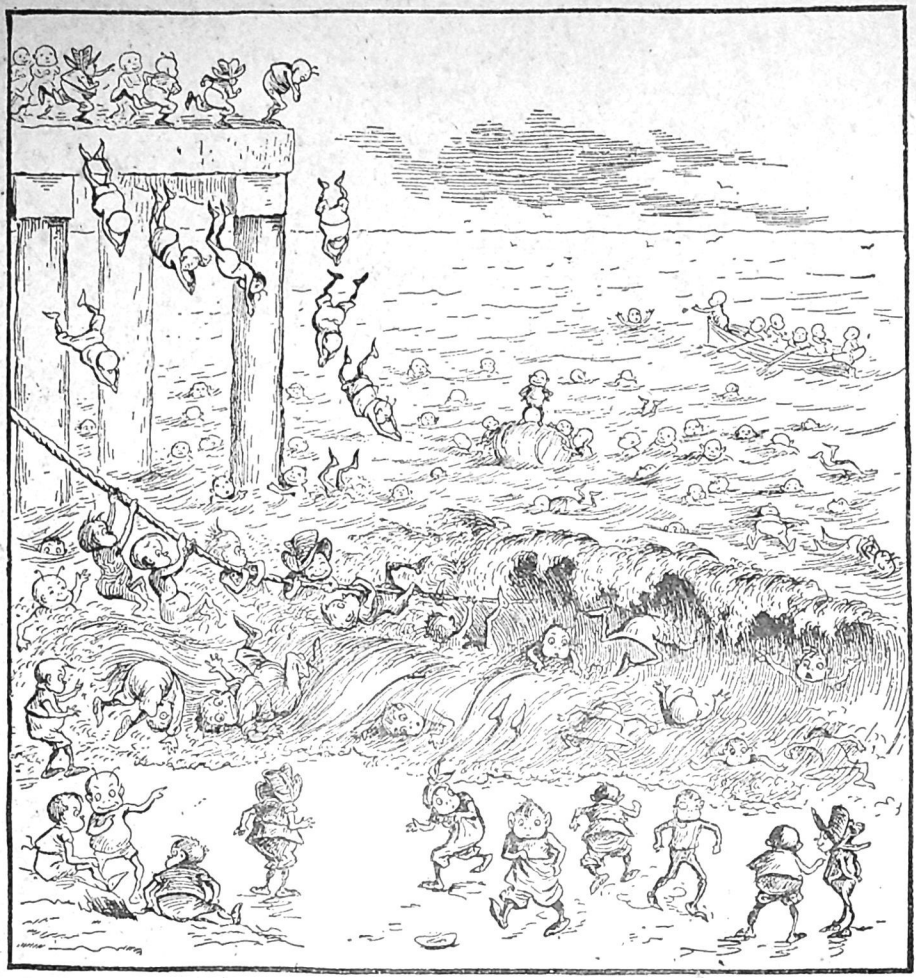
— И мою чудную шляпу, мой цилиндръ! — заоралъ Мурзилка, не рѣшившійся разстаться со своимъ цилиндромъ даже при купаньѣ.

Нарѣзвившись вдоволь, эльфы отправились къ себѣ въ рощу, гдѣ и переночевали среди душистыхъ цвѣтовъ.

Рано утромъ проснулись братья и, по обыкновенію, отправились бродить по городу. Вскорѣ ихъ вниманіе привлекъ вокзалъ желѣзной дороги.

Публика спѣшила занять мѣста въ вагонахъ, такъ какъ поѣздъ черезъ нѣсколько минутъ отправлялся на сѣверъ.

Смѣхъ, шумъ и крики раздавались въ вечернемъ воздухѣ..

Крошки, не долго думая, вскарабкались на крыши вагоновъ и расположились тамъ какъ дома. Скоро раздался третій звонокъ, и поѣздъ полетѣлъ на всѣхъ парахъ, унося съ собою крошечныхъ путешественниковъ.

Поля и лѣса мелькали передъ ними, какъ въ панорамѣ; на станціяхъ дѣлались маленькія остановки, и поѣздъ мчался все впередъ и впередъ.

Въ одну ночь малютки увидѣли показавшійся въ туманной дали громадный городъ, съ высокими зданіями и памятниками. Знайка поспѣшилъ сообщить товарищамъ, что они приближаются къ Парижу, главному городу Франціи.

Вскорѣ поѣздъ дѣйствительно остановился, и эльфы, спрыгнули на землю, очутились среди такой давки и толкотни, что насилу выбрались изъ нея.

Несмотря на поздній часъ, улицы кишѣли народомъ, масса огня превращала ночь въ свѣтлый день.

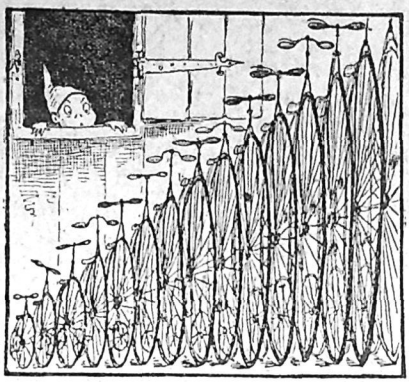
Малютки, увлеченные толпой, двигались

по бульварамъ, по которымъ гуляла несмѣтная масса народа.

Вдругъ всѣ хватились Мурзилки; никто даже не замѣтилъ, когда онъ исчезъ. Въ большомъ безпокойствѣ стояли эльфы у ярко освѣщеннаго магазина, не зная, что предпринять,—какъ вдругъ раздался знакомый голосокъ, и изъ дверей магазина выскочилъ самъ виновникъ переполоха, весь нагруженный модными матеріями.

— Вотъ это на фракъ, это на жилетъ, это на пальто,—лепеталъ онъ, показывая на маленькіе пробные кусочки, которые приказчики, вѣрно, бросили на полъ.

Переночевавъ въ какомъ-то саду, эльфы, съ разсвѣтомъ, принялись опять осматривать городъ, выглядѣвшій при дневномъ свѣтѣ гораздо хуже, чѣмъ при огнѣ. Даже рѣка Сена, на которой стоитъ Парижъ, показалась имъ не особенно широкой и красивой рѣкой.

РАЗСКАЗЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

Какъ эльфы впервые увидали состязаніе на велосипедахъ и какъ они сами задумали поѣздку на велосипедахъ.

НОВОСТЬ, господа, новость! Я узналъ нѣчто очень интересное!

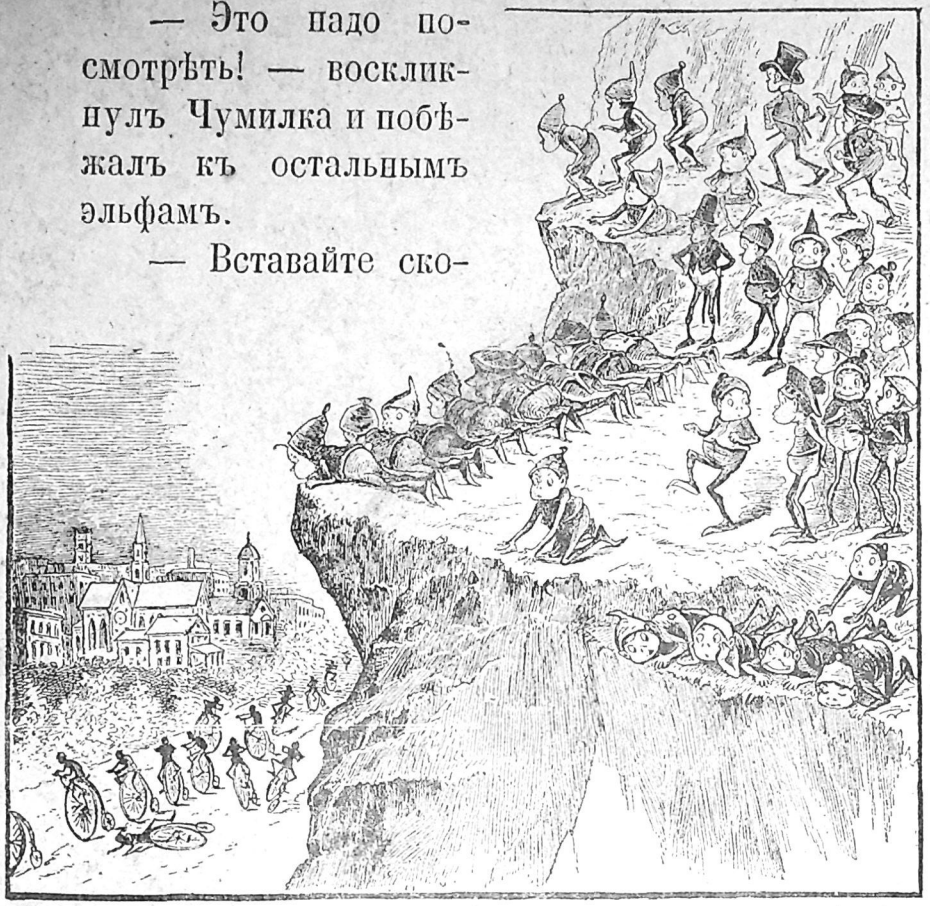
Такъ будилъ эльфовъ Чумилка-Вѣдунъ.

Онъ всталъ раньше другихъ и пошелъ на улицу, гдѣ какъ разъ въ это время расклеивали афиши. На этихъ афишахъ было напечатано крупными буквами:

«Бѣгъ на велосипедахъ и состязаніе велосипедистовъ состоится сегодня утромъ за городомъ».

— Это надо посмотрѣть! — воскликнулъ Чумилка и побѣжалъ къ остальнымъ эльфамъ.

— Вставайте скорѣе, а то не поспѣемъ, — будилъ онъ ихъ.

Болѣе двадцати велосипедовъ пустились вперегонку...

Въ мигъ человѣчки были готовы; даже Мурзилка поспѣлъ съ другими.

Быстро направились они на указанное мѣсто, гдѣ долженъ былъ состояться бѣгъ, и взобрались на пригорокъ, откуда можно было видѣть всѣ подробности.

По данному внизу знаку, болѣе 20 велосипедовъ съ сѣдоками пустились вперегонку.

— Вотъ такъ штука!—воскликнулъ докторъ Мазь-Перемазь, внимательно слѣдившій за велосипедистами. — Ѣдутъ безъ лошадей и безъ пара, а какъ быстро!—точно птицы.

— Намъ-бы такой велосипедъ для путешествія,—замѣтилъ Вертушка Знайкѣ.

— Конечно, не дурно-бы, — отвѣтилъ Знайка, подпрыгивая.

— Послушайте, что́ я придумалъ,—послышался вдругъ голосъ Чумилки-Вѣдуна.—Когда эти велосипедисты кончатъ свой бѣгъ и пойдутъ отдыхать, мы возьмемъ нѣсколько велосипедовъ и отправимся на нихъ домой.

— Ура! Придумано остроумно!—закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Я поѣду впереди всѣхъ, и потому

прошу для меня отдѣльный велосипедъ,— замѣтилъ Мурзилка.

— Все это отлично, — сказалъ докторъ Мазь-Перемазь, — но я боюсь, что многіе велосипеды, послѣ этого бѣга, будутъ сильно попорчены.

— Ничего не значитъ!—воскликнулъ въ отвѣтъ Чумилка; — тутъ рядомъ находится мастерская, мы все какъ слѣдуетъ исправимъ.

Такъ они и сдѣлали. Выждавъ, когда бѣгъ кончился и всѣ отправились отдыхать, оставивъ велосипеды въ мастерской, — малютки забрались туда и медленно принялись за исправленіе поврежденій. Застучали молотки, заскрипѣли верстаки—и дѣло быстро спорилось. Къ утру всѣ велосипеды были готовы.

— Какъ-же мы помѣстимся на велосипедахъ?—спросилъ Знайка, когда все было готово.

Дѣйствительно, велосипедовъ оказалось слишкомъ мало для того, чтобы помѣститься всѣмъ человѣчкамъ. Мурзилка предложилъ,

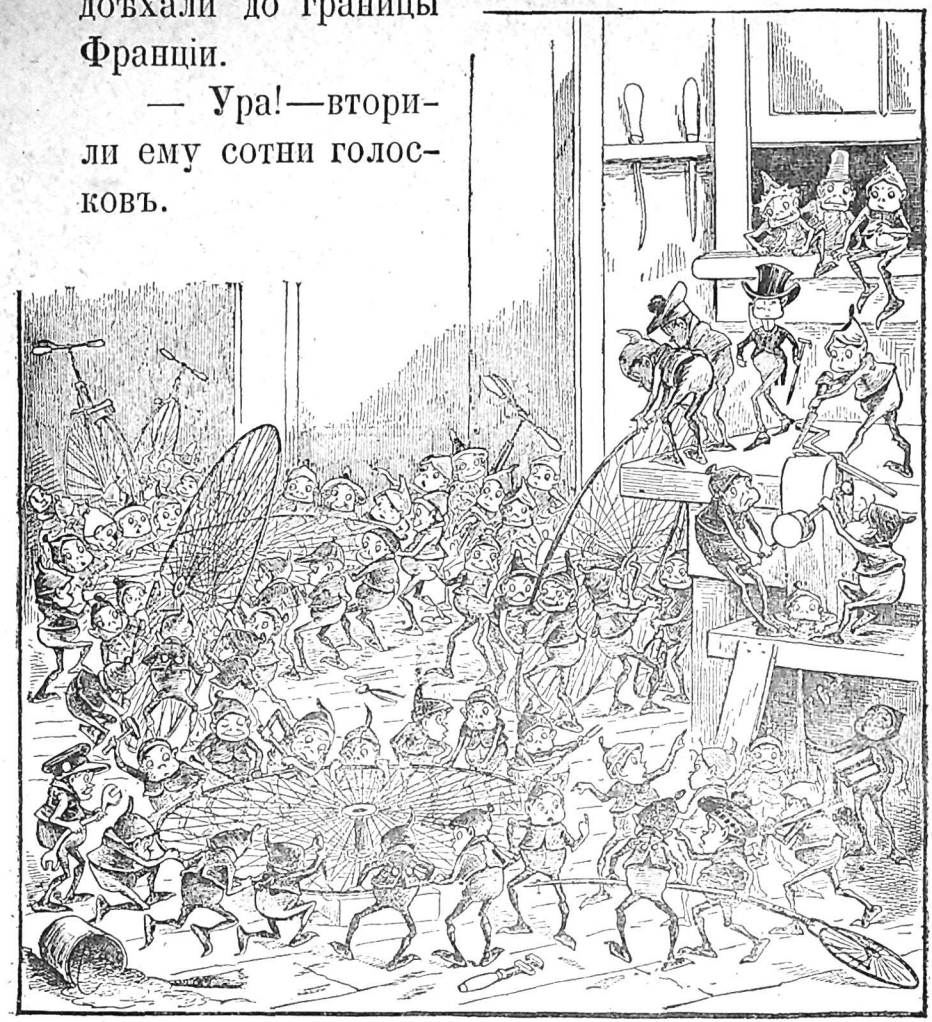
чтобы по пяти человѣкъ сѣли другъ дружкѣ на спины, но его предложеніе не одобрили. Думали малютки, думали, пока, наконецъ, Заячья-Губа не придумалъ остроумнаго сидѣнья, дававшаго много мѣста всѣмъ. Онъ ухитрился продѣть чрезъ сидѣнья трехъ въ рядъ стоящихъ велосипедовъ длинныя палки. На каждой такой палкѣ размѣстилось по 15 человѣчковъ; остальные уцѣпились за ручки, колеса и заднія части велосипедовъ. Съ пѣніемъ и шумомъ понеслись крошки на остроумно придуманномъ поѣздѣ.

Быстро катились велосипеды, управляемые ручками маленькихъ человѣчковъ. Вскорѣ городъ скрылся, и путешественники очутились на хорошей шоссейной дорогѣ, гдѣ ѣзда еще быстрѣе.

Останавливались эльфы въ дорогѣ очень рѣдко и то лишь для того, чтобы отдохнуть, пообѣдать или позавтракать, а затѣмъ катили все дальше и дальше, пока не подъѣхали въ одинъ прекрасный день къ каналу Па-де-Кале, отдѣляющему Францію отъ Англіи.

— Ура! ура!—кричалъ Вертушка:—мы доѣхали до границы Франціи.

— Ура!—вторили ему сотни голосковъ.

Малютки немедленно принялись за исправленіе поврежденій...

— Братцы! теперь отъ насъ до Англіи рукой подать. Поѣдемъ-ка въ Англію! Вѣдь стоитъ посмотрѣть, что это за страна!— предложилъ докторъ Мазь-Перемазь.

— Понятно, стоитъ, еще-бы не стоило!— закричали всѣ крошки, соскакивая съ велосипедовъ.

— Ба! какъ-же мы отправимся въ Англію, когда у насъ нѣтъ лошади?—вздохнулъ Мурзилка.

— А сапожки-мокроступы на что? — отвѣтилъ Дѣдко-Бородачъ, и первый надѣлъ нетонущія въ водѣ туфельки.

Его примѣру послѣдовали другіе, и вскорѣ вся толпа дружно зашагала по поверхности воды. Разъ, два, три — и эльфы уже на противоположномъ берегу.

— Вотъ и городъ!—закричалъ Знайка.

— Городъ! англійскій городъ!—какъ это чудесно! Нѣтъ-ли тамъ чего-нибудь для меня?—шепнулъ Мурзилка Заячьей-Губѣ.— Навѣрно я здѣсь получу англійскую матерію на пальто.

Съ пѣніемъ и шумомъ понеслись крошки на остроумно придуманномъ поѣздѣ...

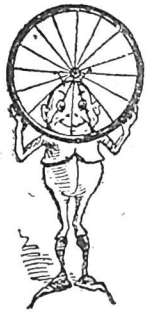
— Отстань ты со своимъ пальто!—сердито отвѣтилъ Заячья-Губа.

Городъ малюткамъ не очень понравился, и они отправились дальше. Повсюду на пути встрѣчали они фабрики, заводы и каменноугольныя копи. Скокъ предложилъ малюткамъ спуститься въ шахту, изъ которой добывали каменный уголь, но Мурзилка пришелъ отъ этого въ ужасъ.

— Какъ? вы хотите, чтобы я запачкалъ свои свѣтлыя французскія панталоны? Нѣтъ, никогда!—кричалъ онъ.

— Зачѣмъ-же тебѣ ихъ пачкать?—спросилъ Скокъ.

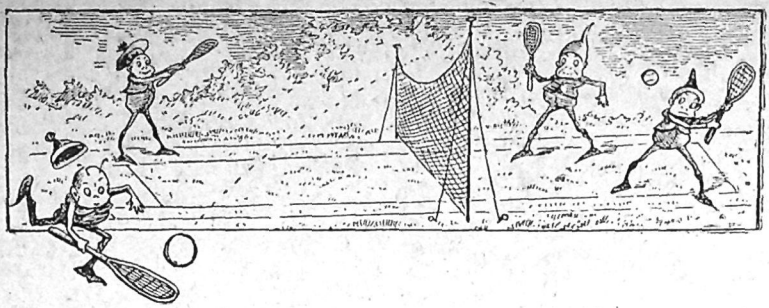
— А ты думаешь, я на головѣ буду ходить по твоимъ шахтамъ и ко мнѣ уголь не пристанетъ? — огрызался франтъ Мурзилка.—Да притомъ это очень опасно спускаться въ шахту.

— Струсилъ, значитъ, — засмѣялся Скокъ.

— Я не за себя боюсь, а за васъ,— обиженнымъ тономъ отвѣтилъ Мурзилка.

Спускъ въ шахту такъ и не состоялся.

РАЗСКАЗЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

Какъ эльфы нашли дачу богатого англичанина и какъ они на этой дачѣ играли въ лаунъ-теннисъ.

Черезъ нѣсколько дней эльфы дошли до прекрасной дачи, расположенной среди обширнаго благоухающаго парка, гдѣ они рѣшили отдохнуть и пожить.

Одна половина путешественниковъ занялась отыскиваніемъ цвѣтовъ для жилища, другая, болѣе любопытная, побѣжала невидимками въ домъ узнать, кто хозяева.

Черезъ полчаса они вернулись и сообщили всѣ добытыя новости. Хозяинъ—бога-

тый англичанинъ, и у него было много рѣдкостей.

— Какія ружья и сабли висятъ въ кабинетѣ хозяина! — восторгался Пучеглазка передъ Заячьей-Губой и Мишкой.

— Что за библіотека у хозяина! — разсказывалъ Дѣдко-Бородачъ Читайкѣ, большому любителю книгъ.

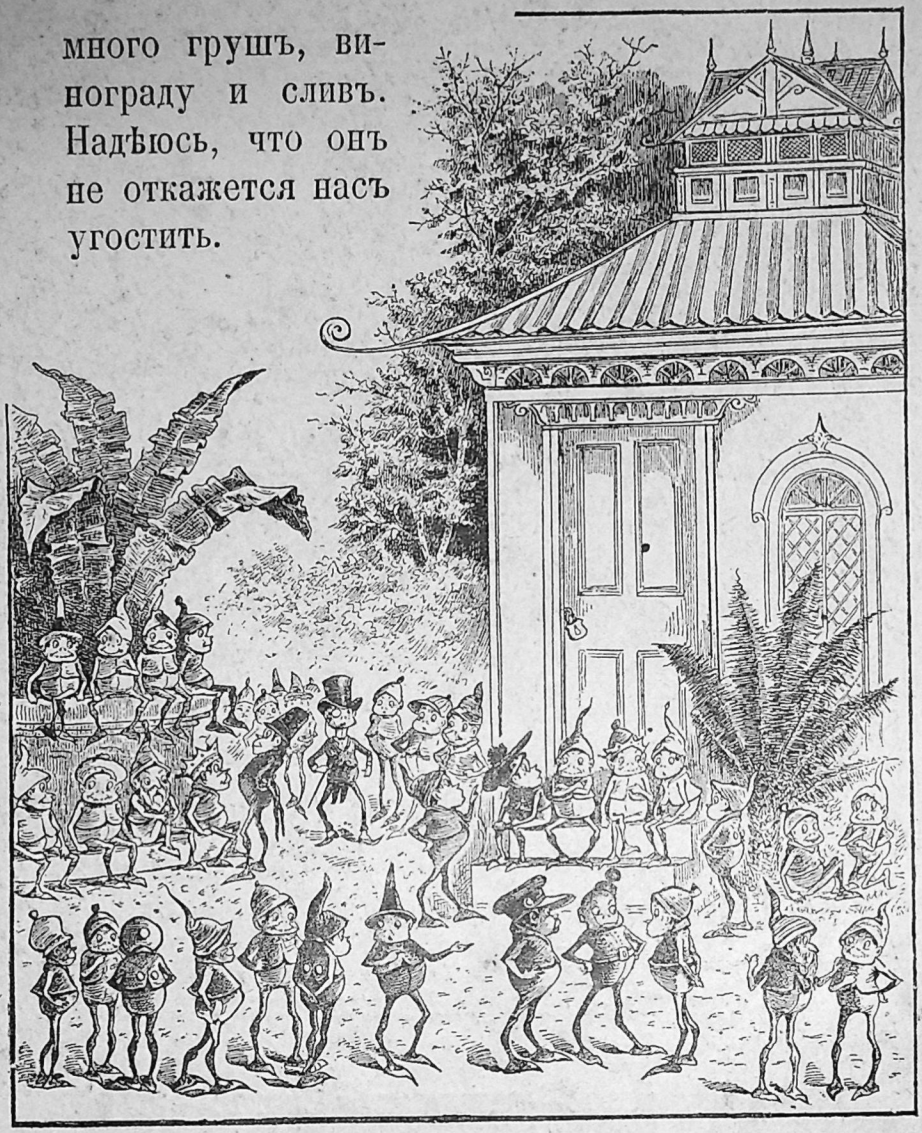
— Братцы, вѣдь нашъ-то хозяинъ докторъ! — замѣтилъ Знайка.

Радость доктора Мазь-Перемазь, когда онъ узналъ, что хозяинъ дачи тоже докторъ, не имѣла границъ.

— Вотъ-то прелесть! Вотъ-то славно! — говорилъ онъ, расхаживая взадъ и впередъ. — Я могу вмѣстѣ съ нимъ разъѣзжать къ больнымъ, могу помогать ему писать рецепты... Мы даже, пожалуй, устроимъ вмѣстѣ консиліумъ у какого-нибудь больного.

— А мнѣ такъ все равно, докторъ-ли нашъ хозяинъ или нѣтъ, — замѣтилъ Вертушка. — Я радъ лишь тому, что у него

много грушъ, винограду и сливъ. Надѣюсь, что онъ не откажется насъ угостить.

Эльфы дошли до прекрасной дачи...

А я думаю, что не угоститъ,—рѣшилъ Быструнъ. — Англичане — народъ скупой.

— Вовсе не скупой,—вмѣшался стоявшій сбоку Дундундукъ.

— Нѣтъ, скупой; ты не знаешь.

— Нѣтъ, не скупой...

Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончился этотъ споръ, если бы вдругъ не показался вдали Мурзилка.

Онъ бѣжалъ, запыхавшись, и, когда подоспѣлъ къ товарищамъ, то долго не могъ проговорить ни одного слова.

— Говори, что такое случилось? Что ты увидалъ? — спрашивали его, обступивъ со всѣхъ сторонъ, малютки.

— Ахъ, что я видѣлъ, что я видѣлъ! Еслибы вы знали, что я видѣлъ!—проговорилъ, наконецъ, Мурзилка.

— Ну что, ну что?

— Дайте вздохнуть, тогда скажу... Ахъ, какой костюмъ!

— Ну вотъ!—заворчалъ Скокъ:—развѣ

опъ путное скажетъ; только и знаетъ свои костюмы.

— Вотъ и не отгадалъ! Совсѣмъ я не про костюмъ хочу разсказать; это я только такъ, къ слову! — отвѣтилъ важно Мурзилка.

— Такъ разсказывай-же скорѣе!—закричали всѣ въ одинъ голосъ.

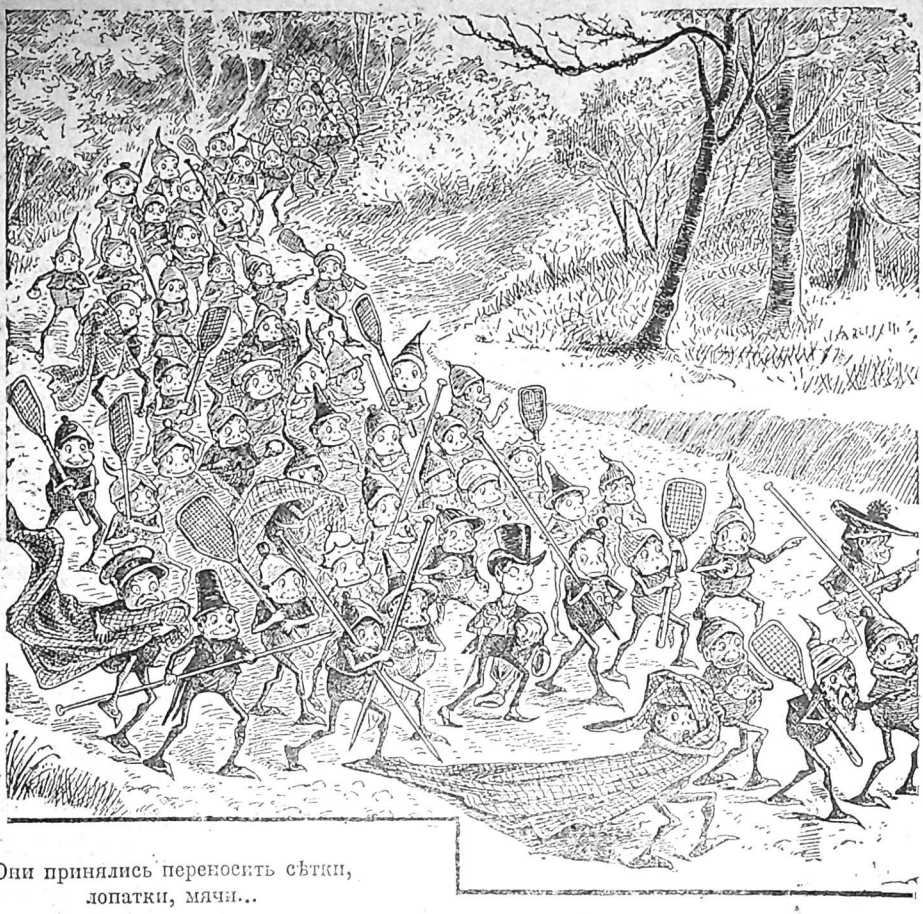
— Сейчасъ, сейчасъ. Дайте-же мнѣ отдохнуть. Ну, вотъ теперь начинаю. Слушайте-же и не мѣшайте... Иду я по парку и ищу себѣ мѣстечко, гдѣ-бы отдохнуть. Вдругъ, вижу, громадная полянка. Э-э, думаю, что-бы тутъ такое могло быть? Думалъ, думалъ, но никакъ не могъ угадать. На всякій случай, я спрятался за кустомъ и жду. Спустя нѣсколько минутъ, на полянку пришли нѣсколько дамъ и кавалеровъ, разставили какія-то сѣтки, вооружились лопаточками и стали ими перебрасывать маленькіе мячики. «Господа,—замѣтилъ одинъ изъ кавалеровъ,—кто изъ васъ согласенъ играть съ нами въ лаунъ-теннисъ,

того прошу сюда, ко мнѣ».—Ага,—подумалъ я,—значитъ, эта игра называется лаунъ-теннисъ. Между тѣмъ, кавалеры одинъ за другимъ прибѣжали на зовъ. Всѣ они были одѣты въ чудные костюмы, какъ видно, сшитые нарочно для этой игры. Даже туфли и тѣ полагаются къ этому костюму.

— Они вѣрно еще тамъ, на полянкѣ, побѣжимъ-же скорѣе, — перебилъ разсказъ Мурзилки Быструнъ.

— Подождите, дайте-же мнѣ кончить разсказъ.

Но малюткамъ, какъ видно, надоѣлъ длинный разсказъ Мурзилки, и они пустились всѣ вслѣдъ за Быструномъ и очутились на просторной лужайкѣ, гдѣ большое общество какъ-разъ кончало играть въ лаунъ-теннисъ. Малютки внимательно слѣдили за игрою, и едва-только играющіе удалились, побросавъ на землю всѣ принадлежности лаунъ-тенниса, какъ Быструнъ предложилъ сыграть, по примѣру большихъ, одну партію лаунъ-тенниса:

Они принялись переносить сѣтки, лопатки, мячи...

— Какъ вы думаете, не сыграть-ли и намъ?

— Сыграемъ, конечно, сыграемъ!—согласились всѣ въ одинъ голосъ и немедленно

принялись переносить сѣтки, лопатки, мячи и другія принадлежности игры на другой конецъ полянки, гдѣ, по ихнему, было гораздо удобнѣе играть.

— Ахъ, нѣтъ, я не могу еще играть. Подождите, пока я сошью себѣ костюмъ для игры, — приставалъ Мурзилка къ братьямъ.

— Вотъ еще! Шей, если тебѣ нравится, а мы будемъ играть!—отвѣтили они ему.

Обиженный Мурзилка ушелъ и долго не показывался братьямъ. Онъ вытащилъ изъ узелка тщательно сложенный свертокъ, въ которомъ хранились собранные имъ въ Парижѣ лоскутки, выбралъ самые свѣтлые изъ нихъ и принялся кроить себѣ костюмъ, затѣмъ шапочку и двѣ пары крошечныхъ туфелекъ и, при помощи еще двухъ эльфовъ, Ниточки и Иголочки, сшилъ себѣ полный костюмъ для игры.

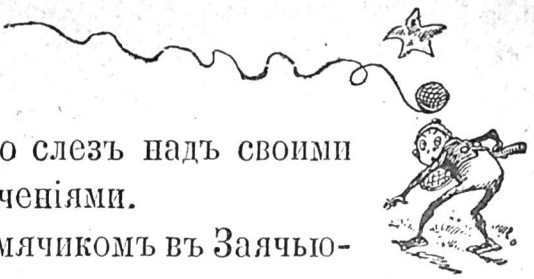
— Какъ я хорошъ!—говорилъ онъ, облекшись въ новое платье.

Пока Мурзилка сидѣлъ взаперти и шилъ,—на лужку, подъ каштанами стоялъ

Эльфы забавлялись новой игрой...

шумъ, гамъ и веселье; эльфы забавлялись новой игрой и хохотали до слезъ надъ своими смѣшными приключеніями.

Знайка попалъ мячикомъ въ Заячью-Губу; тотъ не выдержалъ удара и повалился, увлекая за собою Незнайку, который, въ свою очередь, толкнулъ Вертушку. Читайка попалъ подъ сѣтку и кричалъ на весь лужокъ своимъ пронзительнымъ голоскомъ. У другой сѣтки лежалъ Чумилка-Вѣдунъ, а передъ нимъ растянулся Забіяка.

— Вотъ и я! — раздался среди общаго веселья тонкій голосокъ Мурзилки.

Братья всѣ обернулись и дружнымъ хохотомъ встрѣтили разфранченнаго товарища.

— Хо-хо-хо! ха-ха-ха! хи-хи-хи! — тряслись малютки отъ смѣха, глядя на странный костюмъ Мурзилки. — Вотъ чучело-то гороховое! хи-хи-хи...

— Сами вы чучелы! — сердито отвѣтилъ

франтъ: — я съ вами даже и говорить не буду, замарашки этакія!

Мурзилка повернулся, чтобы уйти, но братья вернули его, обѣщая никогда больше не смѣяться надъ нимъ.

Докторъ Мазь-Перемазь даже его цилиндръ и тросточку навѣсилъ на палку, чтобы ихъ какъ-нибудь не помяли.

— Скокъ, Скокинька! Иди ко мнѣ; я только съ тобою хочу играть, ты такой-же ловкій, какъ я,—командовалъ между тѣмъ Мурзилка.

РАЗСКАЗЪ ДВАДЦАТЫЙ.

Какъ лѣсные человѣчки въ сапожкахъ-мореходахъ отправились въ городъ Лондонъ и какъ они очутились на искусственномъ каткѣ.

Прошла недѣля, другая, а лѣсные человѣчки все еще жили на виллѣ у англійскаго доктора.

— Какъ вы думаете, господа, не пойти-ли намъ въ другое мѣсто? Хоть и хорошо здѣсь, но надоѣло, наконецъ, сидѣть на одномъ и томъ-же мѣстѣ, — сказалъ Быструнъ.

— Пожалуй! — отозвались другіе, — куда-же мы пойдемъ?

— Ужь, конечно, въ столицу, въ Лон-

донъ! — отвѣтилъ Мурзилка. — Мнѣ хочется посмотрѣть, какъ одѣваются англійскіе щеголи.

— Въ столицу, такъ въ столицу!—сказалъ Заячья-Губа.

Подъ-вечеръ, когда спала дневная жара, малютки, надѣвъ свои сапожки, покинули гостепріимный кровъ и направились быстрыми шагами къ столицѣ.

Всю ночь шли они по лѣсамъ и рощамъ и къ утру, съ первымъ солнечнымъ лучемъ, передъ ними предсталъ грандіозный городъ съ башнями и церквами.

— Господа, отдохнемъ здѣсь немного!—предложилъ Чумилка-Вѣдунъ.—Кстати, докторъ Мазь-Перемазь разскажетъ намъ кое-что объ этомъ городѣ; вѣдь онъ у насъ ученый—все знаетъ.

— Я знаю больше про Лондонъ, — замѣтилъ Мурзилка.—Хотите, разскажу? Вѣдь мой клѣтчатый фракъ, вотъ надъ которымъ всѣ вы смѣетесь, сшитъ по послѣдней лондонской модѣ...

— Полно болтать,—сказалъ Вертушка:—пойдемте лучше, пока не стемнѣло, въ городъ.

Надъ городомъ стояла туча дыма и пыли отъ фабричныхъ трубъ. Машины, конки, омнибусы летѣли по всѣмъ направленіямъ. Эльфы растерялись отъ такой суетни и сумматохи.

— Нѣтъ, мнѣ здѣсь не нравится!—бормоталъ Мурзилка, придерживая обѣими руками свой цилиндръ.

— А самому до смерти хотѣлось сюда придти! Ахъ ты, Мурзилка, Мурзилка пустая голова!—насмѣхались надъ нимъ братья.

Осмотрѣвшись и привыкнувъ немного къ шуму лондонскихъ улицъ, эльфы стали отлично чувствовать себя у англичанъ.

Они забирались въ вагоны желѣзныхъ дорогъ, которые мчали ихъ съ необыкновенной быстротой съ одного конца города на другой; пробирались на суда и пароходы, ѣдущіе по рѣкѣ Темзѣ (на которой стоитъ городъ Лондонъ); но больше всего приводили

ихъ въ восторгъ трехъэтажные мосты черезъ Темзу. Подъ мостами проходили суда, черезъ мостъ летѣли поѣзда, а на мостахъ грохотали конки, омнибусы и спѣшили пѣшеходы.

— Ай да городъ!—восклицали малютки въ восхищеніи отъ всего видѣннаго.

Недѣля, проведенная въ Лондонѣ, промелькнула очень скоро. Въ воскресенье утромъ малютки проснулись рано и вышли на улицу (они ночевали на миртовыхъ вѣткахъ въ одномъ богатомъ саду).

На улицахъ была необыкновенная тишина и спокойствіе; не замѣтно было ни проѣзжихъ, ни прохожихъ, изъ трубъ не валилъ дымъ, магазины были закрыты, и городъ казался пустымъ.

— Что-бы это могло быть?—удивлялись эльфы.

— Ахъ, да! я и забылъ васъ предупредить,—сказалъ Читайка:—по воскресеньямъ англичане не работаютъ и не гуляютъ, а только ходятъ въ церковь или сидятъ дома и читаютъ Священное Писаніе.

— Что-же мы будемъ дѣлать сегодня?— вздохнулъ Мурзилка.

— Я знаю! пойдемте кататься на конькахъ,—отвѣтилъ Скокъ.

— Что ты? посреди лѣта на конькахъ! Развѣ бываютъ теперь катки?—послышалось со всѣхъ сторонъ.

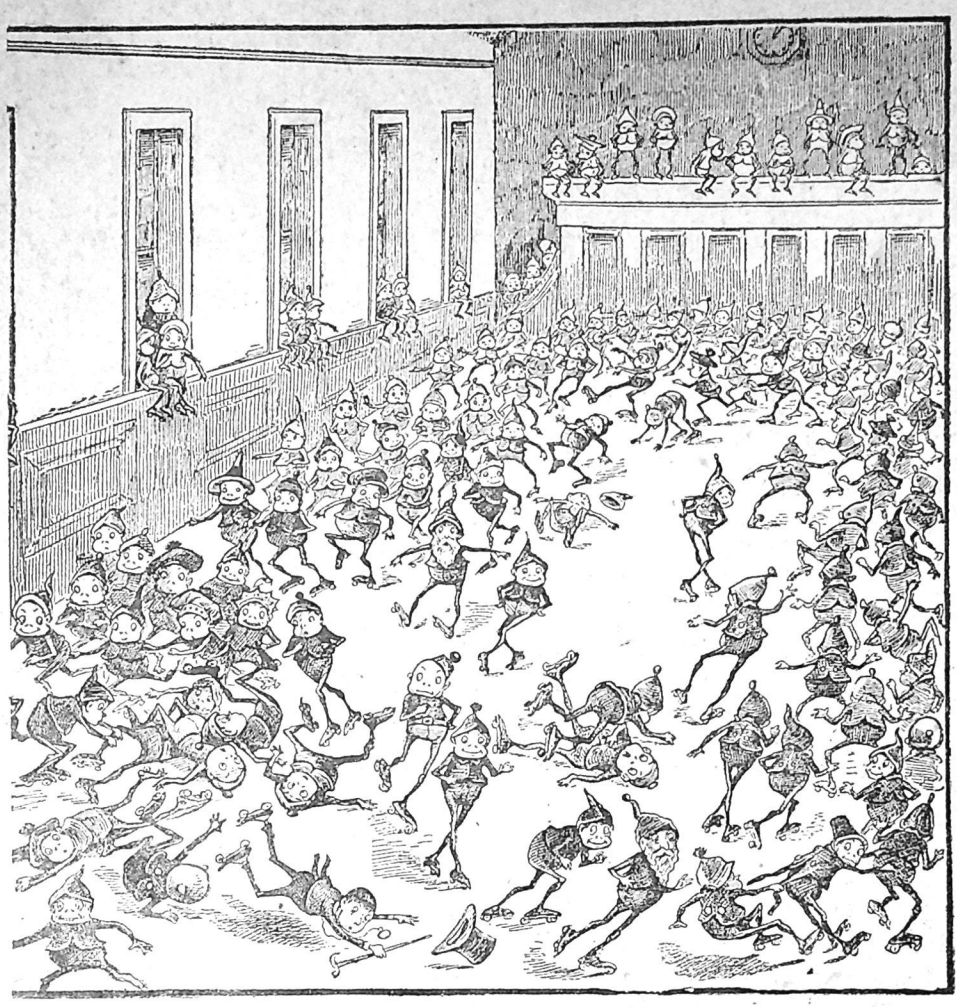
— Пойдемте только, ужъ я вамъ покажу.

Эльфы бросились гурьбой за Скокомъ. Тотъ привелъ ихъ къ большому круглому зданію съ закрытыми дверями.

Заячья-Губа однимъ ловкимъ движеніемъ открылъ дверь, и глазамъ крошекъ предстала громадная зала съ блестящимъ каменнымъ, гладкимъ, какъ стекло, поломъ.

— Ура! Какъ здѣсь славно, вотъ такъ искусственный катокъ!—закричали всѣ.

— Это что! Поглядите, что у меня еще тутъ припасено! — сказалъ самодовольно Скокъ.—Вѣдь на каменномъ каткѣ нужны коньки на колесахъ.—И крошка показалъ изумленной толпѣ цѣлый ящикъ съ крошечными-прекрошечными коньками.

Въ одинъ мигъ прикрѣпили себѣ коньки и пошла потѣха...

— Съ красными колесиками мнѣ, мнѣ!— закричалъ Мурзилка, успѣвшій уже разгля-

дѣть одну выкрашенную пару коньковъ на колесикахъ.

— Тебѣ, тебѣ! — засмѣялся Скокъ, — а то кому-же?

Въ одинъ мигъ всѣ прикрѣпили себѣ коньки — и пошла потѣха. Такого веселья малютки уже давно не имѣли.

Личики у маленькихъ конькобѣжцевъ раскраснѣлись, глазки разгорѣлись, а шутки и смѣхъ такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ.

Какихъ только фокусовъ не выдумывали конькобѣжцы; то они ухватятся другъ дружкѣ за фалдочки и катятся длинной цѣпью по катку, то обрываютъ цѣпь и налетаютъ другъ на друга, при чемъ опрокидываютъ зазѣвавшихся, къ большому удовольствію остальныхъ.

Мурзилка, конечно, по обыкновенію, старался убѣдить товарищей, что лучше его никто не умѣетъ бѣгать на конькахъ.

— Посмотрите, какъ ловко я

пробѣгу на одной ногѣ, — обратился онъ громко къ остальнымъ крошкамъ. —Вотъ посмотрите: разъ, два, три...

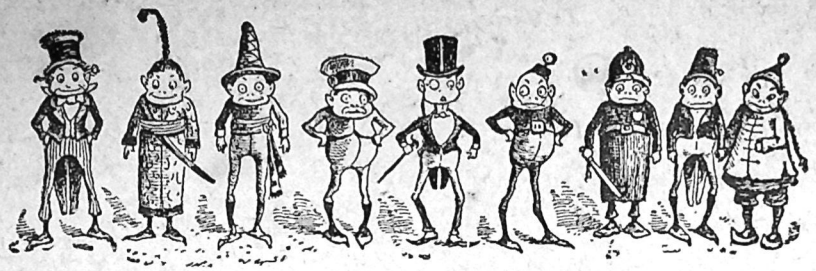
Не успѣлъ онъ досказать «три», какъ растянулся всей персоной на полу.

— Ха, ха, ха! Вотъ такъ ловко!— захохотали всѣ.

— Смѣяться нечего,—сердито замѣтилъ Мурзилка. — Это я такъ, нечаянно. Это со всякимъ можетъ случиться.

Онъ поднялся съ полу и, прихрамывая, подошелъ къ скамейкѣ. У него, какъ видно, сразу прошла охота кататься на конькахъ съ колесиками.

Познакомившись хорошенько съ городомъ, лѣсные человѣчки рѣшили ѣхать дальше, чтобы увидѣть новыхъ людей и новые города.

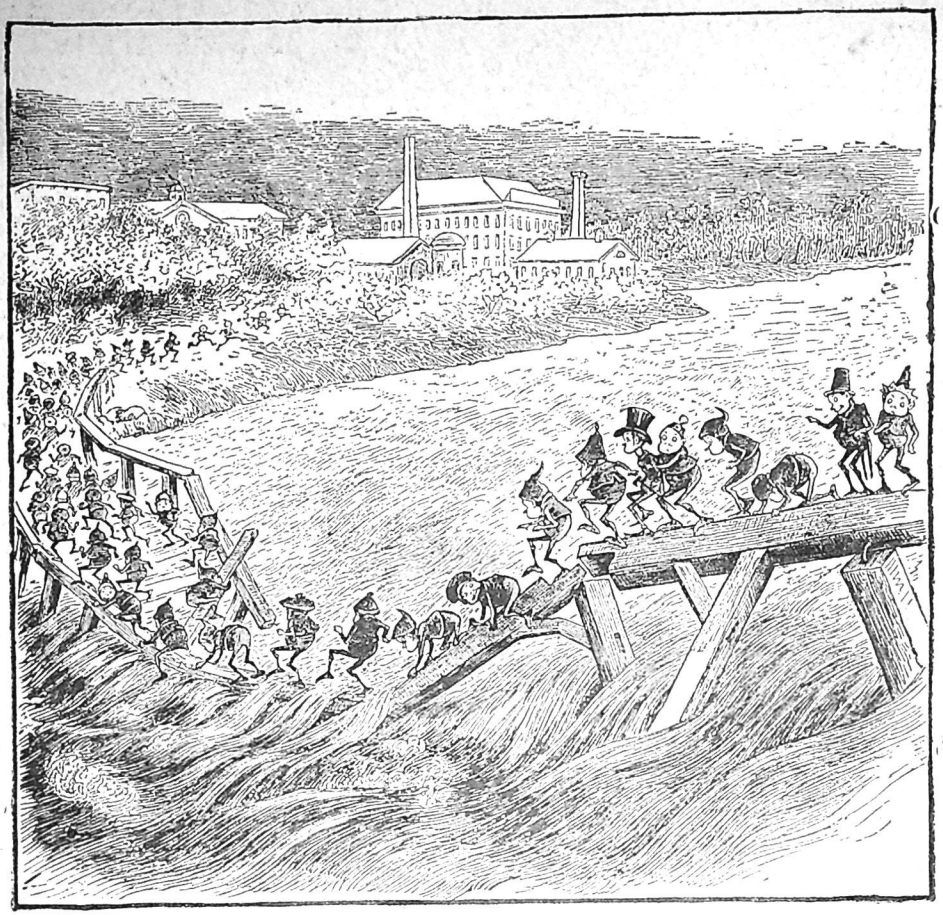

РАЗСКАЗЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Какъ эльфы въ сапожкахъ-мокроступахъ отправились въ Голландію и что они тамъ увидали.

БРАТЦЫ! куда мы теперь направимся?—спросилъ Заячья-Губа.—Англія окружена со всѣхъ сторонъ водою, такъ что сухимъ путемъ мы отсюда не можемъ перебраться. Хотите вернуться домой опять черезъ каналъ Па-де-Кале и Францію или черезъ другое приморское государство, напримѣръ, черезъ Голландію?

— Конечно, черезъ Голландію! Мы вѣдь были уже во Франціи,—отвѣтили крошки.

Всѣ пустились черезъ мостки...

— Ну, такъ за дѣло! — скомандовалъ Заячья-Губа, подавая всѣмъ сапожки-мокроступки.

Шлепъ, шлепъ, шлепъ... и зашлепали по водѣ крошечныя ножки.

— Ай, я вижу мостъ! — закричалъ Пучеглазка.

— Это не мостъ, это деревянная ограда, ослабляющая напоръ воды,—отвѣтилъ докторъ Мазь-Перемазь.

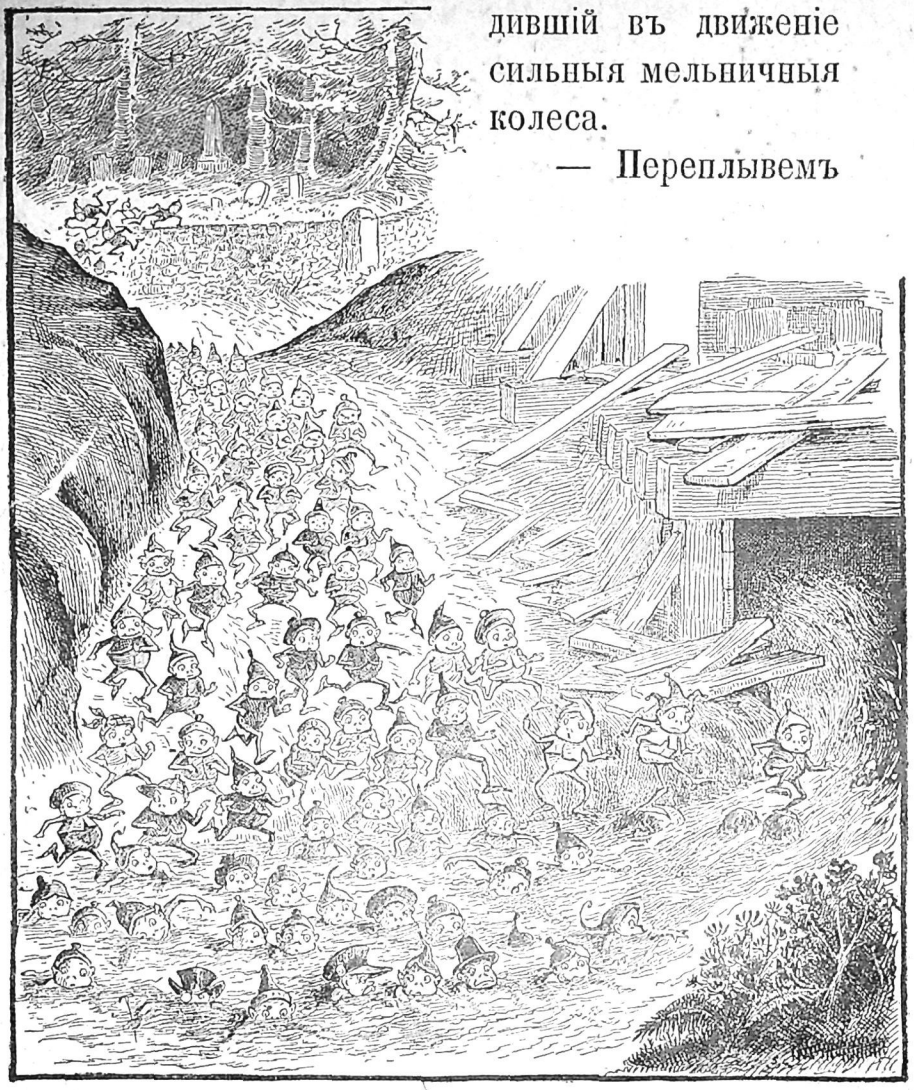
И онъ сталъ объяснять, что Голландія образовалась изъ наносныхъ песковъ и илу, что жителямъ приходится постоянно воевать съ моремъ, чтобы оно не затопило землю.

Хотя разсказъ доктора былъ очень интересенъ, его никто не слушалъ; всѣ, какъ угорѣлые, пустились черезъ ограду къ водѣ, а затѣмъ черезъ мостки, по пескамъ, прямо къ видиѣвшемуся вдали городу. Не обошлось при этомъ безъ приключеній: ограда сломалась, и малютки чуть не упали въ воду. Но, въ концѣ-концовъ, они благополучно добрались до берега.

Вдругъ вся толпа остановилась; передъ ними съ шумомъ протекалъ ручей, приво-

дившій въ движеніе сильныя мельничныя колеса.

— Переплывемъ

«Ахъ, братцы, спасите, я тону!...»

черезъ ручей! — предложилъ докторъ Мазь-Перемазь.

— Переплывемъ! Переплывемъ! Гайда, скорѣе! — отвѣтили крошки и бросились вплавь.

— Мазь-Перемазь, дай мнѣ одну руку, а ты, Заячья-Губа, другую! — кричалъ Знайка.—Вотъ такъ мы, держась за руки, и пройдемъ.

— Ай, братцы, спасите, я тону! караулъ!... — закричалъ Мурзилка, захлебываясь.

— Не потонешь! Вода не глубока, — смѣясь, отвѣтилъ рядомъ плывшій съ нимъ Незнайка.

— А ты почемъ знаешь?—оберпулся къ нему Пустая-Голова.

— Ну, полно, не ссорьтесь! — вмѣшались другіе.—Вотъ ужь и городъ виднѣется.

Выскочивъ на берегъ, эльфы пообсушились и пустились дальше въ путь.

Вскорѣ передъ ними показался большой

портовый городъ, откуда корабли отправлялись во всѣ страны свѣта. Одни пріѣзжали, другіе уѣзжали. Малютки узнали на набережной негровъ изъ Африки, индѣйцевъ изъ Индіи; даже одна знакомая ласточка, съ которой они прилетѣли въ Европу, попалась имъ навстрѣчу. Эльфы долго сновали по городу, прислушиваясь къ чужому языку и присматриваясь къ новымъ людямъ.

— Я не хочу здѣсь больше оставаться. Что тутъ интереснаго? Пойдемте поскорѣе въ голландскій городъ Амстердамъ. Тамъ Петръ Великій обучался корабельному дѣлу, я хочу посмотрѣть на этотъ городъ, а здѣсь что намъ дѣлать?—капризничалъ Мурзилка, которому все скоро надоѣдало.

— Погоди! — отвѣтили ему братья. — Осмотримъ хорошенько все здѣсь, тогда и пойдемъ въ Амстердамъ.

Мурзилка что-то заворчалъ и до самаго выхода изъ города ни съ кѣмъ не заговаривалъ.

На другое утро малютки умылись росой, напились изъ чашечекъ тюльпановъ сладкаго цвѣточнаго нектара и, на утренней зарѣ, отправились дальше

Къ полудню рѣшили они сдѣлать отдыхъ и выбрали для этой цѣли тѣнистый берегъ быстрой рѣчки.

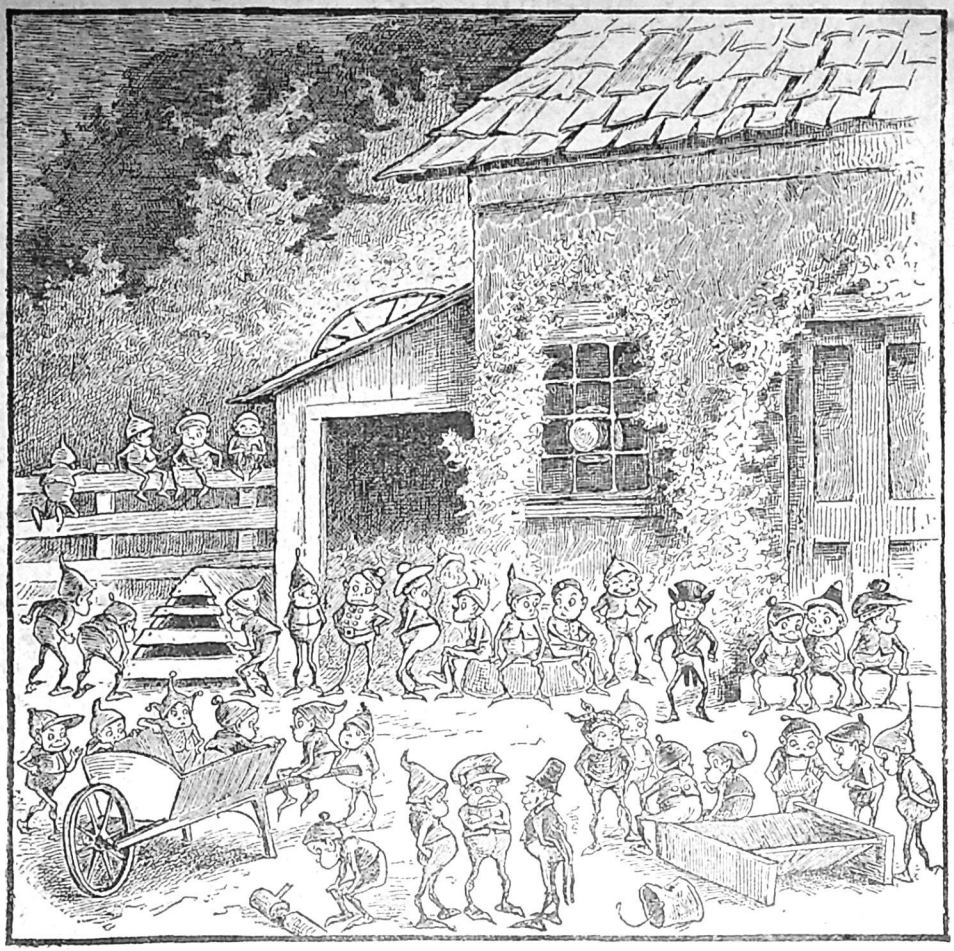
— Господа! тутъ недалеко стоитъ мельница: не пойти-ли намъ туда? — спросилъ докторъ Мазь-Перемазь.

— Съ удовольствіемъ! — встрепенулись братья.

— Ахъ, я буду мельникомъ!—воскликнулъ Чумилка-Вѣдунъ и обвязалъ голову краснымъ клѣтчатымъ платочкомъ.

— Эй! да тутъ что-то не ладно!—воскликнули человѣчки, входя на дворъ. — Теперь самая рабочая пора, а мельница стоитъ безъ движенія. Живъ-ли хозяинъ?

— Братцы!—какъ-бы въ отвѣтъ закричалъ Чумилка:—я только-что былъ въ домикѣ у мельника; ахъ, братцы, бѣдняжка лежитъ при смерти больной, жена и дѣти

Эльфы стали совѣщаться, какъ помочь бѣдняку..

плачутъ: зерна привезли много, а работать некому.

— Неужели?! — перебили его эльфы и

стали совѣщаться, нельзя-ли помочь бѣдняку.

— Какъ ты смѣлъ взять мой красный платокъ? Я хотѣлъ изъ него сшить себѣ турецкій халатъ!—сорвался вдругъ Мурзилка съ мѣста, бросаясь съ стоявшему Чумилкѣ.

— Ха, ха, ха!—разсмѣялись братья.— Вотъ пустая голова! Тутъ думаешь, какъ-бы человѣку помочь, а онъ съ чѣмъ лѣзетъ! Фуй, какъ тебѣ не стыдно!

Сконфуженный Мурзилка поскорѣе ушелъ, а малютки принялись думать, чѣмъ-бы помочь горю.

— Мазь-Перемазь, ты отличный докторъ! ты травами умѣешь всѣхъ лѣчить, вылѣчика мельника; а ты, Знайка, поди разузнай, бѣденъ-ли онъ и въ чемъ вся семья нуждается.—Такъ говорилъ Заячья-Губа.

Докторъ Мазь-Перемазь, довольный своею ролью, побѣжалъ въ лѣсъ, набралъ цѣлебныхъ травъ и невидимкою прошелъ въ домъ. Въ то время, когда вся семья спала, онъ примѣшалъ къ питью больного свои лѣкарства,

отъ которыхъ тотъ долженъ былъ сразу выздоровѣть.

На мельницѣ-же шла между тѣмъ возня и суетня.

Работа кипѣла въ рукахъ у человѣчковъ, которые взялись въ одну ночь перемолоть все зерно, чтобы мельникъ могъ сейчасъ-же, какъ поправится, поѣхать продавать смолотую муку.

Ночью, когда мельникъ просыпался, онъ пилъ приготовленное крошечнымъ докторомъ питье, не подозрѣвая, какая сила таится въ немъ.

На утро онъ проснулся бодрымъ и здоровымъ, какъ-будто никогда и не хворалъ.

— Господи Боже мой!—удивлялся онъ.—Вчера вечеромъ мнѣ было такъ худо, что я ожидалъ смерти, а сегодня я всталъ совершенно здоровымъ. Просто вѣрить не хочется...

Онъ надѣлъ кафтанъ и пошелъ на мельницу. Съ тоской подходилъ онъ къ ней.

Больше четырехъ мѣсяцевъ не былъ онъ здѣсь.

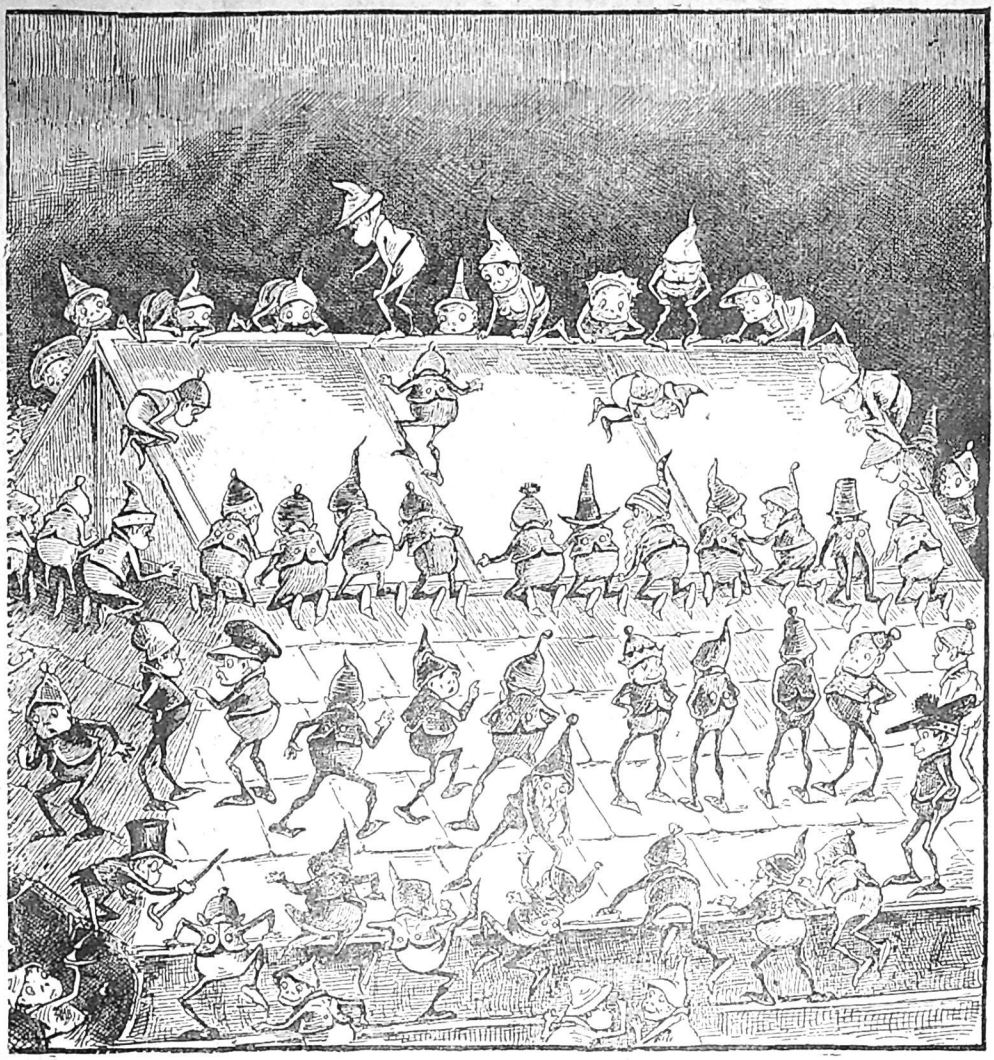
— Вѣрно зерно ужь сгнило, и мельница развалилась. Передъ моей болѣзнью вся крыша просвѣчивала, — говорилъ онъ про себя.

Но каково было удивленіе мельника, когда онъ увидѣлъ починенную крышу, исправленныя крылья и мелко-премелко смолотую муку въ стоящихъ правильными рядами мѣшкахъ.

Отъ удивленія мельникъ сталъ посреди мельницы съ разинутымъ ртомъ.

— Съ нами крестная сила! — проговорилъ бѣдняга, оглядывая счастливыми глазами работу лѣсныхъ человѣчковъ. А тѣ лежали на крышѣ и, заглядывая черезъ щели, радовались чужому счастью.

— Ну, полно! — крикнулъ свалившійся съ крыши Мурзилка, — нашли на что смотрѣть! Я себѣ весь фракъ на этой противной крышѣ разорвалъ; пойдемте скорѣе отсюда, а то я совсѣмъ безъ фрака останусь!...

Человѣчки лежали на крышѣ и радовались чужому счастью...

— Сдѣлай милость, не жалуйся, Мурзилка! — сказалъ Шиворотъ-Навыворотъ.

— Ай, ай, ай!—раздалось въ этотъ моментъ.

Вертушка, Быструнъ и Мишка полетѣли съ крыши прямо въ шумящій ручей.

— Ну, что! говорилъ я вамъ, что надо уходить, такъ нѣтъ, не слушаются,

Они благополучно добрались до берега...

вотъ и выкупались, — радовался Мурзилка, глядя на братьевъ.

— Что за бѣда!—говорили, вылѣзая изъ воды, Вертушка, Быструнъ и Мишка: — въ другой разъ не будемъ зѣвать, а что выкупались, такъ это не бѣда... —И они благополучно добрались по бревну до берега.

— Мурзилка, ты опять полѣзъ ссориться! Что ты за озорникъ! — обратился къ нему

Заячья-Губа. — Мы хотимъ теперь совѣтъ держать, а ты сердишься изъ-за пустяковъ.

— Какой совѣтъ?—встрепенулся Мурзилка, легко переходящій отъ ворчливаго тона въ дружелюбный.

— А куда-бы отправиться намъ изъ Голландіи? Мазь-Перемазь совѣтуетъ отправиться на югъ, черезъ Бельгію, а Читайка говоритъ, что лучше пойти на сѣверъ и черезъ Данію, Норвегію и Швецію вернуться домой,—отвѣтилъ Заячья-Губа.

— Гм, гм! — покачалъ Мурзилка головой: — я тоже думаю, что черезъ Бельгію; тамъ, говорятъ, выдѣлываютъ лучшія въ мірѣ кружева: можетъ быть, я что-нибудь найду для своего костюма, напримѣръ, старинныя жабо....

— Ха, ха, ха!—раздался вокругъ него хохотъ эльфовъ; но Мурзилка на этотъ разъ не разсердился: онъ видѣлъ, что его желаніе будетъ исполнено.

РАЗСКАЗЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

Какъ маленькіе эльфы нашли прялку, веретено и рогульки и принялись за пряжу нитокъ.

КРОШКИ опять надѣли сапожки-скороходы, шапочки-невидимки, и пустились въ путь. Къ вечеру они уже подходили къ главному городу Бельгіи—Брюсселю. Тутъ, какъ и въ Голландіи, ихъ поразили чистота и порядокъ улицъ, масса садовъ и цвѣтовъ, преимущественно тюльпановъ, украшающихъ дома съ блестящими на солнцѣ, чисто вымытыми стеклами. Бельгійскія женщины, какъ и голландки, носили на головахъ громадные чепцы съ бантами.

Эльфы бѣгали по всѣмъ закоулкамъ, забирались въ дома и магазины; наконецъ, они остановились для почлега въ одномъ загородномъ саду.

— Господа, — сообщилъ шопотомъ Чумилка-Вѣдунъ,—я сейчасъ глядѣлъ въ щелочку забора и видѣлъ на другомъ дворѣ какую-то удивительную штуку,—не посмотрѣть-ли намъ, что это такое?

— Еще-бы! конечно!—отвѣтили всѣ.

Былъ лунный, свѣтлый вечеръ; влажная трава благоухала; въ тихомъ, темномъ небѣ сверкали яркія звѣзды... Эльфы умылись росой и, освѣжившись, перелѣзли одинъ за другимъ черезъ заборъ, чтобы познакомиться съ удивительнымъ открытіемъ Чумилки.

На дворѣ лежали сломанныя прялка, веретено и рогульки, которыми держатъ мотки во время наматыванія клубковъ.

— Фу, какое старье! — протянулъ презрительно Мурзилка.

— Что-же такое! Мы старье починимъ, — отвѣтилъ Дѣдко-Бородачъ.

— Да, да, починимъ, починимъ,—заскакали крошки.

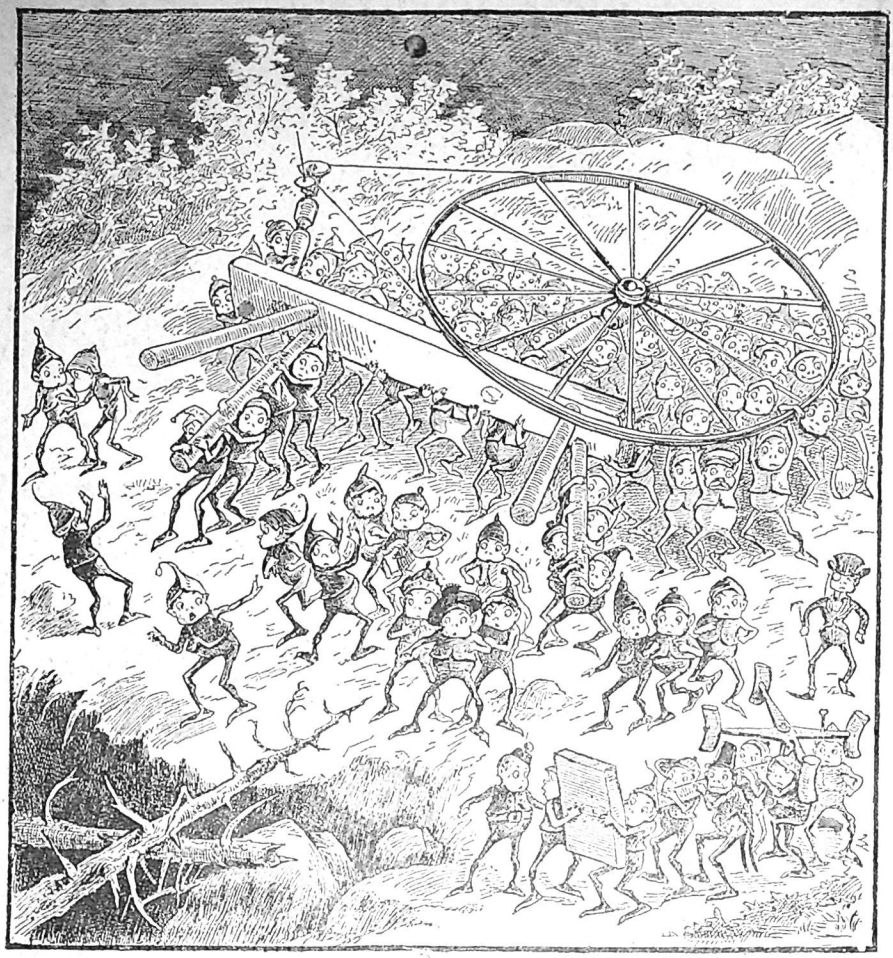
— Но здѣсь неудобно производить работу, — сказалъ Заячья-Губа. — Лучше перенесемъ всѣ предметы подальше, гдѣ никто намъ не помѣшаетъ.

Вмѣсто отвѣта, сотни ручекъ ухватились за сломанные предметы и съ трудомъ потащили ихъ.

— Ахъ, тяжело, не по силамъ!—стоналъ Мурзилка, бѣгая взадъ и впередъ и не дотрагиваясь ни до чего.

Вдругъ тяжелое колесо наклонилось на бокъ и, если бы эльфы не обладали волшебной силой, то оно, безъ сомнѣнія, убило-бы многихъ. Малютки всѣ бросились на помощь и послѣ долгихъ усилій имъ удалось, наконецъ, поставить все въ запущенный уголъ парка, около рѣчки, куда никто изъ жильцовъ дома никогда не заглядывалъ.

Вплоть до утра проработали человѣчки надъ обломками; за то какъ обрадовались

Сотни ручекъ ухватились за сломанные предметы и съ трудомъ потащили ихъ...

они, когда сломанные, никуда уже не-годные предметы обратились въ ихъ ру-

кахъ въ совсѣмъ новые, пригодные для работы.

— Ну, что-же мы будемъ теперь дѣлать?—спрашивали они другъ друга.

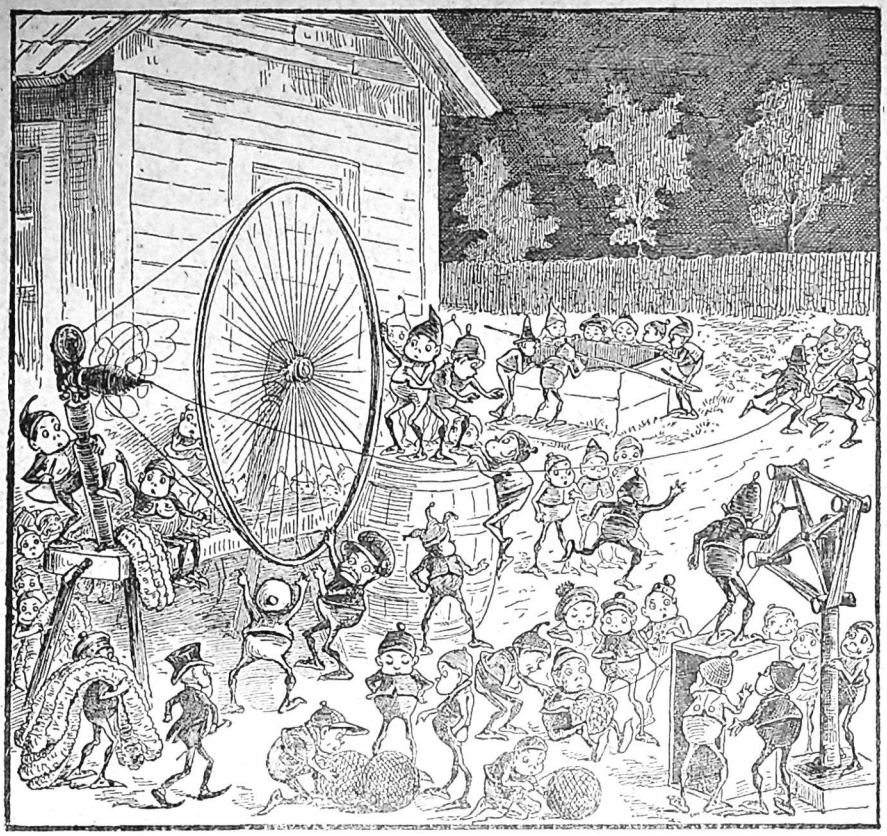
— Ахъ, придумалъ! — воскликнулъ Чумилка: — я видѣлъ много хлопка, знаете — того самаго, который растетъ въ Индіи на поляхъ. Его ужь вымыли, высушили, растрепали — и онъ лежитъ совсѣмъ готовый для пряжи. Не взять-ли его и не напрясть-ли изъ него нитокъ?

— Куда тебѣ нитки? — спросилъ недовольный Мурзилка.

— Какъ куда? Напрядемъ нитокъ и соткемъ кусокъ коленкору или платковъ носовыхъ. Мало-ли что изъ хлопка дѣлаютъ!— отвѣтилъ Чумилка и съ нѣсколькими малютками бросился въ сарай, гдѣ лежалъ хлопокъ.

И закипѣла веселая работа у маленькихъ эльфовъ!

Знайка съ Незнайкой вертѣли веретено, докторъ Мазь-Перемазь таскалъ нитку, Чи-

Закипѣла веселая работа у маленькихъ эльфовъ...

тайка наматывалъ клубки, Скокъ и Мишка принимали, остальные помогали, кто чѣмъ могъ, весело хихикая въ-тактъ жужжавшему веретену.

А Мурзилка, — одѣтый по послѣдней модѣ, въ коротенькомъ фракѣ, полосатыхъ штанишкахъ, въ низенькомъ, новомодномъ цилиндрѣ, съ кружевнымъ платочкомъ, вмѣсто своего краснаго, — бѣгалъ и суетился между братьями, точно дѣло дѣлалъ.

Когда вся пряжа была готова, малютки съ пѣснями перенесли ее въ сарай, заперли двери и, распростившись съ цвѣточными чашечками, которыя пріютили ихъ на ночь, пустились въ путь, переходя изъ одного города въ другой, пока не пришли опять къ границѣ.

— Господа! намъ теперь нужно попасть въ Австрію. Какъ вы хотите: пѣшкомъ туда идти, или опять перелетѣть на птицахъ?— обратился въ одно утро Заячья-Губа къ остальнымъ.

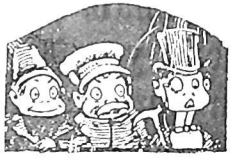
— Нѣтъ, лучше идти, лучше идти пѣшкомъ!—отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ.

— Путь далекій; мы находимся на югѣ, и намъ нужно пройти черезъ Германію,

гдѣ мы уже разъ были, помните?—продолжалъ онъ.

— Да, но тогда мы въ Германіи ничего не видали, — отвѣтилъ Читайка, — а я бы очень хотѣлъ посѣтить какого-нибудь ученаго.

— Можемъ остаться тамъ подольше, тѣмъ болѣе, что Мурзилка хотѣлъ себѣ заказать въ Берлинѣ новый костюмъ, — сказалъ Заячья-Губа.

РАЗСКАЗЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

Какъ Мурзилка очутился въ квартирѣ зубного врача, какъ ему вырывали зубъ, какъ эльфы-малютки попали въ лабораторію и какіе они тамъ дѣлали опыты

УЖЕ много, много дней живутъ человѣчки въ Берлинѣ, столицѣ Германіи. Они тамъ прекрасно устроились, въ особенности Мурзилка и Читайка. Первый обѣгалъ всѣ магазины, второй забирался каждый день къ какому-нибудь нѣмецкому ученому, гдѣ онъ съ наслажденіемъ пересматривалъ старинныя книги.

Однажды Читайка, Шиворотъ-Навыворотъ, Китаецъ и Мурзилка отправились вмѣстѣ гулять; проходя мимо одного дома,

они услышали душу раздирающіе крики, которые раздавались въ немъ.

Малютки боязливо заглянули въ дверь...

— Ахъ, что тамъ такое? — испугались малютки и боязливо заглянули въ дверь.

У Мурзилки подкосились ноги отъ ужаса.

— Э-э! да здѣсь живетъ зубной врачъ, — сказалъ Читайка, который успѣлъ шмыгнуть въ дверь и сейчасъ же выбѣжалъ обратно: — онъ кому-то выдергиваетъ зубъ... Глядите-ка! — обратился онъ къ братьямъ: — на окошкѣ сидятъ докторъ Мазь-Перемазь и Алхимикъ, зачѣмъ это они сюда забрались?

Услышавъ, что тамъ свои, слѣдовательно

опасности нѣтъ, Мурзилка пересталъ трусить и, съ обычной своей дерзостью, началъ насмѣхаться надъ другими.

— Чего этотъ человѣкъ кричитъ? какъ это глупо такъ орать! Я увѣренъ, что онъ притворяется, ему совсѣмъ не больно, — говорилъ онъ доктору Мазь-Перемазь, внимательно наблюдавшему за операціей.

— Хотѣлъ-бы я видѣть, какъ ты закричишь, когда-бы у тебя вздумали вырвать зубъ! — замѣтилъ Мурзилкѣ докторъ Мазь-Перемазь.

— Даже не пикну, вотъ увидишь! — отвѣтилъ тотъ.

— Ну, посмотримъ, — сказалъ докторъ Мазь-Перемазь и мигнулъ Алхимику, который занимался составленіемъ различныхъ лѣкарствъ.

Мурзилка поблѣднѣлъ, какъ полотно, но все-таки сѣлъ на подвинутую ему скамейку.

— Держи меня только, Алхимушка, покрѣпче, а то я упаду! — сказалъ онъ измѣнившимся голосомъ, стуча зубами. — А ты,

Мазь-Перемазь, не сразу тащи; ты, пожалуй, на зло сдѣлаешь больно! — кричалъ онъ доктору.

Но едва тотъ появился съ щипцами, какъ Мурзилка вытянулся во весь ростъ, закричалъ не своимъ голосомъ, и, быстро вскочивъ на ноги, опрокинулъ державшаго его Алхимика и подбѣжавшаго доктора и выбѣжалъ на улицу.

— Вотъ-то трусъ!—говорили братья,— его хотѣли только напугать, а онъ чуть отъ страха съ ума не сошелъ...

Въ тотъ-же вечеръ, когда эльфы собрались всѣ вмѣстѣ, чтобы подѣлиться впечатлѣніями дня, Китаецъ разсказалъ про Мурзилкино приключеніе у зубного врача.

— Вотъ вы все смѣетесь, — перебилъ разсказчика Мурзилка, не желая, чтобы всѣ знали эту исторію,—а между тѣмъ, въ то время, какъ вы только попусту бѣгаете,

я каждый день открываю что-нибудь новое и занимаюсь серьезно наукой.

— Что, что! ты занимаешься наукой! вотъ вѣдь тоже выдумалъ! — раздались насмѣшливые голоса.

— Развѣ нѣтъ? — и Мурзилка кинулъ гнѣвный взглядъ на доктора. — Вотъ какое открытіе: я пошелъ бродить по городу и набрелъ на замѣчательную лабораторію, т.-е. такое учрежденіе, гдѣ производятся всевозможные опыты, при помощи особыхъ приспособленій. О, если бы вы знали, сколько я видѣлъ тамъ интереснаго. Хотите, я васъ туда сведу?

— Ахъ, отправимтесь всѣ туда! — сказалъ Знайка.

— Да, да, отправимся въ лабораторію,— подхватили остальные.

Лѣсные человѣчки живо поднялись съ травы и побѣжали за Мурзилкой, который долженъ былъ показывать дорогу.

Важно и чинно шелъ онъ впереди и, остановившись передъ большимъ зданіемъ, гордо произнесъ:—Здѣсь.

Въ мигъ лѣсные человѣчки разбрелись по всѣмъ угламъ залы, разглядывая загадочные инструменты и снаряды.

На столѣ стоялъ микроскопъ, т.-е. инструментъ для разсматриванія самыхъ малыхъ предметовъ, которые представляются въ увеличенномъ видѣ.

— Ай, глядите!—кричалъ не своимъ голосомъ Мишка, разсматривая въ микроскопъ крошечную букашку. Быструнъ тоже заглянулъ туда и отъ удивленія даже присѣлъ на корточки. Букашка показалась ему больше человѣка.

Въ другомъ углу Дѣдко-Бородачъ держалъ зеленую лягушку, которую Тимка разглядывалъ въ лупу, т.-е. увеличительное стекло.

Китаецъ, умѣвшій хорошо рисовать,

обрадовался, увидавъ, что въ лабораторіи имѣются разныя краски, и сталъ ихъ смѣшивать, а Знайка усердно толочь ихъ въ ступкѣ.

Незнайка и Вертушка принялись подогрѣвать на спирту какую-то жидкость.

Рядомъ-же возился Читайка съ какой-то ретортой (стеклянный сосудъ, употребляемый для химическихъ опытовъ). Увидя это, Дѣдко-Бородачъ выпустилъ лягушку и подбѣжалъ къ Читайкѣ, не заботясь о томъ, что испуганная лягушка металась и скакала, какъ угорѣлая.

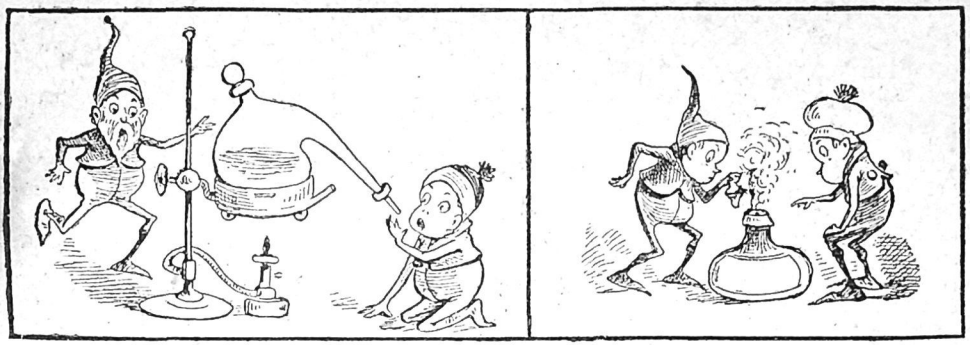
— Ай, страшно! ай, помогите! бѣгите сюда! — раздался вдругъ пронзительный голосъ.

Братья въ страхѣ переглянулись и бросились бѣжать туда, откуда неслись отчаянные вопли.

Что-же оказалось? Пока эльфы занима-

лись физическими и химическими опытами, Мурзилка забрался въ анатомическій кабинетъ, гдѣ стояли скелеты и висѣли картины, изображавшія разрѣзанныя части человѣче-

скаго тѣла, при видѣ которыхъ Мурзилка, по обыкновенію, струсилъ.

Крошкамъ впервые пришлось видѣть такія картины, но докторъ Мазь-Перемазь, изучавшій, конечно, на своемъ вѣку анатомію, и Чумилка-Вѣдунъ, знавшій все отлично,—принялись обучать братьевъ.

— Вотъ видите эту голову, которая нарисована здѣсь на доскѣ, — объяснялъ Чумилка.—На ней показано, изъ сколькихъ частей состоитъ голова человѣка...

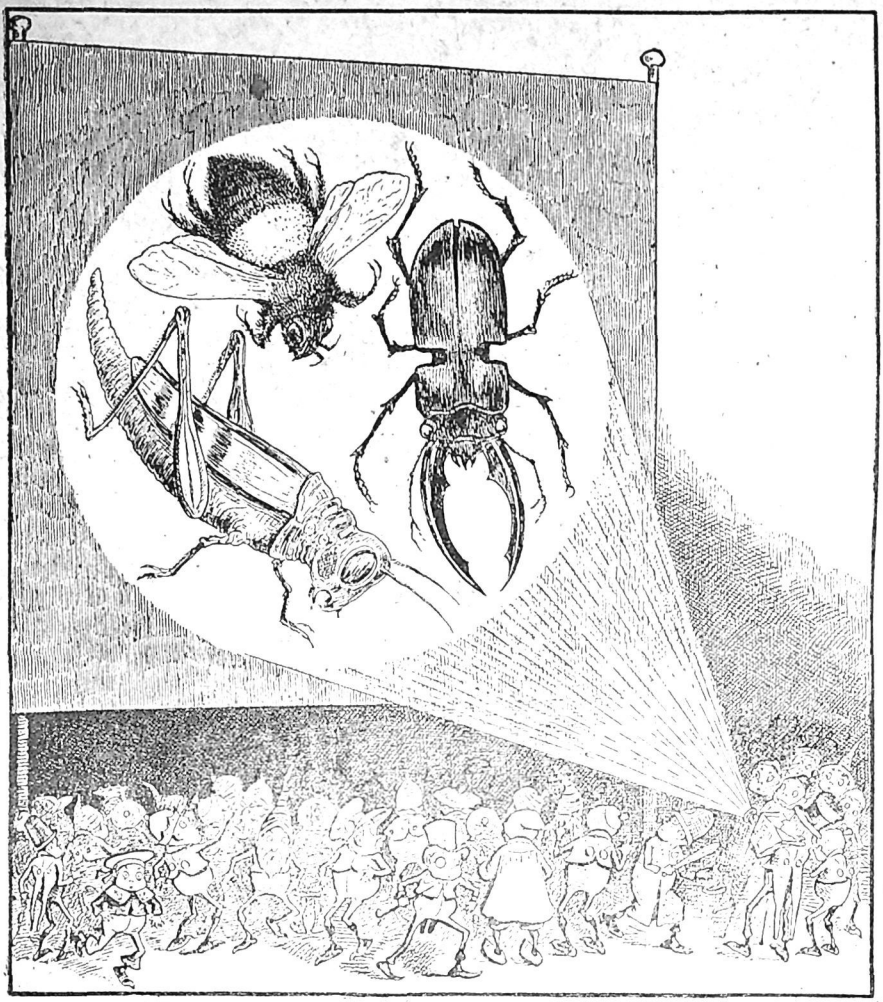

Мазь-Перемазь и Чумилка-Вѣдунъ принялись обучать братьевъ...

— А тамъ что за темная комната?— перебилъ вдругъ трусишка Мурзилка.

Докторъ Мазь-Перемазь улыбнулся и ничего не отвѣтилъ. Онъ уже давно разглядѣлъ въ этой комнатѣ волшебный фонарь и бѣлый экранъ, на которомъ наводятъ картины.

Не говоря ни слова, онъ прошелъ въ эту комнату, незамѣтно вставилъ въ вол-

На бѣломъ экранѣ получилось увеличенное изображеніе...

шебный фонарь пластинку съ нарисованными мухой, саранчей и жукомъ, зажегъ крошечную лампочку—и на бѣломъ экранѣ тотчасъ получилось увеличенное во много разъ изображеніе этихъ насѣкомыхъ. Трудно описать ужасъ всей компаніи. Маленькіе зрители опрометью пустились вонъ изъ залы. Болѣе благоразумные вскорѣ вернулись и, узнавши, въ чемъ дѣло, хохотали до слезъ надъ своимъ страхомъ.

Мало-по-малу вернулись всѣ, — одинъ Мурзилка не рѣшался войти въ залу, несмотря ни на какія увѣщанія.

РАЗСКАЗЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Какъ эльфы пріѣхали въ Вѣну, какъ они побывали въ зоологическомъ саду, какъ Мурзилка разсердилъ льва и какъ другіе дикіе звѣри разсердились на малютокъ.

НАДѢЛАВЪ страшный безпорядокъ и натѣшившись вдоволь, малютки-эльфы отправились почевать въ садъ. Но раньше, чѣмъ ложиться, они упаковали всѣ свои вещи, такъ какъ съ разсвѣтомъ хотѣли оставить Берлинъ, чтобы продолжать путь.

Они размѣстились на первомъ утреннемъ поѣздѣ, отправляющемся изъ Берлина въ Вѣну. Съ этимъ поѣздомъ ѣхало не много народу, и эльфы могли свободно располо-

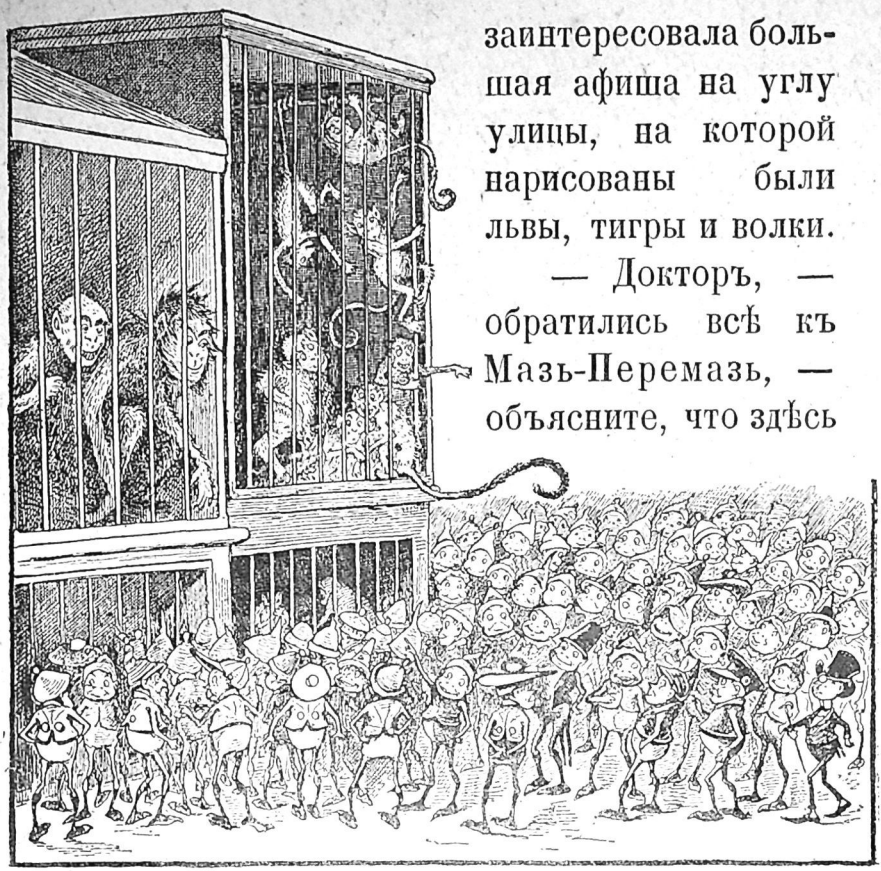
житься въ вагонахъ перваго класса. Мурзилка выбралъ для себя мѣсто какъ-разъ противъ зеркала, которое висѣло на стѣнѣ вагона. Ему хотѣлось всю дорогу любоваться своей персоной, несмотря на то, что остальные эльфы смѣялись надъ этимъ и шутили.

Безъ всякихъ приключеній доѣхали эльфы до города Вѣны, столицы Австріи, и прямо съ вокзала отправились осматривать достопримѣчательности города.

Вѣна—красивый городъ, въ немъ много роскошныхъ домовъ, дворцовъ и большихъ магазиновъ. Малюткамъ Вѣна очень понравилась, въ особенности Мурзилкѣ, который пришелъ въ неописанный восторгъ отъ всего видѣннаго.

— Ахъ, какіе магазины, какіе дома, что за роскошь! Здѣсь еще лучше одѣваются, чѣмъ въ Парижѣ!—восклицалъ онъ, поминутно останавливаясь.

Но восторги Мурзилки нисколько не интересовали братьевъ, за то ихъ сильно

заинтересовала большая афиша на углу улицы, на которой нарисованы были львы, тигры и волки.

— Докторъ, — обратились всѣ къ Мазь-Перемазь, — объясните, что здѣсь

Эльфы пробрались въ павильонъ, гдѣ сидѣли обезьяны...

напечатано на этой афишѣ.

Докторъ объяснилъ, что въ афишѣ сказано, что въ этотъ день въ зоологическомъ

саду будутъ показывать только-что привезенныхъ изъ Африки дикихъ животныхъ,— и предложилъ братьямъ отправиться въ садъ. Они, конечно, согласились.

Мурзилка тоже побѣжалъ за всѣми, хотя въ дорогѣ то-и-дѣло ссорился и ворчалъ, что гораздо интереснѣе было-бы идти по главнымъ улицамъ, гдѣ можно видѣть хорошія платья. По мнѣнію Мурзилки, красивое платье интереснѣе дикихъ звѣрей. Недаромъ-же его прозвали «Пустой-Головой».

Пришли малютки къ зоологическому саду позднимъ вечеромъ, когда посѣтителей уже не было, а звѣри всѣ сидѣли въ закрытыхъ павильонахъ.

Эльфы пробрались въ первый павильонъ, гдѣ сидѣли всевозможныя обезьяны.

— Ха, ха, ха! Вотъ такъ уроды! — покатывались крошки, глядя на ужимки послѣднихъ.

— Хи, хи, хи! — смѣялись въ свою очередь обезьяны, глядя на эльфовъ.

Натѣшившись вдоволь надъ обезьянами, малютки-эльфы перешли въ другое отдѣленіе зоологическаго сада, гдѣ помѣщались змѣи. Змѣи только-что поѣли и потому лежали безъ движенія; тѣмъ не менѣе многіе эльфы, въ

Эльфы принялись выдѣлывать со змѣями разныя штуки...

томъ числѣ Пучеглазка и Быструнъ, побоялись подходить близко къ нимъ.

— Нѣтъ, господа, какъ хотите, а мы ближе не пойдемъ.—говорили они.—Можетъ быть, эти змѣи ядовитыя, укуситъ которая-нибудь изъ нихъ и тогда—прощай жизнь.

Докторъ Мазь-Перемазь успокоилъ трусовъ, объяснивъ имъ, что когда змѣя только-что приметъ пищу, то она теряетъ ядовитость, и потому становится неопасной. Кромѣ того, онъ напомнилъ, что у него въ карманѣ фрака имѣется чудный цвѣтокъ, который дала ему фея; при помощи этого цвѣтка эльфы могутъ сдѣлаться невидимками, такъ что змѣи не въ состояніи имъ сдѣлать ничего худого.

Объясненіе это успокоило малютокъ. Они храбро направились не только въ отдѣленіе змѣй, но даже вошли въ стеклянную клѣтку, въ которой находились ядовитыя змѣи, и принялись выдѣлывать съ ними всевозможныя штуки.

Чего они только не дѣлали со змѣями!— то обвивались ими, то сгибали ихъ, то разгибали.

Быструнъ придумалъ даже обернуть змѣею, точно лентою, трехъ эльфовъ и смѣялся, глядя на стоявшихъ будто въ клѣткѣ братьевъ. Докторъ Мазь-Перемазь,

при помощи Дѣдки-Бородача, пытался устроить изъ другой змѣи какую-то очень замысловатую фигуру; словомъ, эльфы веселились искренно.

Мурзилка не принималъ участія въ общемъ весельѣ. Засунувъ руки въ карманы, онъ сталъ съ боку и смотрѣлъ, что́ дѣлаютъ другіе, но самъ боялся дотронуться до змѣй.

— Будетъ ужь вамъ возиться съ этими змѣями,—повторялъ онъ постоянно,—пойдемъ-же лучше отсюда прочь, на улицу, тамъ гораздо интереснѣе.

— Нѣтъ, Мурзилка, изъ сада мы такъ скоро еще не уйдемъ,—отвѣтилъ ему Дѣдко-Бородачъ.—Тутъ вотъ рядомъ помѣщаются черепахи, надо непремѣнно и на нихъ поглядѣть.

Не успѣлъ еще Дѣдко-Бородачъ договорить послѣднихъ словъ, какъ эльфы бросили змѣй и обступили его со всѣхъ сторонъ.

— Черепахи? Гдѣ черепахи? Веди насъ скорѣе къ нимъ.

— Пожалуйте, вотъ онѣ тутъ рядомъ.

Эльфы быстро выбѣжали въ другое отдѣленіе; Мурзилка, сдѣлавъ кислое лицо, послѣдовалъ за ними.

На полу сидѣла огромная черепаха.

— А, Черепаха Ивановна, здравствуй! — закричали малютки, карабкаясь къ ней на спину.

— Эй-же, ну! быстрѣе! такъ мы до утра не двинемся съ мѣста,—подгонялъ ее подбоченясь, Пучеглазка.

— Подождите, подождите! — закричалъ Мурзилка, думая, что черепаха побѣжитъ рысью и что ему не поспѣть за ними, — дайте мнѣ руку, я бы тоже хотѣлъ прокатиться на черепахѣ.

При дружной помощи эльфовъ, Мурзилка вскарабкался на спину черепахи, но та не двигалась съ мѣста.

— Ну, какая-же это забава,—замѣтилъ Мурзилка, — то-ли дѣло прокатиться на львѣ или тигрѣ!

— А вѣдь Мурзилка дѣло говоритъ,—

замѣтили другіе и гурьбой побѣжали къ хищнымъ звѣрямъ.

«Подождите!»—закричалъ Мурзилка...

Едва-только малютки-эльфы вошли въ то отдѣленіе, гдѣ помѣщались дикія животныя, какъ со всѣхъ сторонъ раздался страшный ревъ и крикъ, и звѣри, до того мирно спавшіе въ углахъ своихъ клѣтокъ, бросились впередъ и стали метаться.

Мурзилка, видя, что звѣри заперты въ крѣпкихъ желѣзныхъ клѣткахъ, началъ сейчасъ-же храбриться.

— Я—такъ совсѣмъ не боюсь ни львовъ, ни тигровъ, ни пантеръ,—говорилъ онъ.— Если-бы мнѣ дали въ руки хорошее ружье, я-бы согласился идти на охоту на этихъ звѣрей...

— Ну, Мурзилочка, этого ты не говори,—замѣтилъ ему смѣясь Чумилка.—Знаемъ мы, какой ты храбрецъ. Не до львовъ тебѣ: ты даже комаровъ и то боишься и бѣжишь отъ нихъ за сто верстъ...

Эльфы захохотали, Мурзилка-же отъ злости покраснѣлъ.

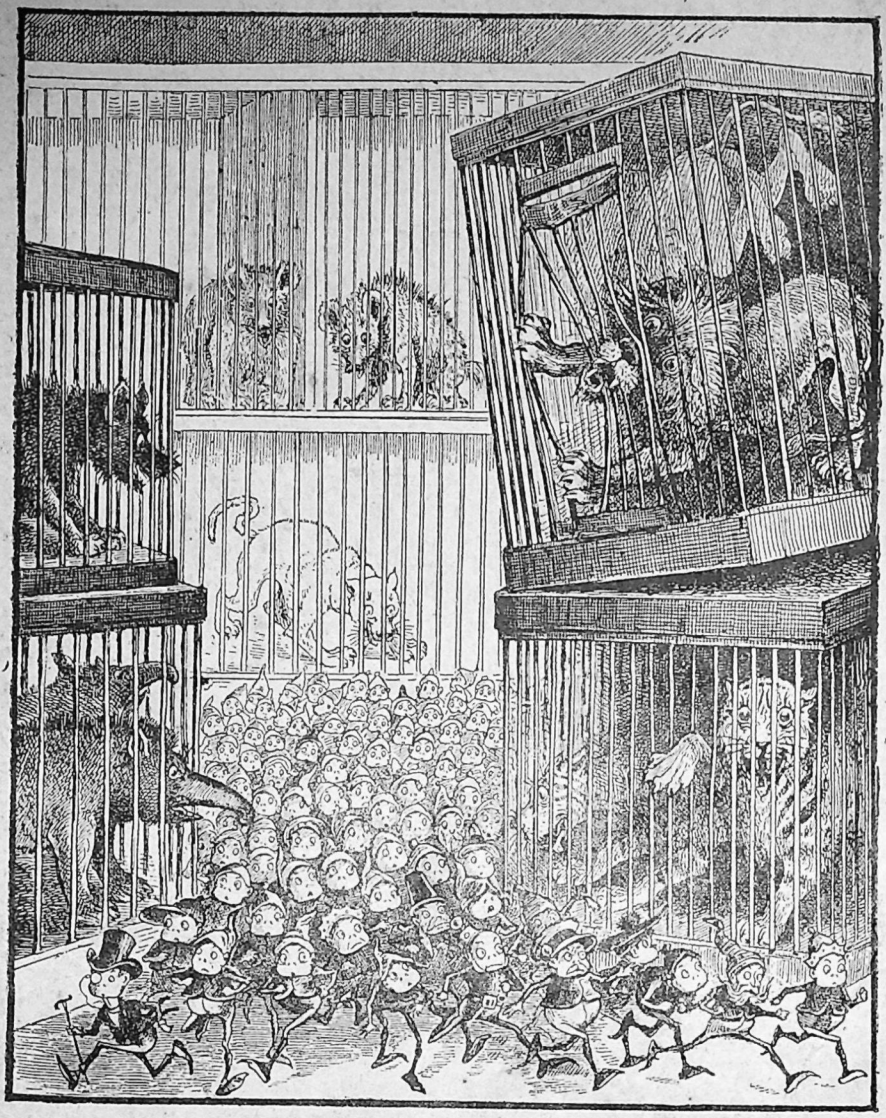
— Я боюсь? Я-то? Эхъ, вы сами-то всѣ трусы! — закричалъ онъ. — Вотъ смотрите, какъ я сейчасъ разсержу этого льва.

И, сказавъ это, Мурзилка подошелъ къ клѣткѣ и своею палкой сталъ дразнить льва, ударяя въ прутья клѣтки.

Левъ угрюмо шагалъ взадъ и впередъ, сначала мало обращая вниманія на Мурзилку, но вдругъ онъ разсердился и съ такой силой хватилъ лапой по желѣзнымъ прутьямъ клѣтки, что прутья согнулись, какъ тростинки.

Услышавъ ревъ льва, и всѣ другіе звѣри начали ревѣть и метаться по клѣткамъ.

Тигръ, широко разинувъ пасть, высу-

Малютки бросились бѣжать передъ клѣтками разъяренныхъ животныхъ...

нулъ сквозь прутья свою страшную лапу, желая схватить кого-нибудь изъ малютокъ; пантера, съ налитыми кровью глазами, стала бить головою объ клѣтку, какъ будто намѣреваясь выскочить на свободу.

Эльфы струсили не на шутку и такъ растерялись, что вмѣсто того, чтобы выйти вонъ изъ отдѣленія, бросились впередъ, какъ-разъ передъ клѣтками разъяренныхъ животныхъ.

Всему виноватъ былъ тутъ Мурзилка. Онъ первый бросился бѣжать, крикнувъ братьямъ:

— За мною, бѣгите за мною! Вотъ тутъ дорога! А то васъ львы пожрутъ!...

Эльфы пустились бѣжать вслѣдъ за Мурзилкой, толкая и давя другъ друга; пробѣжали мимо слоновъ, мартышекъ, попугаевъ, страусовъ, не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія, и успокоились лишь тогда, когда очутились далеко отъ зоологическаго сада.

РАЗСКАЗЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

Какъ эльфы-малютки собрались въ отъѣздъ, какъ они попали въ Варшаву, какъ они тамъ веселились и какъ Мурзилка нашелъ себѣ дворецъ.

ГОСПОДА! — сказалъ Заячья-Губа, — что вы думаете насчетъ отъѣзда? Вѣдь у насъ, поди, ужь и зима на дворѣ. Я совѣтую поторопиться, чтобы не попасть снѣжинкамъ на глаза: онѣ, пожалуй, засыплютъ насъ.

— Конечно, уѣдемъ! — отвѣтили всѣ разомъ.

Заячья-Губа роздалъ всѣмъ сапожки-скороходы, и эльфы зашагали въ шагъ по-старому, скоро и легко.

Къ полудню пятаго дня малютки приблизились къ какому-то большому городу.

— Подождите! — сказалъ Чумилка-Вѣдунъ братьямъ: — я сбѣгаю узнать, что это за городъ, и живо вернусь.

— Иди, иди! — закричали всѣ. — А мы пока отдохнемъ и поищемъ цвѣтовъ.

Малютки успѣли полакомиться цвѣточнымъ сокомъ, который они нашли въ запоздавшихъ осеннихъ цвѣтахъ, отдохнули въ ихъ чашечкахъ, полазили по деревьямъ, а Чумилки все еще не было.

Эльфы не на шутку уже начали бояться, не случилось-ли чего съ нимъ, когда до ихъ чуткаго слуха донеслась веселая пѣсенка Чумилки, а вслѣдъ за этимъ показался и крошечный пѣвецъ.

— Что такъ долго? Какъ ты насъ напугалъ!—посыпались упреки братьевъ.

— Погодите, не кричите, все узнаете, дайте только съ духомъ собраться,—отшучивался Чумилка.

— Ну, ну, ну? — торопили его братья.

— Ахъ, братцы мои,—началъ Чумилка, усаживаясь на пенекъ,—вѣдь мы находимся въ предѣлахъ Россіи!...

— Что ты, что ты?—перебили его малютки.

— Вѣрно вамъ говорю: вѣдь этотъ городъ, что находится передъ нами, это — Варшава...

— Неужели это Варшава?

— Ура! — перебили его опять крошки.

— Какой это, однако, красивый городъ Варшава, еслибы вы знали, — продолжалъ Чумилка, когда всѣ успокоились. — Я тамъ все осмотрѣлъ: какіе тамъ мосты перекинуты черезъ рѣку Вислу, какіе дворцы и церкви въ самомъ городѣ и сколько садовъ!...

— Нечего медлить, соберемся скорѣе туда! — скомандовалъ Заячья-Губа, и въ одинъ мигъ вся ватага была на дорогѣ къ виднѣвшемуся вдали городу.

Малютки за разговорами да спорами не замѣтили, какъ на землю спустилась тем-

ная осенняя ночь съ миріадами звѣздъ и холоднымъ свѣжимъ воздухомъ.

Несмотря, однако, на поздній часъ, городъ былъ оживленъ; по освѣщеннымъ улицамъ мчались экипажи, по тротуарамъ толкались прохожіе, любуясь на выставленные въ магазинныхъ окнахъ товары.

Эльфы тутъ-же толкались между пѣшеходами, весело хихикая при каждомъ толчкѣ. Больше всѣхъ волновался Мурзилка. То онъ оглядывалъ прохожихъ, то вскакивалъ въ экипажи проѣзжихъ, то входилъ въ отворенныя двери магазиновъ. Все, что онъ видѣлъ въ Варшавѣ, чрезвычайно нравилось ему и приводило въ восторгъ.

Кто знаетъ, какъ долго продолжалось-бы веселье, если-бы вдругъ въ воздухѣ не замелькали бѣлыя, пушистыя снѣжинки.

— І, о, а! мы летимъ издалека! все покроемъ и занесемъ — разукрасимъ и замететъ! — такъ пѣли пушинки, кружась въ воздухѣ.

Едва-только заслышали эльфы знакомые

1500 р.

199-1

Центр Белова (рф)

Листок срока возврата книг

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Property of the Library
Wisconsin Academy of Sciences, Arts and Letters